

Оливер Твист

Часть 1.

Реми-отступник

Воронья сага

Реннер, могучий ворон колдовской Черной крепости, бросил вызов своему племени и своему брату Моррису, Верховному ворону, чтобы остаться с любимой. Он укрылся с ней в пристанище на склоне Одинокой горы и был счастлив. Но однажды вороны пришли за ним и за его сыном Реми, чудесным ребенком, обладающим огромной силой, скрытой до поры до времени. И теперь уже Реми придется сделать трудный выбор, который решит судьбу многих.

Глава 1 Голоса в ночи

— Солнце садится, — сказал Син Джой, — скоро вороны выйдут на охоту.

— Ничего, мы будем готовы к встрече. Славная близится ночь. — Реми поправил висевший на плече дробовик и плотно сжал губы.

Лесную тишину нарушил чей-то резкий вскрик, похожий на хриплое карканье. Пока еще очень далекий и словно случайный.

— Кажется, началось, — Эйфория поежилась, под короткую тонкую куртку просочились струйки холодного воздуха, заставив ее зябко передернуть плечами. Девушка плотнее запахнула полы и с тревогой посмотрела на ребят. В лес сумерки приходили раньше назначенного срока. Вернее, они рождались здесь, в сумрачной тени деревьев, просыпались, стоило только дневному светилу склониться к горизонту. Подобно темной стоячей воде они затопили сначала самые глухие уголки чащи, потом расползлись между стволами, невнятно шелестевших кронами, деревьев. И наконец, окрепнув и набрав силу выступили за границу леса, встречать спускавшуюся с небес ночь.

Но пока последние отблески дня еще не угасли, трое друзей ускоряя шаг, быстро пробирались по едва приметной тропе между тесно стоявшими вязами, торопясь добраться до места. Вскоре впереди замаячил просвет и через несколько минут взорам путников открылась большая опушка, в самом центре которой возвышалось сложенное из грубого серого камня сооружение: прямоугольная платформа на невысоких крепких опорах. Наверх вели три массивные ступени, покрытые странными знаками, похожими на выполненные замысловатой вязью буквы алфавита неизвестного или давно забытого языка.

Реми первым поставил ногу на нижнюю ступень и замер, губы его беззвучно зашевелились, повторяя слова древнего наречия. «Кто бы ты ни был, здесь тебя ждут отдых в пути, ночлег и приют. Если сумеешь надпись прочесть, то защитит тебя добрая весть. Если же нет, то тебя не спасут тысячи копий. И те, кто придут вслед за тобой никогда не найдут...»

Он закончил шептать и оглянулся на замерших позади него Син Джоя и Эйфорию. Они стояли в напряженных позах, готовые по малейшему сигналу действовать, и действовать быстро. Реми медленно кивнул им и сказал: «Вы знаете, что нужно делать». Затем выпрямился, расправил плечи и стал подниматься на платформу. Ребята двинулись за ним, на первой ступени они также замирали и неслышно шептали слова защиты. Поднявшись, скинули рюкзаки и устало опустились на шершавую и неожиданно теплую поверхность платформы. Эйфория провела рукой по неровностям камня и ощутила идущее из глубины его тихое, едва различимое гудение, немного покалывало ладонь.

— А что, Реми, — спросила она, — сюда любой может попасть, кто знает слово?

Реми насмешливо фыркнул, он уже лег, подсунув под голову рюкзак и вытянувшись во весь свой немаленький рост. Сложил на груди руки, прикрыл глаза и наконец произнес снисходительно:

— Конечно, нет. Слова — так, на всякий случай. Если на тебе нет знака, слова не помогут. Ну или помогут, но не до конца.

— Это как? — удивилась девушка.

— Не знаю, не проверял. Старшие говорят.

Реми закрыл глаза и расслаблено замер, будто мгновенно уснул. Дробовик он положил

рядом, нацелив в сторону частокола деревьев, вороненная сталь ствола тускло и грозно поблескивала. Сумерки уже захватили чащу и теперь заполняли открытое пространство поляны, темнили небо, прятали, размывали границу леса, обволакивая сидящих на платформе ребят ночную мглой.

— Эй, Реми..., - снова позвала юношу Эйфория. Голос у нее немного дрожал.

— Не мешай ему, — остановил ее Син Джой. — Пусть отдохнет. Ты первый раз в походе?

Девушка кивнула, обхватив колени руками, она замерла в напряженной позе, взгляд ее скользил по высокой траве поляны, темнеющим стволам деревьев, высокому небу, где уже начали зажигаться первые звезды. Над площадкой повисла тревожная тишина, которую нарушал только мерный шелест листы. Стало заметно холодней, теперь при дыхании Эйфория, а для друзей просто Эйфи, замечала выходящие изо рта легкие белесые облачка пара. Прошло довольно много времени, прежде чем в сумраке у границы леса послышался громкий треск, как будто кто-то с силой переломил толстую ветку.

— Реми! — встревоженно вскрикнула девушка и потянулась к юноше, чтобы разбудить, но тут заметила, что он лежит с широко открытыми глазами, которые слегка поблескивали, отражая свет полной луны.

— Тише, — сказал он вполголоса. — Все в порядке. Мы в безопасности. Это олени.

И действительно через несколько минут на поляну вышли несколько крупных животных: старый самец с огромными ветвистыми рогами и две оленихи. Эйфория перевела дух и произнесла нетвердым голосом:

— Красивые какие...

— Ага, — Реми сел и с удовольствием потянулся, с хрустом расправил плечи и шумно вздохнул. Откинул упавшие на глаза иссиня-черные волосы, в которых виднелась единственная белая прядь — родимое пятно, на бледном худом лице отчетливо выделялись очень темные глаза и приподнятые к вискам брови, придававшие ему в минуты злости или раздражения жесткое, хищное выражение. Впрочем, сейчас он был расслаблен и казался безмятежным. Эйфория невольно залюбовалась тонкими чертами лица юноши, хорошо видными в заливавшем все вокруг лунном свете, делавшим мир вокруг очень контрастным, среди глубоких угольных теней пестрели серебристо-пепельные блики, волновалась под порывами ветра трава, переливаясь серыми волнами. Син Джой раскрыл рюкзак и достал пакет с бутербродами.

— Никто не хочет перекусить? — он зашуршал плотной грубой бумагой и повеяло пряным ароматом копченого на углях мяса. Реми поморщился. Оленье семейство до этого мирно щипавшее траву возле кромки леса, настороженно приподняло головы. Их чуткие уши затрепетали, уловив пока еще не различимые обычным слухом звуки. Самец беспокойно переступил тонкими ногами и вдруг сорвался с места. Но было уже поздно. С неба бесшумно спикировали огромные тени, которые обступили благородное животное и закружились вокруг него в стремительном хороводе. Олень заметался внутри быстро сужающегося круга. Его пугливые подружки уже давно умчались в глубь чащи, с треском пробивая себе путь в густом валежнике. А их вожаку оставались считанные минуты жизни. Обезумевший от ужаса зверь издал протяжный трубный глас, ответом на который стал хриплый каркающий смех, такой жуткий, что у Эйфории, в оцепенении наблюдавшей эту сцену, кровь заледенела в жилах. И когда у нее над головой раздался оглушительный выстрел, не смогла сдержать крика.

Выстрел прервал завораживающий страшный танец и черный хоровод распался на отдельные фигуры. Олень как подкошенный рухнул в траву, сердце его не выдержало напряжения и страха. Часть теней кинулась к поверженной жертве, но тут раздался голос сначала неприятный, хриплый, так что не сразу можно было разобрать слова, но по мере того, как говорящий приближался к платформе, где сидели ребята, он становился все мягче и мелодичнее, пока не стал просто чарующим.

— Ну, надо же! Кто это здесь у нас? Ох, какая приятная неожиданность! Какая славная добыча! — высокий человек в черном, раскинув словно для дружеских объятий руки, плавной, танцующей походкой двинулся к площадке.

— Реми, Реми, Реми! Да что с тобой парень! — снова заговорил он. И Эйфории захотелось заткнуть уши, столько было в этом голосе уверенности и силы, жестокой, властной силы, которая требовала подчинения. — Что же ты не выйдешь навстречу старым друзьям! Ты сидишь словно крыса в засаде, схватив эту глупую штуку, как будто она может спасти тебя. Ты боишься, Реми, и правильно делаешь. Потому, что кто спасет тебя от самого себя? Ты просто сосунок, Реми! Я вижу это по твоим глазам. Выходи, дай твоим братьям обнять тебя. Ты обманул нас, Реми! Ты предал нас, но мы простим тебя. Идем же! Верховный отец ждет тебя, Реми! Или ты хочешь, чтобы я сам поднялся к тебе. И кто еще там с тобой. Твои нынешние друзья? Мы примем их тоже, пусть они разделят с нами трапезу.

— Да, да, пусть разделят. Пусть сами станут трапезой! — раздалось со всех сторон насмешливые, хриплые голоса. — Спускайся, Реми. Идем к нам. Или мы сами придем за тобой. И тогда пощады не жди.

Реми неприятно усмехнулся:

— Ты как всегда слишком много болтаешь, Фрай.

Его спокойный голос словно разрушил некие чары и Эйфи почувствовала себя уверенней. Темные высокие фигуры окружили площадку, вдруг ставшую такой маленькой и беззащитной. А Эйфорию внезапно охватил страх, липкий, не дающий дышать. Она посмотрела на Джоя глазами полными ужаса, чувствуя, как тело охватывает противная мелкая дрожь. Но Джой лишь приложил к губам палец и слегка покачал головой. Он весь подобрался и крепко сжимал в руке длинный острый кинжал, до этого спрятанный в неприметных ножнах у бедра. Бутерброды были забыты.

Предводитель воронов остановился в паре метров от края площадки и теперь Эйфория ясно видела его лицо с резкими острыми чертами, черными провалами глаз, они не отражали никакого света и казалось, что на тебя глядит пустота, черное ничто. Лишь в самой их глубине мерцали тусклые красные искры, как угли в потухшем костре. От этого было особенно жутко. Сначала Эйфи показалось, что тот, кого Реми назвал Фраем, очень похож на ее спутника, но, когда страх немного отпустил и она смогла всмотреться пристальнее, поняла, что это не так. Да, у них обоих, впрочем, как и у всех воронов, были иссиня-черные, гладкие, блестящие волосы, очень темные глаза и брови. Но Реми был белокожим, а лица тех, кто стоял вокруг их ненадежного убежища казались смуглыми. Воронов было много, Эйфи насчитала двенадцать, по четыре на каждого из нас, подумала она. Перед началом похода Реми отдал ей свой старый охотничий нож с деревянной рукоятью, обмотанной для удобства полоской дубленой кожи.

— Надеюсь, что не пригодится, — сказал он серьезно и окинув ее хмурым, озабоченным взглядом добавил: Постарайся не потерять.

И вот теперь Эйфи вспомнила про нож и незаметно приоткрыв рюкзак стала судорожно шарить в его недрах. Наконец, рука ее наткнулась на плотный сверток, и она осторожно, стараясь не привлекать ничьего внимания, потянула его наружу. Она не знала сумеет ли в решающий момент пустить нож в дело, но подумала, что с ним не будет чувствовать себя такой незащищенной. Как бы ей хотелось сейчас, чтобы у площадки были высокие, крепкие стены, за которыми они могли укрыться. Да, Реми сказал, что здесь им ничто не угрожает, и Син Джой тоже считал так, но девушке было невыносимо чувствовать на себе взгляды этих черных словно неживых глаз. Они лишали сил, подчиняли и приказывали. Эйфи знала, что нельзя смотреть в глаза воронам, но сделать это хотелось нестерпимо, словно чья-то чужая воля заставляла ее поднять голову и взгляд. «Нет, нет, нет, — горячо зашептала она, — ты не будешь этого делать. Не смей.»

Между тем до рассвета было еще далеко и вороны разбились на две группы: одна вернулась к оленю и принялась терзать бездыханную тушу, вторая, во главе с Фраем, осталась возле платформы. Они сбились поодаль в кучку и о чем-то переговаривались. Потом вновь принялись кружить вокруг. Эйфи решила немного осмотреться, подняла голову и вздрогнула. Напротив нее, очень близко за краем платформы стоял рослый ворон и довольно скалился. Поймав ее взгляд, он ощерился хищной ухмылкой и заговорил гортанным грубым голосом со странным резким акцентом:

— Смотри, брат, у них тут скра. Краасотка вроде. Тебе нужна такая? Иди-ка сюда, скра. Я научу тебя охотиться.

Эйфи замерла. Не смея пошевелиться и даже вздохнуть, она заворуженно смотрела на черную фигуру, на плечах которой топорщились пучками, будто острия копий, кончики длинных перьев. Они шевелились словно сами по себе, то исчезая, то появляясь. К говорившему неслышно присоединилась еще одна черная тень:

— Да, Мортон, верно-верно. Это девушка и она хороша: тонкая бледная кожа, губы, цвета дорогого вина. Интересно какова на вкус ее плоть? Она нежная и сладкая? О, да! Ее глаза блестят, брат, они цвета зимнего неба. Интересно, каковы на вкус ее глаза? А темные волосы отливают золотом, красным золотом середины осени. И она боится нас, брат! Смотри, как она дышит, как волнуется под грубой тканью ее нежная маленькая грудь. Я хотел бы насладиться ее грудью, Мортон. Это самое восхитительное, самое нежное блюдо какое ты только можешь себе представить. Я чувствую дрожь ее сердца под этой атласной кожей, — раздался тихий смешок. — Она боится, что мы позовем ее и она придет. Эй, Реми! Зачем ты привел сюда эту птичку? Нам на потеху? Или ты тешишься с ней сам? Хочешь, я позову твою скра. Я могу забрать ее, и ты мне ничего не сделаешь. Ведь так, Реми-сосунок?

По вкрадчивой интонации и чарующему тембру голоса Эйфория узнала Фрая. Он возвысил голос, сменив вкрадчивый тон на властный и сказал, четко разделяя слова:

— Скажи мне свое имя!

— Я Эй..., - она успела зажать себе рот обеими руками, сильно прикусив палец, и с трудом сдерживая рвущийся наружу ответ. Эти усилия причиняли нестерпимую муку. Ей показалось, что голову сжал раскаленный огненный обруч. Она глухо застонала, чувствуя, что вот-вот заговорит. Но тут ей на плечо легла дружеская рука:

— Заткнись, Фрай. Оставь ее и уходи.

Обруч лопнул и рассыпался пеплом. Эйфи перевела дух и с благодарностью взглянула на вовремя подоспевшего Реми. Вместе с наваждением прошло и желание подчиниться. Голос Фрая вдруг утратил свою силу и сам он тоже как-то сжался и отступил, напоследок

окинув Эйфи непроницаемо-черным взглядом. Реми тоже наградил ее долгим, внимательным взглядом, хмуро сдвинув брови к самой переносице.

— Держись ко мне ближе, — сказал он наконец.

— Что будем делать? — к ним подошел Син Джой и, запустив пятерню в свою и так вечно лохматую шевелюру, принялся яростно чесать затылок. На его крупном носу блестели капельки пота, хотя ночь дышала холодом близких гор. Реми ответил рассеяно, погружившись в свои мысли.

— Ничего. Ждать.

Эйфория зябко обхватила плечи:

— Они, ведь не могут попасть сюда, правда? Что это за место?

— Это защищенное место, — произнес Реми. — Оно лишает их сил...

Мертвая оленья голова с частично обломанными рогами внезапно со свистом влетела на платформу, пущенная с нечеловеческой силой и, вскользь ударив девушку по бедру, со стуком покатила к центру площадки. Дальше все произошло так стремительно, что Эйфи потом не могла сказать, сколько это заняло времени. Она помнила, как громко вскрикнула от неожиданности, ее развернуло после удара, она сделала несколько шагов назад, последний шаг был уже в пустоту. Беспомощно взмахнув руками, девушка рухнула с платформы, и покатила, почувствовала, как в нее вцепились чьи-то острые пальцы, больше похожие на когти и потащили с шуршанием по траве. Боль пронзила плечо, она закричала. Две тени метнулись следом с площадки. Руки-когти, сжимавшие ей плечи, разжались, послышался шум борьбы, гортанные резкие вскрики, звуки ударов. Кто-то сильным рывком поднял ее и закинул на край платформы, резко толкнул вглубь, запрыгнул сам и голосом Син Джоя прокричал: «Есть, Реми! Уходи!». Оглушенная Эйфи подняла голову и увидела, как Реми необыкновенно быстро двигаясь, дробовиком как дубиной, отбивается от наседавших на него воронов, которые пытались сбить его с ног. Вот они почти скрыли от нее его тонкую гибкую фигуру, так что со стороны казалось, что по поляне катится огромный клубок черных тел, стремительно отдаляясь от убежища. «Они гонят его к лесу! — воскликнул Син Джой, и закричал, — Реми! Дробовик! Прикончи их!»

«Стреляй же, ну! — подумала она, и тут, словно в ответ на ее мысленный призыв, раздался выстрел, полыхнула яркая вспышка, стая, обступившая Реми, отпрянула, и он не мешкая кинулся к каменному помосту. Несколько воронов метнулись следом, но почти сразу остановились. Реми одним прыжком преодолел ступени, заскочил на платформу и тяжело дыша рухнул рядом. Опрокинулся навзничь и вдруг хрипло засмеялся, будто закашлял. Грудь его, разгоряченная дракой, резко и часто вздымалась, куртка была порвана в нескольких местах, располованная острыми когтями, кое-где в прорехах виднелись глубокие царапины, сочившиеся кровью, волосы растрепаны и торчали в разные стороны как перья. В глазах пылал, затухая, сумрачный огонь.

— С тобой все в порядке? — встревожено спросил Син Джой.

— Да, в порядке, — Реми оборвал смех и, выровняв дыхание, сказал, — Помял им немного крылья, да начистил несколько клювов. Жаль Фрая не достал. Осторожный, гад, никогда не лезет в ближний бой. — Он повернулся к девушке. — Ты не ранена?

Эйфи отрицательно помотала головой.

— Испугалась?

Она кивнула и заплакала, спрятав лицо в ладонях. Син Джой вытер со лба пот грязным рукавом джемпера и шумно перевел дух.

— А, уж как я испугался, — произнес он, и поймав удивленный взгляд Реми, счел нужным пояснить. — За Эйфи.

— Ладно. Тебя точно не задели, Эйфи?

Эйфория покачала головой, боли она уже не чувствовала, а может это было действие шока. Но слезы продолжали течь, как она не пыталась взять себя в руки.

— Как они смогли? — пробормотал Реми озадачено и стал пристально всматриваться в темноту, уже слегка разбавленную молочно-белой кисеей тумана, поднимавшегося со своего травяного ложа. Ночь была на исходе. Вороны отступили к кромке леса и до друзей донесся изменившийся и загрубевший голос Фрая: Я не прощаюсь, Реми! Реми-отступник, потерявший дорогу. Реми-сосунок!

Двенадцать черных теней взметнулись ввысь, несколько раз с карканьем облетели платформу и растаяли в еще по ночному темном небе.

Реми устало поднялся и подошел к краю каменной плиты, сплюнул им вслед. Густо окрашенная кровью слюна запачкала траву перед помостом, и Эйфория только сейчас разглядела, что на скуле у него темнел багровый синяк и несколько кровоточащих ссадин, была разбита губа. Она сняла с пояса фляжку и смочила водой из нее носовой платок, потом приблизившись к неподвижно застывшему юноше, стала осторожно, мягкими, короткими касаниями, стирать у него с лица влажным полотнищем кровь и грязь.

— Спасибо, что выручили. Мне так стыдно, что я вас подвела.

Реми улыбнулся:

— Не стоит, немного размялись, только и всего. Я одного не понимаю, — сказал он задумчиво. — Как у них получилось задеть тебя? Так не должно было быть.

— На ней нет знака, — подал голос Син Джой. — Ты разве не видишь?

Реми вскинул на девушку глаза. Под его внимательным, испытующим взглядом она смущенно отвернулась.

— Нет знака? И ты молчала? — он обернулся на Син Джоя, который как ни в чем не бывало вновь разворачивал пакет с бутербродами. — А ты почему мне не сказал?

Син Джой удобно устроился на краю площадки, свесив ноги, и со вздохом наслаждения впился в толстый ломоть хлеба с мясом.

— А что бы это изменило? — пробурчал он с набитым ртом. — Да и потом, я не был уверен.

— Так ты не прошла Посвящение? — Реми пораженно смотрел на девушку. — И решила идти в поход? На земли воронов?

— Ну да, — под его пристальным взглядом Эйфи почувствовала себя неловко. — Я не думала, что это так опасно. И так страшно... Ведь до сих еще никто не погиб и не пропал. По крайней мере я не слышала о таком.

— Уже несколько лет нет жертв, потому что Реми водит отряд, — недовольно сказал Син Джой. — Он хорошо знает эти места. Так ведь, Реми?

— Да, — сдержано ответил тот. Он подошел к рюкзаку и достав фляжку с водой принялся жадно пить, потом сел и о чем-то глубоко задумался, ссутулив плечи. Эйфория опустилась на колени рядом с ним, тронула за плечо и спросила вполголоса:

— Так ты один из них?

Реми долго молчал, прежде чем ответить:

— Нет, я не один из них. Я вырос здесь, среди них, но я не один из них... Тебе нужно пройти Посвящение, Эйфи.

— Да, я знаю.

— Нам придется вернуться. Я не могу так рисковать.

— Нет, Реми, пожалуйста! Я прошу тебя, — Эйфория сложила ладони в умоляющем жесте, глаза ее наполнились слезами. Но юноша отрицательно покачал головой и произнес примирительно:

— В другой раз, хорошо, — и грустно добавил, — ты не знаешь, о чем просишь.

Остаток ночи они провели в полудреме кое-как устроившись на камнях площадки. Скоро полоска неба над лесом посветлела и на ее фоне резко обозначились верхушки деревьев, звезды бледнели и гасли, порыв холодного влажного ветра всколыхнул густую траву, расправляя примятые потасовкой стебли, и разметал призрачную кисею тумана, не успевшего как следует окрепнуть. В чаще раздались первые птичьи трели, возвестившие, что близится утро очередного дня. Они разбудили Син Джоя, который громко зевнул и, со стоном потянувшись, поднялся. Несколько раз прошелся по платформе, разминая затекшие ноги, потом посмотрел на спящих друзей и громко воскликнул:

— Эй вы, засони! Ну что, когда двинемся дальше?

— Мы возвращаемся, — категорично сказал Реми, открывая глаза. — А сейчас неплохо бы поесть. Там хоть что-то после тебя осталось, обжора?

— Конечно, осталось! Я же на всех взял, — обиделся Джой. — Вот, Эйфи, держи.

Он запустил в недра рюкзака руку и протянул девушке промасленный и дивно пахнущий пакет, предварительно шумно понюхав его и сладко причмокнув.

— Я не хочу, — произнесла она.

— Поешь, — сказал Реми строго. — Привал не скоро будет, ты не дойдешь. У нас не так много времени.

Она взяла пакет, развернула его и, разломив сэндвич на две части, протянула одну Реми. Тот отрицательно покачал головой, снова едва уловимо поморщившись. Эйфория растерялась:

— А как же ты?

— А он не ест мясо. Очень удобно для нас с тобой, — вдруг засмеялся Син Джой и достав из своего объемистого рюкзака два больших новых свертка, один, задумчиво взвесив в руке, оставил себе, другой кинул Реми. — Вот, лови, как раз в твоем вкусе: с рыбой и спаржей тетушки Эльзы. И сам ты обжора!

Реми ловко поймал сверток и без лишних разговоров принялся за еду. Некоторое время все были очень заняты, вкус пищи разбудил аппетит, и Эйфи поняла, как была на самом деле голодна. Завтрак, как бы не был он скуден, влил новые силы в их тела, утомленные накануне долгим дневным переходом и ночными приключениями. Вода из фляжки утолила жажду и прогнала начавшее охватывать сознание сонное оцепенение. Когда первые солнечные лучи окрасили восточный край неба пока еще застенчивым румянцем, отряд покинул каменный помост и двинулся дальше. Обошли по широкой дуге останки того, что еще несколько часов назад было сильным, красивым животным. Вороны славно попиروвали. В траве валялись кости с неопрятными лохмотьями мяса и сизые комки внутренностей, к которым из-за кустов уже давно осторожно принюхивались две старые лисицы: мать и дочь, дожидаясь, когда люди с неприятной, шумной штукой, опасно плюющей огнем, покинут пределы поляны. А перед помостом осталась лежать мертвая оленья голова, которую швырнул на землю Син Джой, чтобы она не оскверняла убежище. Через несколько месяцев солнце, влага и шустрые лесные зверьки, что не брезгают падалью, обнажат ее череп, и он будет обречен

день за днем смотреть пустыми глазами на неизменную смену времен года.

Глава 2 Предостережение

Солнце высоко поднялось в безоблачном небе, расправив свои жаркие лучи. Но в лесу было еще свежо, пахло зеленью, травами и немного прелью. Впереди, ориентируясь на одному ему известные приметы, шел Реми. Он двигался по привычке быстро и бесшумно, время от времени останавливаясь и поджидая своих спутников. Эйфи держалась неплохо, а Син Джой совсем запыхался и шумно дышал, то и дело вытирая со лба обильный пот. На джемпере, под мышками и на спине, у него проступили темные влажные пятна.

— Давай, Джой! Поднажми! — засмеялся Реми в очередной раз оглянувшись назад и немного сбавив ход.

— Смейся, смейся, — проворчал вполголоса Син Джой, пыхтя и отдуваясь. — Упаду, на себе потащишь. Вот тогда я посмеюсь.

— Ну нет! — Реми наконец остановился. — На это даже не рассчитывай. Будешь здесь лежать, пока не похудеешь. Или пока вороны тебя не найдут. У них ты быстро сбросишь вес.

Эйфи поравнялась с Реми и устало перевела дух. Потом сказала:

— Что-то нога разболелась. Извини. На самом деле я не такая слабая.

Реми встревожился:

— Сильно? Где? Покажи?

Эйфория опустила рюкзак и дотронулась до бедра, там, где ее ударила оленья голова.

— Присядь, — сказал Реми. — Тебе нужно отдохнуть.

— Да, — согласилась она.

Син Джой доковылял до них и рухнул на землю, подмяв под себя густую куртинку ажурного лесного папоротника, немного поерзал устраиваясь поудобнее и отдышавшись заметил:

— Еще хорошо, что у них не было ножей или кинжалов, могли бы и вовсе прикончить. Тем более, что на тебе нет знака.

— Вороны не носят с собой оружия, Джой. Ты же знаешь. Тем более на охоту.

— Не носят оружия? Почему? — Эйфория пристроилась напротив Джоя в кружевной тени высокого старого вяза, по толстой, морщинистой коре которого сновали суетливо муравьи. Ее разгоряченное ходьбой лицо приятно обдувал прохладный ветерок.

— Оно им не нужно, — Реми сел немного поодаль и вытянул свои длинные ноги. — Их оружие — клюв, способный пробить железо, когти, острые как лезвия ножа, сила, быстрота и жестокость, а еще страх, который они умеют внушить. Они — сами оружие. Кстати, Эйфи, ты мой нож не потеряла?

Девушка испуганно охнула и схватив рюкзак, принялась торопливо в нем рыться. Реми со спокойным любопытством наблюдал за ее действиями. И когда она расстроено посмотрела на него и опустила руки, понимающе кивнул:

— Ясно... Ладно. Тогда ждите меня здесь. Я быстро.

— Ты что, — закричал Син Джой. — Хочешь вернуться? За каким-то ножом? А нам что делать?

— Джой, не шуми, — кротко сказал Реми. — Я быстро, за час управлюсь. Все будет в порядке. А вы пока устройте привал, отдохните как следует. Все равно мы так тащимся, что хорошо, если к ночи доберемся. Здесь безопасно. Вот держи, на всякий случай, — он неохотно протянул Джую дробовик. — Только, пожалуйста, не пали по всем кустам, что

покажутся тебе подозрительными.

Потом, подпихнув к нему ближе свой рюкзак, быстро скрылся за деревьями. Повисла гнетущая тишина. Джой что-то раздраженно пробурчал и затих, сонно прикрыв глаза. Эйфория подавлено молчала. Ей показалось, что прошло довольно много времени, Реми все не было. На самом деле даже дневное светило еще не приблизилось к своему зениту. Задремавший в тенечке Син Джой внезапно всхрапнул, открыл глаза и спросил у неподвижно сидевшей девушки:

— Все спокойно?

Она кивнула. В лесу царила умиротворяющая атмосфера, в листве пересвистывались мелкие пичужки, несколько раз начинала в отдалении выкликать своих потерянных детей кукушка. Но Эйфи ноющей раной ощущала в душе смутную тревогу за Реми, так что долгожданный отдых не доставлял ей никакого удовольствия.

— Я заметил, тебе нравится Реми, — вдруг подал голос Син Джой, — Будь с ним поосторожнее.

— Почему? — насторожилась Эйфория.

— Ну, он все-таки ворон. И всегда им будет. Как ни крути, они его народ.

— Он не такой как они, — сказала она сердито.

— Пока еще нет. Но кто знает, не захочет наш благородный Реми, когда ему надоест ползать по земле, посмотреть на мир с высоты птичьего полета и почувствовать себя его хозяином. И тогда, я бы не хотел оказаться у него на пути.

Эйфория кинула на Джоя неприветливый взгляд:

— Он ведь твой друг? Или я ошибаюсь?

— У воронов нет друзей.

— Он — не ворон! — упрямо повторила Эйфи. — Он один из нас...

— А может все еще один из них, — перебил ее Джой. Но девушка сердито замотала головой.

— Нет! И ты сам сказал, за все время, что он ведет отряд, никто не пострадал.

— Ну да, никто, — Син Джой прищурился, сорвал былинку и с преувеличенным интересом стал ее рассматривать. — Вот только из воронов тоже никто не пострадал. А ты заметила, как он легко ушел от них ночью. А ведь их было с ума сойти как много. Ты скажешь, он был под защитой Знака. Хорошо, согласен. Но ведь, его соплеменников ничто не защищает, кроме их черных перьев. Ох, не к ночи будут помянуты. А у него был дробовик, легко мог уложить парочку. Однако, не стал. Может, потому что до сих пор с ними заодно. Вот и сейчас не хотел мне его отдавать.

— Хватит! — Эйфи вскочила и отошла подальше, села к Син Джою спиной и принялась доставать из рюкзака вещи, решив переложить их получше и скоротать время. А еще унять беспокойство и раздражение, вызванные неприятным разговором. Но Джой кряхтя поднялся и, потирая поясницу, подошел к ней. На его обычно добродушном круглом лице сейчас явственно читалась обида:

— Думаешь, я наговариваю на него?

— Я думаю, ты ему завидуешь, — отрезала она, продолжая рыться в рюкзаке. Джой присвистнул и сказал со злостью.

— А, даже так! Тогда спроси у него про отца. Ты тоже слышала, что сказал тот его разговорчивый дружок. Кажется, они с ним хорошо друг друга знают. Если ты забыла, то он сказал, что отец ждет его. Зачем, а? Вот, что я хотел бы знать.

Эйфи резко выпрямилась, лицо ее покраснело и глаза пылали гневом:

— Послушай, Джой! Я не хочу с тобой ссориться, но ты меня вынуждаешь. Зачем ты завел этот никчемный, дурацкий разговор. Ты хочешь, чтобы мы здесь перестали доверять друг другу, чтобы мы все переругались и все окончательно испортили. Мы и так достаточно натворили дел. Да-да, знаю! Я натворила! Из-за меня мы сейчас возвращаемся без живых камней. А значит Посвящения в этом году не будет. Теперь ты хочешь, чтобы я считала Реми врагом. Чтобы свалить на него всю вину. Если бы он хотел, он бы давно вернулся к воронам, но он с нами.

— Может я просто хочу, — закричал в ответ Джой, — чтобы ты была осторожнее. На тебе даже нет защиты! И мы здесь, заметь, целиком в его власти. Так что, думай сама, где он сейчас и что делает... А этот поход, здесь с самого начала все пошло как не надо. И я не знаю, кто виноват в этом, может и Реми, может и нет. Но он не должен был тебя брать, как бы ты его не просила. Потому что это не по правилам. Девчонки не ходят за живыми камнями. А ему нужен был повод затащить тебя сюда, подальше от твоей семьи. Ты ведь не сказала им, где ты будешь и с кем. Тогда твой отец просто запер бы тебя на неделю и ничего бы не было. Но тебе нужен Реми, ты с него глаз не сводишь. Конечно, он ведь такой...

Эйфи подскочила к Син Джою и со всей силы вlepила ему пощечину, звук от которой звонким эхом разошелся вокруг. Они стояли друг напротив друга с пылающими лицами, ничего больше не замечая и тяжело дыша. Потом Эйфория отвернулась и кусая губы, сухо сказала:

— Прости. Я не хотела.

Джой потер рукой щеку, на которой отпечаталась маленькая пятерня и угрюмо процедил:

— Ага, я так и понял.

Они отошли на несколько метров в разные стороны и снова сели, каждый под своим деревом, но так чтобы не видеть друг друга. Эйфория оперлась затылком на твердый, шершавый ствол, из глаз ее беззвучно полились слезы. Несколько бледно-желтых листьев, похожих на хрупкие золотые монеты упали ей на волосы, но девушка их даже не заметила. Из большого дупла на старой, согнутой непогодой и возрастом березе выглянула белка и поспешно скрылась, не доверяя воцарившейся тишине. Ветер стих и деревья сонно молчали, день близился к полудню, а Реми все не возвращался.

Часом раньше Реми достиг места их ночевки и принялся шарить руками в траве, там, где Эйфи упала с помоста. Наконец, взгляд его зацепился за торчавшую из куста чертополоха рукоятку ножа, и он облегченно выдохнул. В этот момент чья-то тень закрыла на миг солнце позади него. Он стремительно обернулся, вздрогнул и замер, прижавшись спиной к шершавому камню опоры. Внутри у него все похолодело и по лицу разлилась предательская бледность.

— Я знал, что ты вернешься, — сказал Моррис. — Я видел нож. Фрай рассказал мне с встрече. Ты, кажется не рад мне, Реми?

— Нет, совсем не рад, — сказал Реми, изменившимся голосом. — Что тебе нужно, скарг?

— Скарг, хорошо. Ты не забыл, кто я.

— Я ничего не забыл, — голос его зазвучал тверже.

— Тогда ты знаешь, зачем я здесь. Хотел посмотреть на тебя. Ты вырос и кажешься возмужавшим, но все еще боишься признаться себе, в том, что ты есть. Фрай сказал, что с

вами была скра. Он сказал, ты с ней связан. Я бы хотел тебя предостеречь, Реми. Она может стать помехой на твоём пути. Её красота будет действовать незаметно, как яд разъедая твоё сердце, пока ты не потеряешь его окончательно. У тебя другое предназначение. Не повторяй ошибку твоего арга. Он был глупцом, он опозорил себя.

— Ты не смеешь так говорить о нём! — выкрикнул Реми, кровь бросилась ему в лицо, глаза возмущенно засверкали. — Ты — каллар, убийца. И мне не нужны твои советы. Оставь меня в покое!

— Мальчишка, — презрительно бросил Моррис. — Ты прошел Посвящение, но ты не стал одним из них. Ты думаешь, Знак защитит тебя от меня? Ты посчитал себя неуязвимым? Да, ты стал сильнее, Реми-нарраг, Реми-отступник. Но только не для меня.

Моррис поднял руку, сделал несколько резких движений и Реми закричал от нестерпимой боли. По его груди побежала огненная искра, выжигая знак Верховного ворона: две изогнутые как когти параллельные линии, которые пересекала черта с двумя длинными зарубками на вершине и одной, похожей на звезду точкой.

— Вот истинный знак, Реми. Это тебе, на память, чтобы ты и впредь помнил, кто твой настоящий хозяин.

Корчась от боли Реми опустился на колени, потом ткнулся лицом в траву не в силах сдержать стоны. Впившись скрюченными пальцами в жесткий дерн, он захрипел, из последних сил цепляясь за стремительно ускользящее сознание. Сквозь наступавшую тьму беспомощно слышал шум крыльев, уносящих Верховного ворона в его мрачную крепость в самом сердце векового леса. С трудом, преодолевая слабость, он вполз на каменный помост убежища, опрокинулся на спину, обессиленно закрыл глаза и постарался широко раскинуть руки. Постепенно его тяжелое, сиплое дыхание стало мягче и тише, губы беззвучно зашевелились, повторяя подсказанные памятью, старательно затверженные при Посвящении слова. На лбу выступила испарина, сведенные судорогой мышцы расслабились. Боль, терзавшая тело, прожигавшая его огненным жалом до самого сердца, стихла, края ожога перестали кровоточить и побелели. Выжженный, словно клеймо на середине груди, знак зарубцевался и начал таять, но до конца так и не исчез, оставшись едва заметным шрамом. Реми глубоко вздохнул и прошептал: «Ты мне не хозяин, скарг». Картины далекого прошлого встали перед его мысленным взором.

Он увидел темноволосого мальчика девяти лет, стоящего посреди огромного, похожего на угрюмую пещеру, зала. Там было темно и душно, и в этом мраке белая прядь в волосах ребенка чуть заметно светилась. Реми помнил, как едва мог сдержать дрожь под тяжелым жестким взглядом возвышавшегося напротив него Верховного ворона в обличии крепкого сурового мужчины с лицом словно высеченным из гранита.

— Я вижу на тебе отметины, Реми. Кто тебя бил? Впрочем, можешь не отвечать, — резкий голос тяжело и весомо ронял слова. — Я и так знаю, что это был Фрай. На самом деле меня интересует другое. Почему на тебе есть отметины, а на нём нет? Ты должен был ответить ему. Да, он гораздо старше тебя и сильнее, но ты никогда не станешь настоящим вороном пока не научишься воздавать обидчику ударом на удар, двумя, десятью ударами на один удар.

— Я не хочу быть вороном, — тихо сказал мальчик, едва шевеля разбитыми губами. И тут же получил оглушительную затрещину, повергшую его на пол.

— У тебя нет выбора, — сказал суровый голос. — Ты станешь вороном или падалью. Сейчас ты больше похож на падаль. Запомни, у воронов нет слабостей, они не выдают своих

чувств, если только это не чувство ненависти. И у тебя не должно быть других желаний, пока ты не пройдешь Обряд и не станешь вороном. Ты понял меня, Реми? Отвечай быстро, когда я спрашиваю.

— Да, скарг Моррис. Я понял.

— Тогда поднимайся. Утри сопли и убери здесь за собой. Ты забрызгал мой пол своей грязной кровью, и я не хочу испачкать в ней обувь... Но ты хотя бы не плачешь. Уже хорошо...

Глава 3 Речной морок

Легкое шуршание травы заставило Эйфи обернуться, она выглянула из-за дерева, где так и просидела все это время, не реагируя на попытки Син Джоя завязать разговор. Сердце у нее гулко и радостно забилося: Реми вернулся. Она торопливо поднялась и вышла ему навстречу.

— Тебя долго не было... — начала она, но вдруг заметила, что Реми как-то очень плохо выглядел: лицо осунулось и было таким бледным, что в легкой лесной тени, отливало голубизной, под глазами залегла глубокая синева, придававшая ему изможденный вид, волосы были спутаны и в них застряло несколько сухих травинок, губы покрыла спекшаяся корка, в трещинках которой, когда он заговорил, выступили алые бисеринки. На грязной изорванной рубашке, видневшейся под курткой, девушка заметила свежие пятна крови, еще не успевшей побуреть на воздухе. За последние несколько часов он словно постарел на несколько лет. Эйфи испуганно уставилась на него.

— Да, — рассеяно сказал он, — пришлось немного задержаться. У вас все хорошо?

Эйфория кивнула и, поймав многозначительный взгляд Син Джоя, спросила:

— Ты нашел нож?

— Да, нашел. Нам надо идти. Джой, верни мне дробовик. Пошлите быстрее. Вь отдохнули?

Его немного бессвязная речь, лихорадочно блестящие глаза и странный вид не на шутку встревожили обоих его спутников. Они переглянулись, но, не сказав больше ни слова, быстро собрались и зашагали вслед за своим вожатым. Реми шел молча, гораздо медленней, чем утром, и они без труда нагоняли его, почти наступая на пятки. Вскоре Эйфория заметила, что он начал запинаться и пошатываться. Она оглянулась на Джоя и уловила на его лице то же беспокойство, что терзало ее.

— Реми, послушай, — заговорила девушка, стараясь не выдать голосом, охвативший ее страх. — Может устроим привал. Ты не голоден?

Они с Джоем уже поели пока ждали его, но Эйфи решила, что благоразумней промолчать об этом. Тем более, что Реми, только что сообразила она, скорее всего ограничился за все это время одним своим рыбным сэндвичем и возможно, она с надеждой уцепилась за это шаткое предположение, просто обессилел от голода. Но он отрицательно помотал головой, продолжая упрямо двигаться вперед, словно пытался убежать от кого-то или от чего-то. Тогда Джой, отбросив неуместную, по его мнению, дипломатию, обогнал Эйфи и, обойдя Реми, преградил ему путь. Они остановились.

— Ты что-то неважно выглядишь, друг, — неожиданно мягко сказал Джой. — Ты вроде совсем себя загнал. Тебе нужно отдохнуть.

— Нет, — Реми не сказал, а выдохнул из себя это слово, сделав слабую попытку отодвинуть товарища в сторону, и Эйфи поняла, что он держится из последних сил, экономя дыхание.

— Нет, Реми, послушай его! Ты же на ногах не стоишь! — Эйфория отпустила свою тревогу на свободу и теперь она в полную силу зазвучала в ее голосе. — Мы можем подождать пока ты отдохнешь. Ничего страшного.

— Ничего страшного, говорите? Ну-ну. — Реми как-то странно, болезненно усмехнулся и потер ладонью грудь, — Пойдемте. Нам надо скорее добраться до реки. Нет времени. Там

отдохнем. Не стой на тропе, Джой.

Джой сокрушенно вздохнул и уступил дорогу. Дальше все шли молча, слышалось только тяжелое дыхание Реми, который каким-то чудом еще сохранял набранный ими темп. В воздухе разлилась тревожная предгрозовая тишина. Небо внезапно нахмурилось и потемнело, послышались отдаленные раскаты грома. Лес помрачнел и деревья уже не казались дружелюбными великанами, готовыми дарить путникам приятную тень в жаркий полдень и убаюкивать нежным шелестом листьев. Они вдруг обернулись своей другой, темной стороной и будто недобро следили за вторгшимися в их владения чужаками. Эйфи и Джой, сами того не замечая, стали чаще оглядываться назад и по сторонам. Им мерещились странные шорохи и порой хлопанье крыльев. Несколько раз Эйфи послышался далекий вороний грай и ее пробрал озноб. Перед глазами встала жуткая фигура, напугавшего ее на каменной площадке ворона. Она ускорила шаг и почти обогнала Реми. Ей стало страшно.

— Эйфи, — позвал ее Реми. — Дай мне свою руку.

Она послушно, с готовностью, вложила свою руку в его ладонь, и он неожиданно крепко пожал ее. Стало чуть спокойнее. Теперь уже никто не помышлял об отдыхе, мечтая скорее выбраться из леса. Он казался ловушкой, где за каждым деревом прятался недруг. Один раз они пересекли глубокий овраг, по дну которого струился быстрый, говорливый ручей. Несколько глотков ледяной воды придали сил. Реми окунул лицо в воду и это освежило его, позволив быстрее двигаться дальше. Вода в ручье текла с гор, с далекого, сверкающего в солнечных лучах ледника и была необыкновенно вкусной, хоть от нее ломило зубы. К реке вышли неожиданно. Лес просто кончился и перед ними открылась гладь неспешно текущего потока, в его спокойном зеркале отражался скалистый берег на другой стороне.

Они спустились к самой кромке воды. Волны неторопливо ласкали мелкий золотистый песок широкой полосой, протянувшийся до самых куп деревьев. Усталые ноги вязли в нем, журчание реки завораживало, звало измученных путников остановиться, присесть на мягкий бархат песка и отдаться созерцанию мерцающих на водной ряби бликов света. Но Реми упорно вел их дальше. Они миновали излучину, обошли заросли какого-то кустарника с острыми, длинными листьями и наконец уже в сумерках вышли к тихой заводи, на берегу которой росла огромная ива, чьи длинные, гибкие ветви поникли до самой земли, образуя своеобразный полог, под которым могли укрыться сразу несколько человек.

— Все, — выдохнул Реми, — здесь заночуем. Под ивой.

— Ты уверен? — с сомнением спросил Син Джой. — Играть с воронами в прятки — плохая затея.

— Зато место хорошее, — Реми первым нырнул под зеленый полог, бросил рюкзак, повалился на мягкую дерновую постель и мгновенно отключился. Эйфория озабоченно склонилась над ним.

— Не нравится мне все это, — ворчливо заметил Джой. — Мы должны были идти к границе земель, а зашли не знамо куда. Зачем он привел нас сюда? И что это за место?

— Джой, кончай болтать, — оборвала его девушка. — Подойди сюда. Потрогай, какой он горячий. Мне кажется, у него начинается лихорадка.

— Только этого нам не хватает!

Он опустился рядом с неподвижно лежащим Реми, коснулся ладонью лба и присвистнул, неприятно пораженный.

— Плохо дело, Эйфи!

Они посмотрели друг на друга, испуганно раскрыв глаза, и одновременно сказали:

— И что нам теперь делать?

Лицо и руки Реми пылали сухим горячим жаром, впрочем, как и весь он, словно его сжигало невидимое пламя. Дыханье стало хриплым и прерывистым, тени под глазами потемнели и казались черными. Положение было очень серьезным.

Осторожно озираясь по сторонам, Джой уже несколько раз пробирался к реке и приносил во фляжке воды. Стемнело, гроза прошла стороной и небо очистилось, вновь вышла на прогулку по излюбленному небесному маршруту круглобокая луна. Ее рассеянный серебряный свет косыми лучами проникал сквозь вяло колышущиеся ветви ивы, лениво двигаясь вместе с ними. Эйфи без устали смачивала прохладной речной водой свой носовой платок и уже в который раз протирала им лицо и руки Реми, продолжавшие гореть. Временами ее охватывало черное отчаяние и на глазах закипали слезы, но она не прекращала усилий. Ей казалось, что если она остановится, то они потеряют его навсегда. Прошло довольно много времени, Реми был все также неподвижен и тяжело дышал. Влажное полотенце, которое она несколько минут назад положила ему на лоб уже высохло. Эйфория вытряхнула из фляжки последние капли воды и позвала Джоя. Но Джой не откликнулся: привалившись к стволу древней ивы он крепко спал, чему-то улыбаясь во сне. Эйфи хотела уже возмущенно растолкать толстяка, как вдруг услышала что-то странное.

Со стороны реки донеслись протяжные нежные звуки, словно кто-то пел дивным голосом печальную тихую песню, повторяя одно только слово. И слово это было так прекрасно и сладостно, что у Эйфории защемило сердце. Она прислушалась, потом поднялась и слегка раздвинув ветви, стала высматривать певца. Голос кружил над заводью то удаляясь, то приближаясь. Шум за спиной заставил ее обернуться. Реми сидел, распахнув глаза, отрешенно смотрел куда-то вдаль и казалось тоже слушал песню. Она хотела окликнуть его, но что-то в лице Реми остановило ее.

Песня стала звучать громче и призывнее, тогда Реми встал и вышел наружу. Казалось, он шел на голос ничего не видя вокруг. Не заметил он и Эйфорию, хотя прошел, почти задев ее рукой. Не задумываясь девушка незаметно последовала за ним, стараясь держаться в отдалении, но не упуская из вида его ясно различимую в лунном свете фигуру. Подойдя к краю заводи, Реми опустился на колени, потом сел, голова и плечи его устало поникли, и Эйфории показалось, что он сейчас упадет. Но тут чудесный голос зазвучал громче и над темной водой замерцало легкое светлое облако. Оно плавно двинулось к юноше, и Эйфи разглядела, что это была призрачная женщина, как покрывалом окутанная очень длинными серебристо-белыми волосами. Она приблизилась к берегу, невесомо ступая по воде маленькими босыми ногами, опустила на склоненную голову Реми свою сотканную из тумана руку, окутав его серебряным светом, потом ласково проведя по щеке, приподняла за подбородок его голову и наклонившись поцеловала в лоб. И Реми без звука осел на песок. Женщина удивительно легко подхватила его на руки, и двинулась по воде обратно к середине заводи. Голова Реми безжизненно покоилась у нее на плече.

Эйфория приглушенно вскрикнула и хотела кинуться за ними, позвать Реми, но не смогла пройти и пары шагов. Ее охватило непреодолимо сильное сонное оцепенение, глаза стали сами собой закрываться, словно кто-то мягко надавил на них рукой. Уже стоя на границе глубокого сна, погружаясь в его темные воды, она различила далекий протяжный крик, словно уходящий в высокое звездное небо.

Глава 4 У реки. Вороний язык

Эйфи шла по огромному лугу, усыпанному мелкими горными маками, ярко-алые головки которых ветер клонил из стороны в сторону, и девушке казалось, что они, то ли приветствуют ее так, то ли о чем-то предупреждают. Она шла по мягкой прохладной траве, ощущая босыми ногами ее шелковистую упругость. Высоко в небе плыли огромные облака, пронизанные лучами восходящего солнца, что окрашивали их в нежный золотисто-розовый цвет. А среди них парила большая белая птица, то снижаясь до самой земли, то опять взмывая вверх. Это она вела девушку за собой. Эйфи шла по прекрасному лугу, но сердце ее переполняла печаль. Она о чем-то просила белую птицу, но та не слушала ее, увлекая за собой все дальше и дальше. Наконец, Эйфория увидела вдали маленький домик в окружении кустов жасмина. Кусты уже отцвели, и земля под ними как снегом была усыпана белыми лепестками. В воздухе стоял дивный аромат. На крыльце дома сидел юноша, и белая птица опустилась ему на руку. Эйфи подошла ближе и увидела, что это был Реми. Она позвала его, но Реми не отвечал. Он гладил сияющие крылья птицы и не замечал девушки. И он изменился, стал иным. От охватившей ее грусти Эйфория заплакала, и тогда с неба на луг внезапно, плавно вращаясь, стали опускаться большие хрупкие снежинки. Они сыпали и сыпали, все чаще и быстрее, ветер начал кружить их в замысловатом танце и вместе с ними кружила белая птица, взлетев с руки Реми. И он смотрел ей вслед по-прежнему не замечая Эйфории. Стало очень холодно. Вскоре снежная метель скрыла от Эйфи и маленький домик, и сидящего на его крыльце Реми, преобразившегося в кого-то совершенно другого. И это преобразование разбило ей сердце. Она закричала от боли, пронзившей его, и проснулась.

Над головой у нее шелестели ветви, слышалось мягкое журчание воды, чьи-то голоса. Девушка утомленно потянулась, приподнялась и осмотрелась. Она лежала на мягком дерне в ивовом шатре, заботливо укрытая курткой Реми. Яркое полуденное солнце пронзало древесный полог множеством золотых лучей, и он мерцал нежным зеленым светом. В воздухе порхали маленькие серебристые мотыльки и, глядя на этот полный безмятежной неги танец, Эйфи словно очнулась. Она вспомнила их похожий на бегство путь по лесу, заводь с ивами, Реми, горящего в лихорадке, странные события ночи. Реми! Сердце у нее захолонуло от тревоги. Она торопливо поднялась, кроме нее в зеленом шатре никого не было. И Эйфория поспешно выбралась наружу.

Перед ней открылась чарующая картина, на водной глади заводи искрился свет, трава, покрывавшая берег ровным, свежим ковром, переливалась всеми оттенками юной зелени, небо было первозданно чистым и пронзительно синим. Рядом с ивой, на ложе из золотисто-белого песка бежал, переливисто журча, хрустальной чистоты ручей. Чуть дальше по берегу, за ручьем, она увидела заросли какого-то кустарника с серебристо-голубыми листьями. За кустами кто-то был, именно оттуда слышались голоса. Эйфи с некоторой опаской приблизилась к ним и прислушалась.

— Эй, Джой, — услышала она бодрый голос Реми. — Как думаешь это можно как-то починить?

Она осторожно раздвинула ветви и увидела стоящих на берегу ребят. Стало ясно, что они только что искупались и даже успели частично одеться. Джой прыгал на песчаном пляже, приплясывал то на одной, то на другой ноге, тряс головой и звучно хлопал себя по уху, пытаясь избавиться от попавшей туда влаги. Реми стоял у самых кустов, спиной к

Эйфории, держа в руках свою рубашку, вернее то, что от нее осталось, и задумчиво изучал эти мало пригодные к носке лохмотья, в которые превратили ее вороньи когти. На его плечах ярко блестели капельки воды, и Эйфи очень сильно захотелось стереть их ладонью. Она тихонько обошла кусты, подкралась к Реми, подняла руку, чтобы сделать это и вдруг замерла, дыхание у нее перехватило: вся спина и плечи Реми были густо покрыты белыми шрамами, короткими и длинными, прямыми как от удара кинжалом и извилистыми, как от рваных ран. Они пересекали друг друга, образуя какой-то сложный рисунок, смысл которого был непонятен, но, тем не менее, ужасен. Тут Реми обернулся, и она увидела, что такой же узор из шрамов был у него на груди. Заметила она и еще кое-что новое, чего раньше, она была убеждена в этом, у Реми не было. Его шею обвивала тонкая золотая цепочка, на которой висела небольшая прямоугольная пластина со скругленными краями, тоже золотая. Эйфи с трудом сглотнула вдруг вставший у нее в горле комок, заставив себя отвести взгляд от жуткого орнамента шрамов, и сказала нетвердым голосом:

— Привет!

Реми радостно улыбнулся в ответ. Яркое солнце било ему в глаза, и он прищурил их. Но Эйфория успела с удивлением отметить, что глаза у него были не черные, как ей до сих пор казалось из-за густой тени ресниц, а темно-зеленые.

— Привет! Извини.

— За что? — удивилась она.

— За то, что мешали тебе спать. Иначе, почему бы ты сбежала от нас на берег. В другой раз лучше выгоняй наружу таких храпунов как мы, только и всего. Мне, в самом деле, страшно неудобно, обычно я так себя не веду. А здесь почему-то сразу отключился.

— Да? — осторожно сказала Эйфи. — И ты ничего не помнишь из того, что было ночью?

— А что было ночью? — сразу встревожился Реми. — Я так крепко спал, что совершенно ничего не слышал. Проснулся только на рассвете, от того, что Джой храпел так, что ива тряслась. Тебя я нашел спящей на берегу возле заводи и принес обратно. Что-то случилось? Рассказывай, Эйфория. Я должен знать.

— Нет, ничего. Ничего не случилось. — Ей почему-то очень не хотелось рассказывать ему о призрачной женщине. При мысли о ней ее охватила смутная тревога и еще острое чувство потери, больно резанувшее сердце. Эйфи будто невзначай прикоснулась рукой к щеке Реми. Щека была живой и теплой, даже чуть прохладной после купания, никаких признаков жара. Реми слегка отпрянул, словно ее прикосновение обожгло его, и удивленно уставился на девушку.

— Все в порядке? — спросил он, наконец. — Ты точно ничего не хочешь мне рассказать. Вы с Джоем какие-то странные сегодня.

— Уж кто бы говорил!

Джой незаметно подошел к ним и теперь делал из-за спины Реми непонятные знаки Эйфи, старательно тараща глаза и беззвучно шевеля губами.

— Твоя белая прядь, она стала больше.

Реми тряхнул головой и равнодушно пожал плечами. Потом, настойчиво пытаясь поймать взгляд девушки, сказал:

— Эйфи, может ты не просто так была на берегу? Все же что-то случилось?

— Нет, ничего, — снова задумчиво повторила она. — Мне просто не спалось, я вышла подышать свежим воздухом и видимо незаметно для себя уснула прямо на траве. Откуда у

тебя это?

Она показала на золотую цепочку. Реми дотронулся до нее рукой и посмотрел так, словно сам только увидел.

— Не знаю, — сказал он растеряно. — Так странно, могу поклясться, что еще вчера ее на мне не было, а между тем у меня такое чувство, что я знаю эту вещь и знаю очень хорошо. Она словно будит в памяти какие-то смутные картины, от которых почему-то щемит сердце. Мне кажется, я даже знаю, что на ней написано, но никак не могу разобрать. Джой, ты можешь сказать на каком это языке?

Он чуть повернул пластину и теперь Эйфи тоже увидела сделанную на ней очень тонкими, витиеватыми линиями надпись. Джой взгляделся и даже хотел потрогать сиявшую на солнце пластину пальцем, но передумал, покачал головой и сказал:

— Нет, никогда такого не видел. Ох, как не нравится мне все это! Послушай, Реми, я бы на твоём месте выбросил ее в реку. Может на ней какое-нибудь злое, колдовское заклятье. А у нас и так хватает проблем.

— Нет, Джой, не спеши, — Реми прикрыл цепочку с пластинкой рукой. — Нет на ней никакого заклятья, тем более злого. Я это чувствую. Напротив, она мне нравится. А ты, Эйфи, что скажешь?

Он посмотрел на девушку, и она вновь заметила, как на ярком солнце глаза у него стали отливать в самой их глубине теплым зеленым цветом. С трудом отведя взгляд она тихо произнесла:

— Я не знаю, Реми. Поступай как считаешь нужным, тебе виднее. Если ты считаешь, что от этой вещи не будет вреда, я тебе верю.

Джой досадливо вздохнул:

— Ладно, закончим на этом. Вас не убедишь! Что дальше будем делать?

— Дальше? А дальше ты мне обещал свою рубашку, — Реми скомкал то, что осталось от его рубашки и с беспечным смехом кинул ее в Джоя. — Я наверняка знаю, у тебя есть запасная, ты же у нас парень предусмотрительный и запасливый на все случаи жизни. Согласись, не ходить же мне голым перед дамой.

Джой почему-то покраснел, кинул быстрый взгляд на Эйфи и проворчал:

— Ладно, так уж и быть. Пошли, вымогатель, окажу тебе милость, прикрою твою наготу. Заплатишь сторицей.

— Конечно, конечно, господин! — он снова засмеялся, склонившись в шутовском поклоне. Потом повернулся к девушке и мягко сказал: — Эйфи не хочешь искупаться? Вода теплая и здесь спокойно. Не бойся, мы уйдем, не будем подглядывать. Посмотрим, что можно раздобыть на завтрак.

Эйфи нерешительно кивнула. Когда ребята ушли, она еще какое-то время стояла, глядя на тихую заводь, потом разделась, аккуратно повесила одежду на ветви кустарника, свернула волосы в тугую высокий пучок и осторожно ступая вошла в реку. Вода была очень прозрачной, прохладной и ласковой. Босые ноги Эйфории всколыхнули на дне мелкие золотые песчинки, и они закружились вокруг тонких щиколоток девушки. Несколько любопытных маленьких рыбок с ярко-красными плавниками и жемчужными спинками проплыли совсем близко, едва не задев своими хвостами ее обнаженное бедро. Там куда пришелся удар оленьей головой на нежной, гладкой коже расплылось большое фиолетовое пятно, которое отозвалось болью, когда Эйфи слегка нажала на него пальцем. Она приглушенно вздохнула и пошла дальше. Когда вода дошла ей до груди, Эйфория

оттолкнулась ногами от дна и поплыла.

Искушавшись, она почувствовала себя необыкновенно бодрой и полной сил, все проблемы и беды куда-то отступили, стало так хорошо. Она подумала о Реми и мир наполнился радостью. Ее темно-серые глаза засияли. Эйфория обсохла, стоя в тени кустарника, надела свою короткую вязанную майку, подвернула повыше плотные холщовые штаны, распустила влажные волосы густого медно-золотого цвета, и они тяжелой волной упали ей на плечи. Подхватив свою куртку и обувь, она легкой беспечной походкой пошла на голоса ребят, которые о чем-то оживленно спорили у ручья. При ее появлении, они резко замолчали и уставились на девушку, потрясенные ее вдруг открывшейся красотой. Эйфория улыбнулась довольная произведенным эффектом и посмотрела на Реми. Тот торопливо отвел глаза и, как ей показалось, слегка помрачнел. У нее сразу упало настроение, но она, стараясь не показать этого, преувеличенно громко и весело воскликнула:

— О чем это вы здесь так яростно спорили, мальчики? И что у нас на завтрак?

— На завтрак у нас бутерброды, спасибо мне, — сказал Джой, который в отличии от Реми, продолжал заморожено смотреть на девушку. — А спорили мы о том, что делать дальше. Я предлагаю, как можно быстрее отправиться дальше к границе этих земель, раз уж мы решили возвращаться домой. А вот он, против!

И Джой махнул рукой на Реми, который отошел в сторону и сейчас, сидел опустив голову, и деловито подбрасывал сухие ветки в маленький костер под котелком с водой. Он уже успел облачиться в изрядно мятую, но целую и чистую рубашку товарища, которая сидела на нем, отметила Эйфи, гораздо лучше, чем на хозяине.

— Я уже три раза объяснил тебе, Джой, — сказал он устало, — что вернуться мы сейчас не можем. По меньшей мере сегодня, что путь на север закрыт, и что нас там будут ждать. Ты думаешь, по этим землям можно гулять как тебе вздумается? Не спрашивая разрешения хозяев? Так вот ты ошибаешься и мне очень не хочется, чтобы этот поход встал нам в слишком дорогую цену.

— Да откуда ты знаешь? — не выдержав, закричал Джой. — Это тебе что, сам Верховный ворон сказал?

Реми вздрогнул, по его лицу внезапно разлилась мертвенная бледность, а рука непроизвольно потянулась к груди. Он кинул на Джоя такой взгляд, что Эйфи стало не по себе.

— Считаю, что так, — мрачно уронил он. — Только сегодня мы никуда не пойдём, а там видно будет. И чтобы тебе совсем все стало ясно, скажу, что будь мы вдвоем, я бы рискнул, не задумываясь. Но на Эйфи нет Знака, нет защиты. И если вороны нападут на нас вне убежища я не справлюсь, и ты не справишься, поверь мне, Джой. Просто поверь. Пусть они нас потеряют, а там что-нибудь придумаем...

Но Джой уже завелся и не дослушав Реми, запальчиво возразил:

— Ага, а здесь они нас как будто не найдут. Что это за место такое, что ты так уверен?

— Это место называется Эрерро, Джой. Это — заповедное место, священное и очень древнее. Сюда воронам входа нет, — сказал Реми спокойно. — Мы здесь в безопасности, ты же сам убедился.

— Ага, значит, воронам сюда входа нет, — сказал Джой, и тут же с невинным видом спросил. — Тогда, как же ты сюда прошел?

— Джой, перестань, — сказала Эйфория с тревогой наблюдая за перепалкой друзей.

— Я — не ворон, Джой, — терпеливо сказал Реми. — И я прошел Посвящение, на мне

Знак, так же, как и на тебе. Поэтому мы здесь под защитой и Эйфи тоже. Нам нужна передышка. Мне нужна передышка, пойми. А потом мы двинемся дальше, только другой дорогой.

— Я тоже за то, чтобы остаться здесь еще, — горячо поддержала его Эйфория. Ей нравилось это место, нравились его спокойствие и безмятежность, нравилось, что Реми вновь стал самим собой, и впереди у них было время, которое они могли провести вместе. Джой посмотрел на нее с обидой и горечью, разочаровано плюнул, пробормотав "девчонка" и отошел от них подальше. Вода в котелке закипела, они заварили чай, добавив в него пахучих лесных трав, развернули бутерброды из казалось неистощимо запаса Джоя, который в конце концов сменил гнев на милость, после того как Реми очень мягко и настойчиво попросил его не злиться и заверил, что уже утром они обязательно выйдут в путь, избрав кратчайшую дорогу к границе Вороньего края. Его уговоры возымели действие, хотя Эйфории было непонятно почему Джой так стремится побыстрее закончить их поход. Ей было досадно, что в их маленькой и довольно дружной до этого группе, начались разногласия и ссоры.

Еще большую досаду она испытала, когда Джой бесцеремонно и даже с каким-то вызовом втиснулся между ней и Реми, заставив того отсесть подальше от девушки. Она прикусила губу, чтобы не сказать ему сгоряча несколько не очень приятных слов. А Реми, казалось, не заметил маневра, вскоре поднялся и ушел в лес, как он выразился "немного разведать обстановку".

После его ухода Эйфи решила молчать, все еще злясь на бестактный поступок Джоя. Тот тоже сидел, угрюмо насупившись, потом несколько раз громко вздохнув, спросил недовольным тоном:

— Ты ведь так и не спросила у него про отца. Боишься услышать неприятную правду? Так, Эйфория? А хочешь, расскажу, как он появился в городе? Ты ведь не знаешь этого, верно?

— Расскажи, — немного оживилась девушка, стараясь не сильно выдавать вспыхнувший в ней жгучий интерес. Она сделала вид, что слушает вполуха, рассеяно прихлебывая из кружки остывший чай. Но на самом деле боялась пропустить хоть слово из короткого рассказа Джоя.

— Его нашли три года назад на пустоши за Зелеными холмами пастухи. Он был сильно изранен, весь в крови и без сознания.

— Я видела шрамы, — не выдержала Эйфи.

— Да, на нем буквально не было живого места. Поэтому пастухи и не поняли, кого нашли, они думали, что это человек, которому сильно не повезло с врагами. Да и до границы Вороньего края оттуда далековато будет. Откуда им было знать. Они погрузили его на лошадь и привезли к местной знахарке в деревню, не особо надеясь, что доведут живым. Но довели, вороны живучи. Он довольно быстро оклемался и, когда стало понятно, что он из черного племени, жители в деревне попросили его уйти. Они до сих пор считают, что вороны одним своим появлением приносят несчастье. Я думаю, что это суеверие, но оно имеет под собой весьма прочное основание. Он ушел, а через несколько дней деревня сгорела, особенно пострадал дом знахарки. И люди говорят, что в этом виноваты вороны. И знаешь, я почему-то им верю.

— Но кто-то же сделал с ним это? — спросила Эйфи с волнением. — Кто-то пытался убить его? Он ничего не рассказывал?

— Немного. Наш Реми, знаешь ли, немногословен, когда речь заходит о нем самом. Сказал лишь, что это были его соплеменники, он вроде как чем-то провинился и его приговорили. Больше из него ничего не удалось вытянуть. Ему разрешили остаться в городе, но на особых условиях: он должен был приносить городу пользу, пройти Посвящение и принять Знак, чтобы доказать, что он отрекся от своего вороньего племени. Ты знаешь, что вороны ненавидят Знак? Он сделал это и предложил свои услуги в охоте на живые камни, сказав, что знает к ним безопасную дорогу. Все согласились, справедливо рассудив, что, если он и не вернется когда-нибудь, потеря будет невелика. До этого несколько отрядов пропали бесследно на землях воронов, а другого пути к живым камням, кроме как по их проклятому краю — нет.

— Но, Джой, раз так, почему ты не доверяешь ему! Какой в этом смысл! Ты же сам говоришь, что они хотели убить его, как он может быть с ними заодно! — воскликнула Эйфи. Она покраснела и глаза ее возбужденно заблестели, услышанное произвело на девушку большое впечатление, вызвав множество вопросов, ее любопытство разгорелось. Она уже не скрывала своего горячего интереса к теме.

— Доверяй, но проверяй, — наставительно заметил Джой, польщенный ее вниманием, которое до этого все доставалось Реми. — Он — ворон, что бы ты там не считала, и чтобы он там про себя не болтал. Они знаешь, какие коварные. Хотели убить, а не убили. А теперь еще этот его дружок что-то сболтнул про отца. Видела, как Реми в лице переменялся при этом. Может все это специально подстроено было, чтобы втереться в доверие.

— Но зачем, Джой!

— Да почему, я знаю! Может, чтобы им доносить о том, что у нас тут делается. Они давно на наш город свой клюв точат. Да еще вопрос — как он на пустошь попал. Сам дойти не мог, не в том состоянии был, скажем уж прямо. Кто-то же его принес туда, да еще и положил на заметное место. Вот и подумай сама, как к нему относиться!

Эйфи открыла было рот, чтобы рассказать Джое о призрачной женщине, но почему-то промолчала. Она притихла и задумалась, потом сказала негромко:

— Хорошо, я спрошу у него про отца. При удобном случае.

И Джой удовлетворенно кивнул. Удобный случай выдался только вечером. Реми вернулся не скоро. Он раздобыл где-то две краюхи свежего, еще теплого хлеба, несколько больших, влажных ломтей молодого сыра, завернутых в зеленые капустные листья, и десяток сочных, хрустящих яблок, налитых прозрачной сладостью. На подозрительные расспросы Джоя сказал лишь, что набрел на деревню. На еще более подозрительные вопросы, ответил, что и на землях воронов живут люди, держат скот, растят хлеб и ведут хозяйство, только платят воронам немаленькую дань и не суют нос в дела, которые их не касаются. Они вкусно поели, потом решили немного прилечь, после сытного обеда у всех начали слипаться глаза. В этом тихом уголке все располагало к неспешному, дремотному отдыху. Проснулись уже в сумерках, снова поели тем, что осталось от обеда. После чего, решили еще раз искупаться. На этот раз Эйфи первая вошла в воду, скрытая кустами и темнотой, она вволю наплавалась, наслаждаясь свободой и движением. Вода мягко обтекала ее тело, словно ласкала его. На берег Эйфория вышла умиротворенная и довольная, размышляя как вызвать Реми на разговор.

Ребята купались долго и шумно, устраивая заплывы на дальность и на скорость, плескались и громко смеялись. Обсохнув, вернулись к костру. Здесь они снова пили чай, ведя обычный разговор ни о чем. Потом Эйфи незаметно переглянувшись с Джоем,

предложила посидеть на берегу, полюбоваться игрой лунного света на водной глади. Джой охотно подхватил идею и стал настойчиво уговаривать Реми, который хотел уйти спать. В конце концов все трое отправились на берег.

Эйфория надеялась, что Джой вскоре оставит их наедине, но тот все никак не уходил, делая вид, что не понимает осторожных сигналов, которые незаметно, но настойчиво посылала ему Эйфи. Наконец, Джой пробормотав, что скоро вернется, неохотно оставил их с Реми вдвоем.

— Реми, — сказала Эйфория, чувствуя, как охватившее ее волнение, невольно прорвалось в голосе. — Я давно хотела у тебя спросить...

Она смущенно замолчала, не зная, как продолжить.

— Спрашивай, — доброжелательно предложил Реми. — Что ты хочешь узнать?

— Тот ворон, он назвал меня скра. Что это значит?

— На языке воронов это значит женщина или девушка, без разницы, они не придают значения таким тонкостям.

— О! — сказала заинтересовано Эйфи. — А как будет мужчина?

— Скрог. Но так называют только людей. Взрослый ворон после обряда — вронг, а до обряда — ронгонк или ронг.

Голос Реми звучал немного глухо и сам он не отрывал взгляд от неподвижной сияющей глади залива. Эйфи показалось, что у него заметно напряглись мускулы под рубашкой и закаменело лицо. Она произнесла негромко:

— Ты хорошо знаешь их язык?

— Да, конечно, — ответил Реми и швырнул мелкий камешек в воду. Он едва слышно булькнул, уходя на глубину.

— Научи меня языку воронов, — она просительно заглянула ему в лицо.

— Зачем тебе знать его, Эйфи? — не сразу ответил он, — Это — мужской язык. Он может показаться тебе очень грубым.

— Пусть так, но я хочу его знать, — в ее голосе прорвались упрямые нотки. — Скажи, как будет на языке воронов "Здравствуй"?

— Арханг.

Она несколько раз повторила это слово, как бы пробуя его на вкус.

— Спасибо?

— Сиррок. А прощай будет звучать как "карравед". Уходить или идти куда-либо — каррера. Они похожи потому, что, когда ты говоришь прощай, ты имеешь в виду "я ухожу". В их языке многие слова имеют несколько значений. Например, ранн — голова, а еще — кто-то старший.

— Как интересно! А ребенок, как будет на этом языке ребенок?

— Крэджичь.

Эйфи засмеялась, она заставила Реми еще несколько раз повторить для нее все слова и старательно затвердила их вслед за ним. Потом, немного смутившись спросила:

— Ты сказал, что скра — это женщина, а как будет — любимая женщина?

— У воронов нет такого понятия.

— О, — разочаровано протянула Эйфория. — Разве они не любят?

— Я не знаю. Только если такого слова нет, значит нет и того, что оно означает. Во всяком случае мне оно неизвестно.

— Так ты никого еще не любил?

— Ну почему, любил... Своих родителей.

— Джой говорит, у тебя там отец. Это правда?

— Нет. Я знаю, что ты имеешь в виду, только Моррис мне не отец. Он — скарг, это значит — Верховный ворон или Верховный отец. Арг на языке воронов — отец. И нам с ним лучше не встречаться. Никогда. А моих родителей убили, когда я был еще ребенком.

— Мне очень жаль, Реми! Расскажи мне о них. Пожалуйста!

— Я немного помню, — сказал он неохотно. — Мой отец был вороном, и мы жили на склоне горы в доме. Он был маленький, но мне казался очень просторным, полным тепла и света. Вокруг на большом расстоянии не было больше никакого жилья. И мы были там очень счастливы, пока не пришли вороны.

Глава 5 В крепости воронов

Вороны пришли в их дом рано утром. Отец с матерью еще спали, дремал и Реми, с удовольствием нежась в постели под первыми лучами восходящего солнца, льющего свой розовый свет в открытое окно комнаты. Легкие полупрозрачные шторы были не до конца задернуты и тихонько колыхались, волнуемые прохладным и свежим ветром с гор, на белоснежные сверкающие вершины которых Реми мог любоваться часами, сидя на крыльце. Склон Одинокой горы, где стояла их маленькая, но такая теплая и уютная обитель, в это время года пестрел яркими цветами, радовал глаза сочной зеленью лугов и тенистыми купами деревьев под уступами высоких скал, которые надежно защищали этот укромный уголок от зимних снежных бурь и ледяных ветров, а летом не давали заморозкам губить нежные всходы овощей, растущих на небольшом клочке плодородной земли за домом. Реми лежал, сонно прислушиваясь к переливчатым трелям малиновки, поселившейся прошлым летом в кустах дикого жасмина, растущего под окнами его комнаты и обильно усыпанного сейчас цветами, похожими на большие ароматные снежинки. Малиновка, прочистив горло распевкой, приступила к славословию еще одного чудесного утра. Голос ее зазвенел, набирая силу и вдруг резко оборвался.

Реми показалось, что одновременно оборвались и все другие звуки, и вместе с тишиной в воздухе разлилась необъяснимая тревога. Он приподнялся на постели и тут страшный удар сотряс дверь. Она с грохотом слетела с петель, раздался громкий грубый топот множества ног ворвавшихся в их дом людей. Он услышал крики из спальни родителей и пронзительный, полный муки голос матери: «Реми, беги!» И он побежал, но не наружу, а туда, где пришельцы убивали его отца и мать. Однако, было уже поздно, да и чем мог помочь он, ребенок, которому едва исполнилось восемь лет. Он успел заметить залитую кровью кровать, стены, забрызганные красным, неподвижные, истерзанные тела отца и матери, стоящие вокруг них мрачные черные фигуры, чьи рваные плащи топорщились острыми черными перьями. Чья-та сильная рука бесцеремонно схватила его за шиворот и поволокла наружу. Он яростно, но безуспешно отбивался.

Посреди двора стоял высокий человек в черном, могучего телосложения с гордо поднятой головой и высокомерным взглядом, в котором светился жестокий красный огонь. Чело его было увенчано золотым обручем с короткими редкими зубцами, между которыми сверкали крупные темные алмазы. Тащивший Реми ворон швырнул мальчика ему под ноги.

— Вот их отродье, — сказал он.

— Встань, — приказал черный человек неприятным скрипучим голосом.

Реми поднялся на ноги и с вызовом посмотрел в его страшное лицо безжалостного убийцы. От ледяного, пронзительного взгляда, мальчика начала бить дрожь, которую он не мог сдержать.

— Я скарг Моррис, Верховный ворон. Надеюсь, твой отец рассказывал тебе обо мне.

Реми отрицательно помотал головой, крепко обхватив себя руками он пытался не дрожать, стоять твердо и мужественно, как, он уверен, стоял бы его отец перед лицом смертельной опасности. Но ободренные до крови колени тряслись и подгибались.

— Узнаю Реннера. Он никогда не ценил родственные чувства. Да, мы с твоим отцом братья. Странно, что он утаил от меня рождение сына, а от тебя наличие доброго дядюшки, не правда ли? — в голосе скарга явственно послышалась насмешливая издевка. Он смотрел

на мальчика со смешанным чувством ненависти и восхищения. Ребенок был чудо как хорош. Он дрожал, но это ничего не значило. Очень многие крепкие могучие вороны под грозным взглядом скарга Морриса падали ниц и не смели поднять головы. Но этот малыш смотрел смело, даже дерзко и скарг видел на его лице отблеск будущей силы и еще чего-то такого, что всерьез обеспокоило Верховного ворона. — Твой отец опозорил себя, он осквернил свою кровь. Он стал отступником — наррагом. Теперь с ним покончено, также, как и с его скра, его женщиной, из-за которой он изменил своему роду и забыл свои обязанности. Казнь свершилась. Что касается тебя... Я не только твой дядя, я — хозяин и повелитель всего Вороньего края. И теперь — твой хозяин и повелитель. Поэтому ты пойдешь с нами.

— Нет! — дернулся Реми, но удар, нанесенный тяжелой безжалостной рукой, отправил его во тьму беспомыслия. Он потерял сознание...

... Очнулся он уже в крепости воронов от того, что кто-то энергично пинал его в бок. Над ним стоял долговязый подросток с неприятным хищным лицом и буравил его маленькими круглыми глазками похожими на переспевший, ядовитый паслен.

— Эй, ты что? Чего здесь развалился? От работы отлыниваешь? Вставай, тебе говорю. Вот дурень тупой! — Он продолжал награждать медленно приходящего в себя Реми пинками, не переставая при этом вопить тонким, гнусавым голосом. — Ха, а что это у тебя на башке за белое пятно? Птички обгадили? Ну конечно, дерьмо к дерьму!

Он захохотал, видимо, очень довольный своим остроумием. Реми торопливо поднялся, все вдруг поплыло перед его глазами, и он схватился за стенку, чтобы не упасть. Оглядеться ему не дали. Долговязый вытолкнул его из небольшого, похожего на каменный мешок помещения, где Реми, не приходя в себя, провел ночь, в узкий душный коридор и, направляя тычками, куда-то повел. Скоро они вышли в тесный, мощный камнями дворик с круглым колодезным жерлом посередине. Еще один подросток, немного пониже и покрепче его провожатого набирал из него большим ведром воду, и она звучно плескала из переполненного ведра под скрип колодезной цепи. У Реми от внезапно вспыхнувшей жажды мгновенно запершило горло, и обернувшись он попросил, показав рукой на колодец:

— Послушайте, можно мне воды?

— Чего? Ты откуда такой шустрый, придурок? Воды ему подавай! Может тебе еще вина налить и жареного мяса на серебряном блюде подать? Воду сначала заслужить надо. Так что иди, не останавливайся, а то можешь и не дойти.

И оба его новых «товарища» радостно загоготали. Реми ничего не оставалось как двинуться дальше, чувствуя мучительную боль в пересохшем горле. Долговязый привел его к большой яме за крепостной стеной и наклонившись прокричал: «Новенького принимайте!» Крепкая дубовая бадья на примитивном механизме опустила Реми вниз, где копошились несколько серых от каменной пыли фигур. Остаток дня он провел, нагружая бадью валунами для починки стен, которые добывали здесь угрюмые, молчаливые работники. На обед им кинули в яму большую фляжку с водой, теплой и отдающей затхлым, а еще краюшку темного, кислого на вкус хлеба. Реми ел после всех и досталось ему немного. Но он был уже и этому рад. Обрато в крепость его привел все тот же долговязый подросток, когда солнце скрылось за верхушками деревьев древнего, совершенно дикого леса, окружавшего воронью цитадель. На ужин, который проходил в длинном мрачном зале с низким закопченным потолком, было малоаппетитное блюдо по виду напоминавшее месиво из вареных капустных листьев, свеклы и скользких, твердых ломтиков картошки. Хлеба Реми не досталось. Его забрал долговязый, которого, как понял Реми из реплик других подростков, звали Фрай.

— Я ведь забочусь о тебе, — сказал он, оскалив в усмешке мелкие, острые зубы, и сунул его хлебный ломоть к себе в карман. — А любая забота требует ответной благодарности. Понял ты, фарга. Знаешь, что значит это слово? Нет, не знаешь. Но я тебе объясню. Видишь какой я заботливый. Это слово значит — падаль, и это — то, что ты есть.

Но Реми было все равно на болтовню Фрая, от усталости он с трудом стоял на ногах, не чувствовал вкуса пищи и едва удерживал ложку в натруженных руках. Болели все мышцы, сбитые о камни костяшки пальцев кровоточили. Глаза временами застилал туман, а стоило их закрыть, перед внутренним взором возникали бесконечные груды камней, которые грозили обрушиться лавиной и погрести его под собой. Он мечтал только об одном: где-нибудь упасть и уснуть, уйти из окружавшего его кошмара в заповедную страну снов. Но вместо этого долговязый повел Реми к Верховному ворону по длинным мрачным коридорам, бесконечным тесным лестницам с крутыми каменными ступенями, они проходили освещенные чадными факелами помещения, где сидели и пировали за столами взрослые вороны, он видел погруженные во тьму комнаты, где свистели ледяные сквозняки и веяло древним злом, мелькнувший за окном щербатый диск луны дал ему понять, что они на верхних ярусах крепости. Наконец, его втокнули в комнату, где было относительно светло и по меркам воронов даже роскошно. В огромном, золоченом кресле сидел скарг Моррис, его закутанная в плащ фигура выглядела как-то особенно зловеще, языки тусклого пламени из камина бросали на его темное лицо багровые отблески.

— Ты уже освоился, Реми? — спросил он будто бы доброжелательно, словно хотел завязать дружеский разговор. Не дождавись ответа скарг сокрушенно вздохнул и сказал. — Я вижу тебя не учили хорошим манерам. Ну ничего, мы это исправим. Фрай будет твоим наставником.

Реми заметил, как тот злорадно усмехнулся и плотоядно облизнул тонкие губы, сильно высунув при этом острый, красный, раздвоенный на конце язык. Сказанное скаргом не сулило ничего хорошего. Реми стало очень тревожно, но он постарался не показать этого.

— Ты здесь не пленник, Реми, — продолжил между тем Моррис. — Кстати, ты ведь знаешь, что твое имя на языке воронов означает изгой. Но ты можешь стать полноправным членом стаи, очистить в Обряде свою кровь, если поймешь, что должен вести себя правильно. Вот сейчас ты вошел, но не поклонился мне, твоему повелителю и хозяину. Я прощаю тебя на первый раз, но, чтобы ты не подумал, что я пренебрегаю твоим воспитанием, завтра ты не получишь хлеба. Это милость с моей стороны. Пока я не жду от тебя благодарности, ты еще слишком неотесан и долго был под дурным влиянием. Но в дальнейшем научись благодарить за проявленную к тебе доброту и делать это искренне. А сейчас ступай. Фрай покажет тебе твое место.

— И уж будь спокоен, — прошептал тот многозначительно в самое ухо Реми. — Я позабочусь, чтобы ты не забыл, где оно.

Место ему определили в общей комнате, но в стороне от других, выделив самый грязный и неудобный угол. Впрочем, об уюте здесь похоже даже не слышали. Так началась его новая жизнь.

Все его опасения насчет Фрая подтвердились в полной мере и даже с лихвой. Фраю нравилось измываться над другими, а с Реми он проделывал это с особым удовольствием. Он искренне считал, что ничто так не способствует быстрому и бодрому пробуждению его подопечного, как пара-тройка хороших пинков, коими он начинал награждать Реми с утра. Несколько раз он без видимых причин избил его особенно сильно. Так что Реми не мог

встать с постели. Скраг Моррис отнесся к этому весьма своеобразно, сказав, пока Реми не может выполнять свою обычную работу, еды он тоже не получит и распорядился не давать ему пищи. Ослушаться никто не посмел.

После трех летних и двух осенних месяцев, проведенным им на каменоломне, Реми перевели в крепость. Теперь в его обязанности входило три раза в день наполнять водой из колодца два огромных железных чана на кухне, ежедневно драить после общих трапез широкие каменные столы и пол в пиршественных залах вронгов — взрослых воронов, прошедших Обряд и получивших дар воплощения. И то, что он порой находил под этими столами внушало ему безмерное отвращение и ужас. Он начал очень хорошо понимать почему люди гор ненавидели воронов. Как-то раз он вымел на свет из-под стола женскую кисть, пальцы на которой были обклеваны до самых костей, и не смог сдержать слез. Она напомнила ему о матери. Часто жесткие колючие прутья его веника после уборки были окрашены красным и ему никогда не удавалось отмыть их до конца.

Кроме того, четыре раза в неделю он должен был начищать до блеска громадные противни для запекания мяса и большие медные котлы, в которых варили похлебку, оттирать от грязи заплесанные и нередко загаженные полы в их общей комнате, служившей ронгонкам — молодняку воронов, спальней. Зимой ко всему прочему добавились походы в лес на заготовку сухого камыша, им утепляли полы в покоях скарга и его приближенных, и сбор хвороста, который шел на растопку печей. А летом его опять ждала каменоломня. Позже скарг Моррис стал время от времени ставить Реми прислуживать себе за столом. И этой своей «привилегией» он тяготился больше всего. Неотступный, тяжелый взгляд Верховного ворона словно тянул из него жизнь, выматывал и давил, так, что, вернувшись к себе, Реми без сил валялся на свое убогое ложе, зная, что ночью ему опять будут сниться кошмары.

Он по-прежнему спал в маленьком закутке, на ветхом, набитом старой соломой, матрасе, брошенном на пол, в стороне от прочих, что еще больше подчеркивало его положение изгоя. Высоко в стене над его головой, под самым сводом, было прорублено небольшое круглое окно. Иногда зимой, лежа без сна, Реми чувствовал, как на лицо ему садятся и сразу тают крохотные колючие снежинки, залетавшие с ветром в забранное только решеткой отверстие. В такие минуты ему было особенно тоскливо. Он вспоминал их уютный дом на склоне Одинокой горы, веселые зимние забавы, сверканье снежных вершин в лучах заходящего солнца и беззвучно плакал. Осенью по стенам текла вода от хлеставших в окно холодных дождевых струй, и Реми просыпался совершенно промокшим и замерзшим. Отдохновение дарили весна и лето, когда Реми мог насладиться свежим лесным воздухом, проникавшим в круглое оконце и особенно ароматным по ночам. Он разбавлял стоявшую в их комнате вонь множества потных, грязных тел и будил в Реми неясные мечты и надежды, которые утро начисто стирало.

Глава 6 Снова в путь

Утро следующего дня застало друзей крепко спящими. Ночь прошла спокойно. По настоянию Реми, Эйфи отвели ивовый шатер, сами ребята устроились на траве снаружи. Благо, что возле заводи держалась необыкновенно теплая, ровная погода. Сюда словно не доходили холодные ветра внешнего мира, его тревоги и волнения. Эрреро хранил своих гостей под благим невидимым покровом, даря передышку в пути.

Эйфория проснулась первая, вышла из-под полога ветвей, подошла к крепко спящему Реми, голова которого покоилась на рюкзаке, одна рука лежала на груди, сжимая в ладони золотую пластину, другая была беспечно откинута в сторону, примяв густую траву. Она осторожно присела рядом и долго смотрела на юношу, слушала как он дышит, потом прикоснулась рукой к его волосам. Реми улыбнулся во сне и Эйфи испугано отдернула руку, боясь разбудить его. Он пошевелился, и девушка торопливо встала. Она спустилась к реке и умылась, над водой парила легкая розовая дымка. Было еще очень рано, где-то в лесу сладко пела малиновка и Эйфи заслушалась, сидя на берегу. Ей хотелось остаться здесь навсегда, вместе с Реми, она полюбила это место, хотя и была здесь совсем недолго.

Скоро на поляне послышались голоса: Джой и Реми проснулись. После короткого купания, сели завтракать: сухари и вяленая рыба из запасов Реми, вчерашние яблоки и кусок твердой копченой колбасы из рюкзака Джоя, которую тот поделил с Эйфорией. Еды оставалось не так много, а впереди был длинный путь. Они пополнили запасы свежей воды из хрустального ручья и стали держать совет. Джой по-прежнему настаивал на немедленном возвращении кратчайшей дорогой, Реми с ним не спорил, только заметил, что, для них сейчас скорость не главное, важнее безопасность. Эйфи удрученно молчала. Потом все-таки решилась:

— Реми, раз уж мы все равно не можем вернуться прежним путем, почему бы нам не отправиться дальше, за живыми камнями? Это очень далеко?

Реми задумался:

— Пожалуй, можно и попытаться...

— Ты что?! — тут же взвился Джой. — Кого ты слушаешь! Ты сам сказал, что мы возвращаемся!

— Подожди, Джой, не шуми, — мягко осадил его Реми. — Знаешь, она дело говорит. Вороны знают, что женщин не берут в поход за живыми камнями. И они видели Эйфи, а значит могут посчитать, что у нас иная цель. И еще они теперь знают, что на ней нет Знака и смотрят на нее как на свою законную добычу. Поэтому я и хотел быстрее вернуться. Это моя вина, что я не выяснил все как следует до похода. Будь я трижды проклят! Но теперь мы должны быть не только осторожны, но и хитры. Тем более здесь мы можем двигаться вдоль реки, а черное племя не любит большой воды. Поэтому давай, все хорошо взвесим и решим. И если Эйфи согласна, именно она должна принять решение, мы можем попытаться. В любом случае наши шансы не особенно велики, но, если мы доберемся до места, мьюми могут дать ей защиту, пусть временную, но ее хватит, чтобы спокойно вернуться домой.

— А могут и не дать, — угрюмо буркнул Джой. — Я что-то еще ни разу не слышал о таком.

— Да не слышал, потому что такого никогда не было. Но мы можем попытаться их уговорить. И я не хочу вас пугать, но Эйфи воронам особенно интересна. Не спрашивайте

почему. И за нами уже идет охота. Поэтому без помощи нам не обойтись.

На том и порешили под недовольное ворчание Син Джоя. Прежде чем покинуть тихую заводь и старую иву, давшую им приют, Эйфи оглянулась и долго смотрела на благословенный берег, пока Джой не окликнул ее нетерпеливо:

— Ну, ты идешь?

Они двинулись дальше вдоль реки, прячась в тени деревьев. Иногда заходили неглубоко в лес, он был здесь не такой угрюмый и мрачный, как тот по которому они шли от поляны. Но подлесок тут был гуще и идти было труднее, ноги путались в высокой траве. Один раз Эйфи упала, запнувшись о корень, и Джой с Реми одновременно кинулись к ней, помогли подняться и Реми забрал у нее рюкзак, несмотря на протесты. Привалы не устраивали, спеша пройти как можно больше пока было светло. Еще до того, как солнце достигло зенита, Джой и Эйфория шли уже на пределе своих сил, по Реми ничего нельзя было сказать, его шаг оставался таким же легким и быстрым, как утром, когда они только двинулись в путь.

— Как ты это делаешь, — стонал временами Джой, хватаясь за ближайший древесный ствол, чтобы перевести дух. Реми только усмехался в ответ и давал им минуту передышки, снова торопя отправиться дальше. Постепенно местность начала меняться, стала более холмистой, лес опять потемнел и теперь они шли между мощными дубами, которые что-то сурово шептали им вслед. В траве среди деревьев все чаще стали попадаться огромные седые валуны, заросшие мхом и лишайником, поваленные бурей деревья, уже частично сгнившие и искореженные, но все еще величаво огромные, словно зеленым саваном покрытые ползучей травой с липкими колючими стеблями и листьями.

Берег, который до сих пор был пологим, вдруг вздыбился вверх, так что временами им приходилось идти по самой его кромке, рискуя, оступившись, свалиться в реку. Ее течение здесь было бурным и опасным. Эйфи видела, как быстро несет оно упавшие в воду коряги, легко обгоняя в своем стремительном беге усталых путников. Внезапно Реми остановился, и напряженно прислушался.

— Скажи, что это привал, — страдальчески закатил глаза Джой.

— Тише! — Реми застыл на месте, дав им знак не шевелиться. Эйфи почувствовала, как сердце у нее тревожно и часто забилося. Несколько минут Реми стоял замерев, потом приложил палец к губам и поманил их за собой. Они без звука последовали за ним в глубь чащи, пока не достигли еще одного поверженного великана. Здесь Реми нагнулся и заглянул под ствол, затем сделал знак Джое, чтобы он лез туда. Джой, стараясь не пыхтеть, повиновался и скоро исчез под деревом, трава, опутавшая дуб, совсем скрыла его. Реми снял с плеча рюкзаки и затолкал их поглубже. Следующая была Эйфи, она быстро легла на живот и словно юркая ящерица мгновенно исчезла вслед за Джоем. Реми сделал тоже самое и потом умело разворошил траву, чтобы скрыть следы. Лежать было сыро и тесно. Скоро стало трудно дышать, воздух под стволом был тяжелый и душный, остро пахло грибами и прелыми листьями. Реми как мог повернулся на бок, чтобы дать девушке больше места и воздуха, и все равно они были плотно притиснуты друг другу. Эйфи подняла голову и вопросительно посмотрела Реми в глаза, сумрачно мерцавшие в густом, зеленом полумраке, он успокаивающе улыбнулся ей и нащупав ее руку, тихонько пожал. Она поспешно переплела свои пальцы с его и отвернулась, боясь, что он увидит ее смущение и радость, которые пересилили тревогу и страх.

Через несколько минут после того, как они укрылись под деревом, откуда-то издалека донесся короткий, вороний крик, ему ответил другой, прозвучавший так близко и громко,

что Эйфи вздрогнула и сильнее прижалась к Реми, уткнувшись лицом ему в грудь. Теперь его дыхание согревало ей макушку. Вороны снова заговорили, голосов стало больше, и они слышались со всех сторон. Беглецы дружно затаили дух, вжавшись в подстилку из полуистлевших влажных листьев. А в лесу усиленное эхом раздавалось хлопанье огромных крыльев.

Глава 7 Ночь в пещере

Им казалось, что прошла целая вечность, пока хриплые голоса воронов, промчавшись мимо, не затихли вдали. Но даже после того, как в лесу установилась прежняя чуткая тишина, еще долго лежали, не шевелясь. Наконец, Реми шепнул "пора", и Эйфи неохотно выпустила его руку. Они выбрались из-под укрывшего их от воронов ствола все в древесной трухе, и, кое-как отряхнувшись и наскоро перекусив, двинулись дальше. Шли молча, крадучись, под кронами деревьев, избегая открытых участков и обманчиво приветливых лесных опушек, держась ближе к возможным укрытиям. Это не позволяло им идти так быстро как хотелось, но давало хоть какое-то чувство защиты. Река осталась где-то в стороне и до них едва долетал ее рокочущий шум. Местность становилась все более гористой и неровной.

Время от времени Реми останавливался и слушал, настороженно вглядываясь в сплошной древесный полог над ними, сквозь который пробивались кое-где тонкими золотыми копьями солнечные лучи. При этом у Эйфории начинало беспокоиться и сильно биться сердце. Скоро ей стало казаться, что этот огромный и все больше дичавший лес никогда не закончится, и они день за днем так и будут идти и идти по нему, пробираясь между уходящими ввысь стволами, опускаясь в глухие овраги, заросшие бирючиной, орешником и невероятно колючей дикой малиной, карабкаясь вверх по крутым склонам, где земля осыпалась у них под ногами, норовя утащить путников за собой, ныряя под поверженные стволы и обдирая руки об острые уступы огромных валунов, преграждавших им путь и через которые они были вынуждены все чаще и чаще перебираться.

Наконец, Реми скомандовал: "Привал", и они облегченно повалились на жесткую короткую траву в тени большого обломка скалы. На его вершине росли молодые деревья, всеми корнями цепляясь за скудную почву.

— Темнеет, — сказал Реми. — Нам нужно укрытие, чтобы переждать ночь. Поэтому долго отдыхать не получится.

— Надо же, — откликнулся Джой, шумно переведя дух. — А я уж подумал, это у меня в глазах темнеет. Где здесь укроешься? Если только опять под дерево лезть. Только без меня теперь, я еще после того не могу в себя прийти. Столько всякой мелкой твари за шиворот набилось, до сих пор чешусь.

— А далеко еще до места, — спросила Эйфи, обессиленно привалившись к прохладному камню и вытянув гудевшие от усталости ноги. Джой пожал плечами:

— Ни разу здесь не ходил.

Он раскраснелся от ходьбы и сейчас энергично обмахивал лицо ладонью, пытаясь остыть, потом достал фляжку и жадно припал к ней.

— Если все будет спокойно, — сказал Реми. — Завтра к обеду должны выйти к озеру.

Он сел на корточки и о чем-то глубоко задумался. Потом поднялся и передал Син Джою дробовик, кивнул Эйфи:

— Побудьте здесь, только старайтесь не шуметь. Джой, палить начинай только в самом крайнем случае. Лучше прячьтесь. Если что-то заподозришь, подай голосвыпью. Ты знаешь наш сигнал. Я недалеко, проверю кое-что. Здесь где-то должна быть пещера, там можно будет переждать ночь.

— Реми, стой! — всполошилась Эйфория. — Я с тобой.

Ей стало жутко от мысли, что они останутся здесь без него, лес сразу наполнился угрозой. Она поспешно поднялась, готовая идти, хотя ноги сводило болью от напряжения. Но Реми отрицательно покачал головой и мягко сказал:

— Нет Эйфи, один я управлюсь быстрее. И не бойся, Джой не такой рохля, каким кажется. — Джой при этом обиженно фыркнул: «Ну, спасибо!». Хотя в глубине души был доволен. — Он сумеет тебя защитить. И потом, я недалеко буду и надолго вас не оставлю. Все будет хорошо, доверься мне.

Он ушел, а Эйфория снова потеряно опустила на траву, не зная, как справиться с охватившей ее тревогой. Каждая минута тянулась словно год, от напряжения ее начала бить мелкая дрожь. Она попыталась расслабиться, уговаривая себя: «Вот дурочка, ну что ты дрожишь. Успокойся! Реми не оставил бы вас, если бы не был уверен. Он рядом. Он где-то рядом. Он скоро вернется.» И тут же в панике думала: «А вдруг не вернется! А вдруг с ним что-то случится, и мы не узнаем! А вдруг вернутся вороны!»

— Эйфи! — негромко окликнул ее Джой. Он перебрался поближе к девушке, положил дробовик к себе на колени. — Если боишься, возьми меня за руку, будет спокойнее.

Но она отрицательно покачала головой:

— Нет, Джой, спасибо. Я в порядке. Когда же Реми наконец придет!

Джой только вздохнул в ответ. Между тем заметно стемнело, воздух загустел и окрасился синевой. Теперь уже и Джой начал нервничать. Легкий шорох заставил Эйфи вздрогнуть, а ее защитника схватиться за оружие.

— Тише, тише, друг! — услышали они долгожданный голос. — Меня не подстрели. Пойдемте, я нашел то, что нам нужно. Поторопитесь.

Эйфи не могла сдержать радостного возгласа облегчения при виде Реми. Не мешкая они двинулись вслед за ним. Им пришлось спуститься по довольно крутому склону вниз, на дно небольшого ущелья, где звонко журчал по камням ручей. Они пошли вдоль него по усеянной крупными скользкими валунами почве, поднимаясь к истоку. Вход в пещеру, похожий на щель, прятался за огромным камнем, среди зарослей какого-то кустарника и со стороны был совершенно незаметен. Ручей в этом месте образовал небольшую запруду, и они перебрались на другую сторону по лежащему поперек нее тонкому бревну.

Пещера, больше похожая на глубокую нору была сухой и низкой, выпрямиться в ней в полный рост могла только Эйфи, и то почти упираясь макушкой в неровный каменный свод. Но на полу хрустел под ногами песок, а воздух был прохладным и чистым, из глубины пещеры, тонувшей в глухом, непроницаемом мраке, тянуло сквозняком. Они расположились недалеко от входа, огня не зажигали, чтобы не выдать себя случайному соглядатаю или шпиону. И скоро в пещере стало совершенно темно. Утомленные они наскоро поели и расположились на отдых. На часах, посоветовавшись решили не стоять, рассудив, что обнаружить их здесь непросто, а завтра силы понадобятся всем. Предстоял самый сложный переход и очень опасный участок. Граница Вороньего края у Зачарованного озера, где жили мьюми, была под постоянным надзором и Реми понимал, что им там может прийти довольно туго.

Они улеглись на расстоянии вытянутой руки друг от друга, определив Эйфории место в середине, а Реми лег ближе к выходу. Ребята уснули быстро и скоро Эйфи слышала их спокойное, сонное дыхание. Ей не спалось, темнота давила на нее так, что было трудно дышать. К тому же с наступлением ночи в каменной норе заметно похолодало и сквозняк усилился, щекоча своими ледяными пальцами лицо и шею девушки. Эйфория то закрывала,

то открывала глаза, но ничего при этом не менялось, она видела лишь плотную черную завесу. Зато обострился слух и теперь ей казалось, что она различает не только приглушенное журчание ручья, но и шепот ночного леса, далекое уханье сов. Где-то коротко протявкала лисица. Она не знала сколько пролежала без сна, пока не услышала что-то насторожившее ее. Эйфория прислушалась и поняла, что встревоживший ее звук доносился со стороны выхода там, где спал Реми. Вместо прежнего глубокого ровного дыхания, оттуда слышался тихий, глухой стон. Она села и подвинувшись к нему ближе, постаралась нащупать Реми руками. Потом осторожно потрясла за плечо. Он очнулся сразу и тут же резко сел, схватив ее за руку.

— Эйфи? Что-то случилось? — прошептал Реми, не выпуская ее руки. Она придвинулась еще ближе.

— Ты стонал во сне, я испугалась, — также шепотом объяснила она.

— Я тебя разбудил?

— Нет, я не спала, — она вздохнула.

— Почему? Нужно поспать. Завтра будет трудный день, и ты должна как следует отдохнуть.

— Я не могу, — сказала Эйфория. — Здесь так темно, мне немного не по себе. И еще холодно. Почему здесь так холодно?

Она попыталась унять охватившую ее дрожь, сильно растерев плечо ладонью. Реми тоже вздохнул, потом выпустил ее руку и зашуршал, раздеваясь.

— Горы близко, поэтому здесь так холодно по ночам. Вот, возьми мою куртку.

— Нет-нет. А как же ты. Лучше дай мне твою руку. Можно я немного посижу здесь с тобой. Холод словно у меня внутри.

— Хорошо, — тихо сказал Реми. — Иди сюда, ложись рядом, я попытаюсь тебя согреть.

Эйфи легла и тесно прижалась к Реми, опустив голову ему на плечо. Сквозь одежду она чувствовала согревающее тепло его тела. Он накрыл ее своей курткой.

— Ты жалеешь, что взял меня с собой? — тихо спросил она.

— Да, Эйфи, очень жалею, — не сразу откликнулся он. — Мне нельзя было делать этого, нельзя было подвергать тебя опасности. И ты напрасно не сказала мне о том, что не прошла Посвящение. Теперь вся надежда только на помощь мьюми.

— А кто они? — с любопытством спросила Эйфория. Рядом с Реми она, наконец, согрелась, озноб прошел и страх тоже.

— Они хозяйки живых камней.

— О, — только и смогла сказать Эйфи. Они какое-то время лежали молча, слушая ночь, потом Эйфория вновь заговорила:

— Скажи, ты не берешь в поход девушек из-за воронов.

— Да, из-за них тоже.

Она почувствовала, как Реми приглушенно вздохнул. Его грудь приподнялась, потом медленно опустилась, и ее рука вместе с ней.

— Тогда почему ты все-таки взял меня?

— В последнее время все было очень спокойно. И ты была так настойчива, — она почувствовала в его голосе улыбку.

— Да, — Эйфи, невидимая в темноте, тоже улыбнулась. — Мне пришлось неделю сидеть на крыльце твоего дома. Я думала ты никогда не сдашься и готовилась там зимовать.

— Ты очень упрямая девушка, — он повернул голову и вдохнул чуть горьковатый

травяной аромат ее волос, очень нежный и приятный.

— Да, — охотно подтвердила она. — ты даже не представляешь до какой степени я упрямая.

— Тогда я подумал, — продолжил Реми, — что возможно это очень важно для тебя.

— Да, очень, очень важно. Я хочу, чтобы ты знал. Я несколько не жалею, что пошла. И прости, что не сказала про Знак. Боялась, что ты передумаешь.

— Эйфи, — сказал он вполголоса, внезапно очень серьезным тоном, — хочу тебя предупредить. Завтра, когда мы доберемся до Зачарованного озера, тебе многое может показаться странным, и даже испугать. Пожалуйста, постарайся сохранять спокойствие, не бояться и не торопиться с суждениями. Просто помни, что там тебе ничто не угрожает, что я не дам тебя в обиду. И ты обязательно вернешься домой целой и невредимой, чего бы это не стоило.

— Ох, Реми, — Эйфория встревоженно приподняла голову, ей очень хотелось сейчас видеть выражение его лица, но вокруг по-прежнему был кромешный мрак. — Почему ты так говоришь. Мьюми — опасны, разве они злые существа?

— Нет-нет, — он провел рукой по ее волосам, чтобы успокоить. И Эйфи показалось, что его голос прозвучал немного смущенно. — Они не злые, но они могут быть опасными, очень опасными. Но не для друзей. А мы с ними друзья. Просто они немного ревнивы. Это еще одна из причин, почему я никогда не беру с собой девушек.

Его ответ сильно озадачил Эйфорию, вызвав множество новых вопросов. Она хотела расспросить Реми подробнее, но он перебил ее:

— Пожалуйста, постарайся немного поспать. Хорошо?

И ей пришлось сдерживать свое любопытство. Одной рукой он прикрыл ее голову от сквозняков, ладонью другой накрыл ее руку на своей груди. Эйфи ощутила гулкое биение его сердца и, наконец, со счастливой улыбкой уснула. Реми тоже закрыл глаза, и на него нахлынули воспоминания, навеянные сном. Память вновь перенесла его в прошлое.

Глава 8 Маленький друг

Стояла ранняя осень, лес вокруг крепости воронов стал преображаться, готовясь с достоинством встретить грядущий белый плен. Пятна желтизны в кронах деревьев подсказали Реми, скоро его переведут в крепость, что совсем не радовало. Не то чтобы ему нравилось на каменоломне. Работа здесь была тяжелая, да еще опасная. В прошлом году на его глазах задавило оползнем одного из скрогов, Реми тогда тоже задело вскользь, он просто вовремя отскочил. Потом все руки сбил, пытаюсь откопать несчастного, но для того все было кончено. Проломленный череп — это серьезно, врачевству не подлежит. Хотя, Реми сомневался, что и при более легких повреждениях кто-нибудь здесь стал с ним возиться.

В обязанности Реми теперь входило нагружать камнями, которые с помощью кирок добывали скроги, большую деревянную тачку, и откатив ее к примитивному подъемнику, перегружать валуны в дубовую бадью, а затем изо всех сил тянуть веревку поднимая ее наверх. Реми помнил, как первое время до мяса стирал себе ладони об этот изрядно засаленный усилиями множества работников канат. Однажды, уже в конце дня, он змеей выскользнул у него из ослабевших от усталости рук, и тяжело груженная бадья чуть не рухнула ему на голову. Он едва успел судорожно вцепиться в самый конец веревки и, повиснув на ней всем телом, остановить падение.

Люди, которые работали с ним были неразговорчивы и угрюмы. Они молча делали свое дело, сторонились Реми, и за все время никто из них не сказал ему ни слова, предпочитая в крайнем случае объясняться знаками. От большого круглого хлеба, который им кидали в яму на обед, они отделяли ему кусок, не очень большой, но никогда не звали Реми сесть рядом, разделить трапезу. Он и здесь был изгоем. Иногда острое чувство абсолютного одиночества накрывало его душным, черным покрывалом, застилая свет так, что он готов был отдать, что угодно за возможность перемолвиться с кем-то добрым, дружеским словом, ощутить чью-то поддержку и участие.

В один из дней, разбирая груды камней, он услышал тонкое жалобное попискивание, словно какое-то крохотное существо плакало от боли. Он прислушался, у всех воронов от рождения очень тонкий и чуткий слух, способный уловить шуршание змеи в траве на расстоянии сотни метров. Действительно, где-то под камнями было что-то живое. Реми стал осторожно разбирать завал, стараясь не обрушить тяжелые каменные обломки на того, кто был под ними. И вскоре увидел серую лесную мышь, с перебитой валуном лапой. На шелковистой шкурке зверька виднелись и другие повреждения.

— Привет, малыш! — ласково сказал Реми и осторожно коснулся мыша. Тот коротко пискнул и доверчиво посмотрел на Реми крохотными бусинками глаз. — Как же это тебя так угораздило, бедняга?

Он бережно поднял зверька и спрятал себе за пазуху, чтобы он там отогрелся. Мышь немного повозился, устраиваясь поудобнее и не больно царапая кожу Реми своими острыми коготками, и потом затих. Так Реми нашел себе товарища.

Он принес Чика, как он называл мыша, в свой угол и спрятал в старом матрасе. Прodelал в мешковине дырку, устроив ему там уютное гнездо из соломы, вылечил и делился с ним хлебом и вареными овощами. Когда удавалось попасть за крепостные стены, приносил Чик траву и колоски дикого ячменя. Однажды, ему повезло подобрать на полу в пиршественном зале вронгов маленький кусочек сладкой коврижки. Чик обрадовался подарку и горячо

поблагодарил Реми, устроив для него целое представление: вставал на задние лапки, уморительно тер мордочку, с важностью оглаживал усы и уши, словно какой-то важный господин, крутил тонким розовым хвостом и при этом задорно попискивал, будто рассказывал забавную историю. Реми не помнил, чтобы ему когда-нибудь было так весело. А когда его сердце сжималось от боли и тоски, Чик устраивался у него на плече и свернувшись клубком засыпал, сладко посапывая. И Реми чувствовал, что он не одинок и у него еще есть надежда.

Место Реми за столом в трапезной комнате молодых воронов, также, как и в спальне, было в стороне от других, возле самой двери, где даже в самый жаркий летний полдень от толстых каменных стен тянуло стылým холодом. Свою плошку с варевом он тоже получал последним и подозревал, что ему сливали туда остатки того, что не доели остальные, настолько странно порой выглядело ее содержимое. Впрочем, Реми редко, когда удавалось застать общий ужин, чему он был только рад. Работать он заканчивал гораздо позже всех и если находил свою миску заполненной, молча ел то, что там было, выбирать не приходилось, если нет — также молча уходил.

В тот вечер ему особенно не везло, у вронгов была большая пирушка наверху, и Реми помогал на кухне без конца таская воду в котлы и огромные охапки дров, бегал в обширный подвал за вином и пивом, на него одновременно сыпались сотни поручений и везде нужно было успевать. А кроме того, он с тоской представлял, что ему предстоит там завтра убирать. Реми едва стоял на ногах, когда его, наконец отпустили. А раз он не значился в числе участников пира, то и кормить его никто не собирался. От кухонных запахов у него разболелась голова и подвело живот. Он с надеждой заглянул в уже пустую трапезную ронгонков и увидел свою плошку, заполненную привычной бурдой. Лучше, чем ничего, устало подумал Реми и только сел есть, как на пороге возник Фрай, мрачный и злой. Он поцапался с одним из молодых воронов, который назвал его слабаком, ронгонки часто выясняли между собой отношения, доказывая, кто круче, дрались и ругались. В этот раз преимущество оказалось не на стороне Фрая, и он искал на ком сорвать свое раздражение.

Конечно, ничего этого Реми не знал, впрочем, Фраю не нужна была причина, чтобы накинуться на него. Что он и сделал немедленно: выбил из рук Реми плошку с едой, так что ее содержимое расплескалось во все стороны. Потом широко замахнулся, чтобы припечатать эту белую падаль как следует, но Реми внезапно легко отклонился от летящего ему в голову кулака, и рука Фрая с размаху влетела в стену. Он взвыл от боли и заплясал на месте. Реми понял — плохи его дела. Он уклонился, почти не сознавая того, в последнее время в нем словно начало просыпаться что-то странное, как сейчас, когда он знал куда ударит кулак Фрая, и время для него замедлилось. Ему показалось глупо стоять и ждать пока кулак долетит до его лица, и он отвернулся. Лучше бы он этого не делал. Фрай, закончив трясти ободранной о стену рукой с ненавистью посмотрел на Реми и, прежде чем уйти, пообещал зловещим, свистящим шепотом:

— Ты еще пожалеешь об этом. Очень горько пожалеешь и очень скоро.

Реми сознавал, что теперь его ждет что-то до крайности неприятное и поэтому не спешил покидать трапезную. Поднял свою плошку, с сожалением посмотрел на растоптанные, смешанные с грязью, остатки варева и тяжело вздохнул. Нужно было идти принимать свою судьбу такой какой есть, деваться ему все равно было некуда.

Он чуть помедлил перед тем, как шагнуть в дверной проем общей комнаты, уверенный, что там в зловещей, тягостной тишине, его не ждет ничего хорошего. На самом деле все

оказалось еще хуже, чем Реми мог предположить. Они накиннулись на него из-за спины, как только он вошел, набросили на шею петлю из толстой грубой веревки и тут же затянули. Реми едва успел перехватить петлю рукой до того, как она перехлестнула ему горло. Это позволило сохранить возможность дышать. Другой конец веревки был намотан на руку Фрая и он, не переставая ее натягивать, сбил Реми с ног, прокаркав: «Посмотрим, как ты сейчас увернешься, фарга». Они принялись его бить.

Реми, руки которого были заняты попытками ослабить напор петли, не мог ни закрыться от сыпавшихся на него со всех сторон ударов, ни увернуться, потому что Фрай сильными рывками все время заставлял его следовать за веревкой, чтобы не задохнуться. Собственное хриплое дыхание громом стояло у Реми в ушах.

Наконец, Фрай остановился возбужденно и часто дыша. Продолжая затягивать петлю, он хорошо размахнулся и всадил Реми, который скорчившись хрипел на полу, еще один пинок. Остальные вороны сделали тоже самое. Все они выглядели очень довольными, хотя и усталыми, глубоко и шумно дышали.

— Думаешь, урок окончен? — злобно сказал Фрай, вытирая со лба обильно выступивший пот. — Напрасно!

Реми смог еще немного оттянуть от горла, пережимавшую его удавку, и сделал тяжелый судорожный вдох. Фрай ослабил давление, но не для того, чтобы отпустить свою жертву. С помощью подельников он оторвал правую руку Реми от петли, сильно, до хруста, вывернул и завел высоко за спину. Затем крепко на несколько узлов привязал к запястью другой конец удавки значительно укоротив его. Теперь от удушья Реми спасала только одна рука, любое движение другой, только сильнее затягивало петлю на шее. Они отволокли Реми в угол и бросили там на пол, предоставив ему казнить самого себя.

Сами же отправились спать, но еще долго весело и шумно обсуждали как «поймали птичку в силки», хвалили Фрая за развлечение и сообразительность. Наконец, утомонились, и в большой, темной комнате установилась сонная тишина, нарушаемая только сиплым, тяжелым дыханием Реми, боровшегося с удавкой.

Поначалу, несмотря на дикую боль в запястье, в которое глубоко врезалась веревка, и вывернутой руке, он еще мог ценой огромного напряжения держать ее так, чтобы петля не плотно давила на шею. Потом он перестал чувствовать заведенную за спину руку и потерял над ней контроль. Это было очень плохо. Все это время он пытался другой рукой распутать узел у себя за спиной. Однако тот, намертво затянутый особым изощренным способом, к тому же разбухший и скользкий от крови никак не желал поддаваться. И Реми только напрасно сорвал себе ногти и стер кожу на пальцах. Тем более, что потерявшая чувствительность рука, опускаясь, тянула за собой петлю. И ему приходилось вновь хвататься за веревку, чтобы ослабить ее душащую хватку. Отдышавшись Реми снова и снова повторял попытки, но все было тщетно. Грубая поверхность веревки натерла шею и любое движение теперь причиняло острую боль.

Оставив бесплодные усилия распутать узел, он лежал, напряженно выгнувшись, закрыв глаза и стараясь справиться с охватившем его отчаяньем. Дышать становилось все труднее, даже когда он из последних сил оттягивал одной рукой петлю от горла, и Реми понял, что до утра не доживет. Он не знал, сколько продолжалась эта пытка, он потерял счет времени сражаясь за каждый вдох, за каждый глоток воздуха.

И тут его ухо уловило тихое, но настойчивое поскребывание, а затем по полу едва слышно стуча коготками пробежали маленькие осторожные лапки. Он открыл глаза и

увидел сидящего напротив его лица Чика, который внимательно изучал Реми блестящими бусинками глаз. Реми хотел сказать мышь «помоги мне, Чик», но из распухшего горла вырвалось только слабое невнятное сипение. Чик что-то пискнул в ответ, сел на задние лапки и смешно потер передними мордочку возле носа, словно пытался этим представлением развеселить друга. Из глаз Реми беззвучно потекли слезы, оставляя за собой влажно блестящую дорожку. Кровь на разбитом лице окрашивала их сначала в нежно-розовый цвет, но на пол они стекали уже рубиново-красными. Чик снова опустился на все лапки, а затем семена коротенькими ножками куда-то убежал, так, что Реми уже не мог его видеть.

Зато услышал звук, который пробудил в его сердце надежду. За спиной раздалось характерное скрыг-скрыг и тонкое попискивание.

— Давай, Чик! Давай! Прошу тебя! — взмолился про себя Реми. Веревка была плотной и толстой, но мышь не сдавался. Наконец, последнее тугое волокно было перегрызено маленькими, но острыми резцами, и Реми с облегчением почувствовал, как резко ослабла удушающая хватка петли. Вывернутая за спину рука повисла бесполезной, мертвой плетью, потом в нее начала возвращаться жизнь вместе с болью от тысячи острых игл, вонзившихся в плоть. Реми ослабил петлю насколько хватило сил и еще долго лежал, стараясь надышаться. Даже теперь каждый вдох давался с болью и душный воздух комнаты с трудом протискивался в опухшее и поврежденное горло.

— Спасибо, друг! — неслышно прошептал Реми. Чик вскарабкался ему на плечо, что-то сочувственно просвиристел и лег, свернувшись клубком. Реми лежал без движения, с трудом приходя в себя, почти до самого рассвета. Когда воздух в комнате чуть посветлел, он, собрав силы, приподнялся, сорвал с шеи веревку, распутал перетянувший запястье конец и попытался подняться. Удалось не сразу, а когда наконец удалось, его сотряс мучительный приступ кашля. Нестерпимо болела вывернутая рука. Шатаясь как упившийся можжевелевым вином скрог, он выбрался на воздух. На улице шел дождь. Реми вышел под хлеставшие с неба тугие холодные струи и долго стоял так. А потом отправился, еле переставляя ноги, выполнять свою обычную работу, к обеду в пиршественном зале вронгов должно быть чисто, очень чисто, за этим придирчиво следил один из воронов. Но сначала нужно было наполнить водой бездонные кухонные чаны и отчистить котлы и жаровни...

...Когда Реми вернулся вечером в общую комнату, Фрай сунул ему в лицо обрывки веревки и прогнусавил:

— Тебе помогли, белая падаль. Но ничего, я найду кто это сделал и тогда мы как следует позабавимся. А сейчас, посмотрим, как ты усвоил урок.

И он ударил Реми в лицо, на этот раз кулак достиг цели. Реми и сейчас мог уклониться, но не стал этого делать. Ему пришлось стерпеть, но слова Фрая всерьез встревожили его. И еще он почувствовал, как внутри у него стала сжиматься словно стальная, пружина гнева и ярости.

Глава 9 К Зачарованному озеру

Солнечный луч, пробившись сквозь плотную завесу облаков, яркими бликами заиграл на стремнине бегущего по камням родника. Затем облака сомкнулись, луч исчез, и вода потускнела. А к роднику крадучись вышла осторожная хищная куница. Она только что позавтракала лесным голубем, прихватив его тепленьким прямо в гнезде. Бедная птица не успела даже пикнуть, когда на ее горле сомкнулись острые зубы, а треугольная шоколадная мордочка окрасилась голубиной кровью. Зверек напился и приподняв голову повел чутким носом, слушая воздух. Из большой каменной норы тянуло незнакомым, тревожным запахом, но было тихо. Любопытство пересилило осторожность, и куница, неслышно подкравшись к пещере, заглянула в темный проем, встретилась взглядом с лежащим там существом, недовольно фыркнула, и тут же исчезла.

— Кто это был, — спросила Эйфи вполголоса. Она только проснулась, но лежала тихо, боясь пошевелиться, пока не поняла, что Реми тоже не спит. Ей было рядом с ним хорошо и тепло, ее рука так и лежала на его груди, поверх рубашки, накрытая сверху полою куртки.

— Куница, — ответил Реми шепотом. — Хотела поздороваться, но передумала. Ты выспалась?

— Да, спасибо, — пригревшись, она не торопилась покидать его уютное плечо. Где-то в глубине пещеры завозился Син Джой, просыпаясь. Реми снял руку Эйфи со своей груди и, приподнявшись, шепнул ей в ухо:

— Пора вставать. Не надо, чтобы Джой видел нас вместе.

— Почему? — Эйфория вскинула на Реми глаза и пристально всмотрелась ему в лицо.

— Ты ему нравишься, Эйфи. Он будет переживать, — сказал Реми, не глядя на нее. Потом осторожно высвободил плечо, оставив Эйфории свою куртку и, быстро поднявшись, вышел из пещеры.

— А ты, Реми? Что насчет тебя? — пробормотала она, глядя ему вслед. Ответа не было. Эйфория подавила вздох разочарования, села и покопавшись в рюкзаке, достала расческу, зеркало и маленькое голубое полотенце. Потом аккуратно сложила куртку Реми рядом собой и принялась расчесывать свои густые длинные волосы, отливавшие в полумраке пещеры темной благородной медью.

— Эйфи, — услышала она позади себя восхищенный возглас Син Джоя. — Ты такая красивая!

— Спасибо, Джой, — она закончила расчесываться, заплела волосы в косу и перекинув ее через плечо, повернулась и посмотрела на него долгим, внимательным взглядом. Потом, не сказав больше ни слова, отвернулась, взяла полотенце, и вышла к ручью. После завтрака, холодного и потому невкусного, пришла пора двигаться дальше. Пока Эйфория умывалась, а Джой просыпался и делал ревизию продуктов в своем рюкзаке, Реми успел разведать окрестности.

— Пока все спокойно, — коротко доложил он вернувшись.

Они снова пустились в путь. Пробирались какими-то глухими тропами, то и дело останавливались, и Реми ненадолго исчезал, исследуя небольшой участок впереди. Воронов было не видно и не слышно.

— Не нравится мне это. Ох, не нравится, — ворчал Джой едва слышно. Дорога легче не стала, им по-прежнему приходилось карабкаться через валуны, все чаще стали попадаться

каменистые, поросшие колючим кустарником кручи, они поднимались все выше и выше на перевал. Лес поредел и теперь они шли в окружении скал, вздымавшихся по обе стороны тропы. Вернее, никакой тропы Эйфи не видела, они просто двигались вслед за Реми, доверяя его знанию местности. Иногда она останавливалась, чтобы перевести дух и вытереть пот со лба, слыша, как позади устало пыхтит Джой. Несколько раз делали короткие привалы, чтобы напиться и дать минутный отдых ногам. При этом прятались где-нибудь под скалой или в тени расщелин, чтобы их не заметили с воздуха возможные соглядатаи. Пару раз Эйфи казалось, что она видит высоко в небе какие-то черные, быстро движущиеся точки. Сначала она подумала, что это у нее перед глазами от усталости мелькают темные мушки. Но все же сказала о них Реми, который тоже время от времени бросал на небо долгий пронзительный взгляд.

— Да, я тоже их вижу, — подтвердил он ее опасения. — Это они. Надеюсь, что мы для них не так заметны. Нас должны прикрывать скалы. И вороны все же не орлы, чтобы прозевать так далеко. Держитесь, скоро придем.

Он старался подбодрить их, но сам был очень встревожен. И чем ближе была граница Вороньего края, тем больше он чувствовал, как нарастает напряжение. Это было в воздухе, это было в камнях, это было в шуме, растущих по скалам деревьев. Даже дневной свет стал тусклым, словно близились сумерки, хотя едва перевалило за полдень.

Вороны ждали их у самой границы, перекрыв выход из ущелья. Сидели на скалах темными, мрачными фигурами: уже не люди, но еще и не птицы. Черные плащи казались крыльями, из-под них виднелись птичьи лапы с острыми, изогнутыми когтями. Лица были неразличимы, лишь тускло светились красным угольки глаз.

Посреди дороги стояла высокая черная фигура, при виде путников она широко развела руки и медленно зааплодировала.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать! Ах, Реми, Реми! Заждались! Как же мы вас заждались. Вы не очень спешили. Но ничего-ничего. Главное, что вы уже здесь, и мы тоже здесь. А потому, не хотите ли присоединиться к нашей теплой компании. Очень, очень вас просим.

— Фрай! — выдохнул Реми сквозь зубы, глаза его сузились и опасно заблестели.

— Я так и думал, что ты пойдешь здесь, изгой. Ты неизменен в своих привычках. — Фрай, а это был он, теперь Эйфи тоже его узнала, радостно захохотал. — Да-да, я наблюдал за тобой все это время. А ты как думал, что можешь шастать туда-сюда у нас под носом? Ты наш Реми, и ты вернешься рано или поздно, потому что принадлежишь нам по праву добычи и по зову крови.

Реми крепче сжал в руке дробовик и встал, чтобы заслонить от жадного, пристального взгляда Фрая девушку и друга.

— Я не ваш, Фрай, и никогда не буду вашим. Я свободен. Вы сами дали мне свободу. Поэтому уйди с дороги.

Фрай энергично закивал головой и стал ходить поперек тропы из стороны в сторону, пытаясь заглянуть Реми за спину, но не приближался. Два других ворона молча застыли на скалах, словно чего-то выжидали.

— Да-да, ты ловко вывернулся тогда, изгой. Очень ловко. Но сейчас на тебе клеймо скарга, и ты знаешь об этом. Ты пытался стереть его, но это не так просто, как тебе кажется. Тебе не помог даже Знак. Наш Верховный отец ждет тебя, изгой. Он силен, он все еще очень силен, и ты придешь. Придешь и сам, по собственной воле признаешь его своим хозяином и

повелителем.

— Этого не будет никогда. И ты не скарг, ты не сможешь меня задержать.

Он заметил, как за спиной Фрая воздух подернулся белесой пеленой, которая скоро загустела и по жерлу ущелья поползли плотные клубы тумана. Сначала осторожные белые лапы стелились низко к земле, продвигаясь все дальше и дальше, так, что скоро все они, кроме черных фигур на скалах оказались по щиколотку в молочном киселе.

— Ох, как вовремя! — услышал Реми шепот Джоя. Бледные от волнения Эйфи и Джой стояли за спиной Реми, напряженно следя за тем, как туман заполняет ущелье. А Фрай снова расхохотался, остановился и закричал:

— Ты так наивен, Реми-сосунок, ты думаешь, что сможешь защитить от нас своих друзей не будучи вороном. Ты думаешь, что сможешь защитить свою скра и самому насладиться ее мягким, нежным телом. Она ведь дорога тебе, а Реми-отступник, Реми-нарраг, иначе бы ты не взял ее с собой. Ты думаешь мьюми, эти грязные болотные ведьмы, помогут защитить тебе эту маленькую, сладкую скра, чтобы ты мог тешиться с ней в свое удовольствие. Да ты просто глупец! Тебе придется заплатить им за помощь, и ты знаешь это. Не так ли? И ты ведь догадываешься какой будет цена?

— Фрай, — прервал его Реми суровым голосом, — мне надоела твоя болтовня. Или ты пропустишь нас, или я призову темный огонь. И ты знаешь, что тогда будет.

Смех застыл на губах ворона, он хищно ощерился и заговорил таким страшным вкрадчивым тоном, что Эйфи мороз пробрал по коже и заледенели кончики пальцев.

— Ты мне угрожаешь, изгой? Ты грозишь мне темным огнем? Что ж хорошо. Я пропущу тебя, так уж и быть. По нашей старой дружбе. Ты не забыл о ней, нарраг? Ничего, ничего. Я напомню тебе о ней, когда отведу твою скра в наши купальни на игрища, а может оставлю ее в своем личном зверинце. А может я и тебя приглашу в свой личный зверинец, и даже выделю тебе отдельную клетку. Ты знаешь, люди любят держать воронов в клетках. Это их забавляет. А мы любим держать в клетках людей и пользоваться их печенью. А твою печень, фарга, я давно хочу попробовать на вкус. Хотя, она наверняка горькая, как у всех отступников.

— Ага, — сказал Реми спокойно. Туман уже подбирался к их коленям и прибывал все быстрее и быстрее. Запахло рекой, стоящие на скалах вороны издали несколько тревожных хриплых возгласов. — Только смотри не отравись. Хотя ты скорее собственным ядом захлебнешься. Хватит пустой болтовни, мы уходим.

Он перебросил Джую ружье, взял Эйфи за руку, и они, пригнувшись, нырнули в густой туман, стремительно наполнивший ущелье. Джой бросился за ними следом.

Черные крылатые фигуры сорвались со скал и ринулись вниз, но тут в руках Джоя заговорил дробовик. В тумане полыхнула яркая вспышка, заставив воронов с громкими, злобными криками вновь набрать высоту. Несколько больших, черных как безлунная ночь, перьев спланировали на землю и утонули в тумане. Но большого урона выстрелы Джоя воронам не нанесли, однако заставили их потерять беглецов из вида. Теперь определить, где они можно было только по крикам Фрая, но что происходило за плотной белой завесой разглядеть не представлялось возможным. До воронов, вновь усевшихся на скалы, доносился только приглушенный шум стычки, один раз громко вскрикнула девушка, кто-то сильно выругался, потом все стихло и воцарилась тишина. Спустя какое-то время из начавшего редеть тумана громко хлопая крыльями вылетел Фрай:

— Дело сделано! — прокаркал он довольным тоном, и вся троица устремилась в небо,

взяв направление в сторону старой крепости...

... Туман рассеялся также быстро, как и возник лишь только путники пересекли границу Вороньего края и вступили на земли мьюми. Эйфи с Джоем без сил повалились на траву, сказавшись нервное напряжение. Реми присел возле девушки и окинул ее внимательным взглядом.

— Он тебя задел? Дай я посмотрю.

— Да, — сказала Эйфи. — Так больно.

Лицо у нее было бледным и измученным, в глазах стояли слезы. Она зажимала рукой рану на ноге, из-под пальцев расплывалось по расплосованной острым когтем штанине кровавое пятно. Реми убрал ее руку, разорвал ткань пошире, чтобы открыть рану и помрачнел.

— Очень плохо? — спросила Эйфи. Джой подошел к ним и тоже склонился над раной.

— Вроде не такая глубокая, — сказал он, взглядевшись. — Надо кровь остановить.

— Да, надо, — сказал Реми. — Все будет хорошо, Эйфи. Это просто царапина, не волнуйся, мы уже в безопасности. Мьюми помогут тебе.

Он промыл рану водой из фляжки, затем достал из рюкзака склянку из толстого темно-оранжевого стекла и свою старую рубашку.

— Потерпи немного, будет щипать, — сказал Реми и наложил на кровоточившую ссадину густой слой бледно-зеленой, пахучей мази из склянки, затем, выбрав участок почище, оторвал от рубашки длинный лоскут, и крепко-накрепко перевязал рану. Джой протянул свою фляжку девушке, и она напилась, сделав несколько больших глотков, потом постаралась улыбнуться:

— Вот, опять со мной одни несчастья.

— Ты не виновата, — вздохнул Реми. — Это мне урок, чтобы не был таким самоуверенным дураком. Ладно, чем быстрее мы теперь доберемся до Зачарованного озера, тем быстрее все наши беды закончатся.

— Или только начнутся, — тихо пробормотал Джой. Он хотел сказать: «А я предупреждал». Но взглянув на несчастное, расстроенное лицо Эйфории и хмурое, озабоченное Реми, промолчал. Потом подпернул на плечах лямки рюкзака и произнес задумчиво. — Я одного не пойму, откуда здесь взялся туман, да еще так кстати. Прямо волшебство, не иначе.

— Да, — подтвердил Реми, — волшебство. Это мьюми, они знают, что мы здесь. И они ждут нас. Ты сможешь идти, Эйфи? Давай попробуем, обопрись на меня. Пойдем потихоньку. Если станет совсем невмочь, ты скажи. Мы остановимся, отдохнем.

Реми протянул девушке руку и помог подняться. Эйфория обхватила его за шею, а он подхватил ее за талию, и очень медленно они двинулись в путь по едва приметной в короткой траве тропинке. Эйфи при этом сильно хромала с трудом опираясь на пострадавшую от вороньего когтя ногу.

Скоро скалы, с их каменистыми кручами, скудной растительностью и мрачными тесными ущельями остались позади. Теперь перед путниками расстилались пологие, изумрудной зелени холмы, за которыми драгоценным голубым сапфиром лежало Зачарованное озеро. Но до него было еще не так близко. Небо по-прежнему хмурилось и скоро нудной моросью начал сеять мелкий холодный дождь. Эйфории все тяжелее и тяжелее давался каждый шаг, она почти висела на Реми, повязка на ноге начала пропитываться кровью, и рана отчаянно болела, словно ее жгло огнем. Они еле-еле плелись. Джой

удрученно вздыхал позади. Эйфи уже с трудом заставляла себя переставлять ноги. Она стиснула зубы, чтобы нечаянно не застонать, но решила ни за что не просить о передышке, боясь показаться обузой. Пока, наконец, Реми не остановился и, не говоря ни слова, подхватил ее на руки, потом также молча двинулся дальше, ускорив шаг. Эйфория не смогла сдержать вздоха облегчения и утомленно опустила голову на его плечо. Так они шли еще около двух часов, делая короткие передышки, пока не добрались до светлого соснового лесочка. Дождь прекратился, но воздух был по-прежнему напоен влагой. Промокшие, усталые, голодные друзья решили сделать привал, выбрав место посуше под большой раскидистой сосной, чей могучий, смолистый ствол в оранжевой чешуе коры уходил далеко ввысь, а протянувшиеся во все стороны ветви, опущенные длинными зелеными иглами, наполняли воздух целебным хвойным ароматом.

Реми усадил девушку под дерево, предварительно кинув на хвойную подстилку из прошлогодних жухлых игл, свою уже изрядно потрепанную куртку, вывернув ее сухой стороной наружу. Несмотря на страстное желание быстрее попасть к Зачарованному озеру, он не стал торопить друзей, понимая, что без хорошего отдыха, они далеко не уйдут. И пока Эйфория переводила дух, а Джой осматривал остатки провианта, Реми отправился за сушиняком для костра.

Когда он ушел, Джой вытряхнув из рюкзака полотняный мешочек с сухарями и кучку слипшихся в один неопрятный ком вяленых фиников, разложил все на своем большом носовом платке и сокрушенно вздохнул. Потом подсел к Эйфории и спросил, озабоченно заглянув в лицо:

— Сильно болит? Может ты хочешь пить? Тебе не холодно?

Эйфи открыла глаза, очнувшись от короткого забытья, и прошептала устало:

— Нет. Джой, ничего не хочу. Все нормально. Не волнуйся за меня, я в порядке. Реми не вернулся еще?

Джой болезненно поморщился и после короткой заминки сказал:

— Послушай меня, Эйфи, только, пожалуйста, не злись. Ладно? Тебе может показаться, что я не прав, но на самом деле я прав. Ты только выслушай меня и постарайся понять. Постарайся понять, что я не о себе думаю.

— Ты о чем, Джой? — Эйфория с недоумением посмотрела на него, нахмутив брови.

— Я о Реми. Послушай меня, наконец. Я знаю его немного дольше чем ты и гораздо лучше.

— Ты его совсем не знаешь! — девушка напряженно выпрямилась, глаза ее оживились и заблестели, на бледных щеках проступил возмущенный румянец. — И ты опять за свое.

— Нет, знаю! — упрямо воскликнул Джой. — Я знаю, про что говорю! Он совсем не такой безобидный и кроткий как тебе могло показаться. Ты не хочешь мне верить, а зря. Он, Реми, уже давно играет с огнем. Вот только с огнем играет он, а обжечь может тебя. Поэтому, лучше оставь эту затею. Забудь про него. Пусть он идет своей дорогой, какой бы она не была. Я хорошо к нему отношусь, но знаешь, — тут Джой смутился и покраснел, — к тебе я отношусь еще лучше. А с ним не будет у тебя покоя.

Он замолчал и опустив голову, пробормотал:

— Ну вот, я все сказал. Не знаю, к добру или к худу, но сказал.

Потом хотел встать и уйти, но Эйфория удержала его, взяв в свои ладони его руку, и заговорив неожиданно ласково:

— Я знаю, Джой, милый. Ты хороший друг. На самом деле очень хороший, очень

добрый и преданный. На тебя можно положиться в трудную минуту, ты никогда не подведешь. И я понимаю, ты волнуешься за меня. Но знаешь, что я тебе скажу. Я пойду за Реми по его дороге, если только он мне это позволит, куда бы она не вела, потому что не вижу для себя иного пути. И все остальное для меня неважно. Понимаешь?

Джой молча кивнул и отвернулся, чтобы Эйфи не видела его лица. Потом тяжело поднялся и взяв котелок, углубился в лес, скоро деревья скрыли его. Эйфи глубоко вздохнула и снова закрыла глаза, надеясь немного подремать до возвращения Реми.

Глава 10 Наказание Фрая. Темный огонь

Как ни странно, в крепости воронов была библиотека. Реми наткнулся на нее случайно, когда однажды его послали в дальнюю кладовую за мешком с сушеными грибами, и он перепутал двери. Увидев перед собой потемневшие от времени деревянные стеллажи, забитые разношерстными томиками, Реми испытал почти восторженную радость. В одночасье лишенный всего, дома, семьи, привычного уклада, он тосковал еще и о любимых книгах, даривших ему немало счастливых часов, которые он проводил за чтением.

Каждый вечер, мать и отец по очереди, сменяя друг друга у его постели, вслух читали Реми удивительные истории, пока он не погружался в сон, где услышанное оживало в невероятных, ярких картинах. Книги были в их доме повсюду, придавая ему особый уют. Они занимали все свободные полки, громоздились на полу и на подоконниках, открытый томик, неизменно лежал на обеденном столе, рядом с кружкой утреннего кофе отца. Отец с матерью любили читать, и Реми тоже рано выучил буквы, и уже в четыре года начал складывать из них слоги, а потом и слова. В пять он бегло читал и писал, а в шесть его было не оторвать от книг. Он частенько, запихнув в карман штанов бутерброд или яблоко, с книгой под мышкой, убегал в ближайшую рощу, устраивался под большим раскидистым дубом, и в его тени забывал обо всем, листая страницу за страницей, пока мать не звала сына домой.

Переступив порог комнаты с книжными сокровищами, Реми с благоговением уставился на потрепанные корешки, разной толщины и высоты. Он пытался разобрать оттиснутые на них названия, надеясь встретить знакомые, но большинство было на неведомом ему языке. Он вынул наугад одну книгу и открыв ее, чихнул от поднявшейся в воздух пыли. Книга была толстой и тяжелой, в дорогом кожаном переплете. С обложки на него смотрело лицо какого-то короля, увенчанное массивной короной, в обрамлении огненных языков. Пролистав несколько страниц, Реми догадался, что это были Хроники: обширные куски текста перемежались датами, именами и портретами правителей с лицами, исполненными как достоинства, так и высокомерия, гордости и злобы.

Наконец, Реми нашел небольшую книжку, название которой смог разобрать, написанную неким Рэмусом и содержащую «Мудрые наставления, желающим вступить на военное поприще». Сунув ее за пазуху, поспешно покинул библиотеку, подозревая, что и так слишком задержался и кто-то может это заметить. Но напоследок окинул тоскующим взглядом ряды стеллажей, мечтая, чтобы у него как можно скорее нашлось достаточно времени, чтобы как следует здесь все осмотреть, и побежал искать кладовую.

Библиотека стала его постоянным прибежищем, дарившем возможность хоть ненадолго уйти от тяжелой и мрачной действительности в мир, простиравшийся во времени и пространстве далеко за пределы крепости. Книги давали пищу его изголодавшемуся по новым знаниям и впечатлениям уму, насыщали его природную любознательность, развивали и образовывали. Он счел, что нашел настоящий клад, когда обнаружил пухлый фолиант с картами и описанием Края Воронов, а также всех окрестных земель. Несколько месяцев он старательно изучал его, путешествуя по незнакомым местам и тщательно заучивая названия.

Он стал собирать везде, где только мог огарки свечей, чтобы читать ночами в своем закутке, когда в комнате уснут все остальные вороны, унося книги тайком за пазухой и потом также возвращая их на место, редкие минуты отдыха он тоже старался посвятить

чтению. Поначалу Реми боялся, что кто-нибудь может заметить следы его пребывания в библиотеке, потом понял, что кроме него, там никто не бывает. Книжные стеллажи и стоящие на них тома, кроме тех, что трогал Реми, были покрыты толстым слоем серой пыли. Такой же слой покрывал большой, темного дерева стол на крепких резных ножках и несколько стульев с высокими спинками. Свет, проникавший в библиотеку через два огромных стрельчатых окна, казался тусклым от грязи на них. В углах фестонами висела паутина и все здесь было ветхим и давно заброшенным.

Именно поэтому библиотека показалась ему подходящим местом, чтобы спрятать Чика. Реми помнил об угрозе Фрая и слишком хорошо зная его мстительный характер, решил обезопасить друга, подыскав ему надежное убежище. Он подумал, что Чик должен понравиться в библиотеке, среди молчаливых книжных томов, которые к тому же изрядно пахли его сородичами, и где было много укромных уголков. Он пытался отпустить Чика в лес и несколько раз выносил его за крепостную стену, но мышь, не желая покидать товарища, неизменно возвращался в свое соломенное гнездо в старом матрасе, обиженно пищал и, как бы не желая ничего слушать, возмущенно тер свои круглые розовые ушки, когда Реми выговаривал ему за это.

Он принес Чика в библиотеку и посадив на полку с книгами сказал, стараясь придать голосу строгость:

— Чик, теперь ты будешь жить здесь. Это не обсуждается!

Чик, что-то недовольно пропищал в ответ и нахохлился, поджав хвостик. Тогда Реми не выдержал и умоляюще прошептал, погладив мыша по серой, шелковистой шкурке кончиком пальца:

— Пожалуйста, Чик, послушай меня! Пожалуйста! Я очень тебя прошу! Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое. Я сам буду навещать тебя, каждый день. Я обещаю, Чик! Каждый день! Вот смотри, я захватил твое соломенное гнездышко. Давай пристроим его в каком-нибудь симпатичном незаметном уголке. Мне кажется, здесь за этой старой энциклопедией тебе будет хорошо и уютно.

И Реми спрятал домик Чика в дальнем углу комнаты за большим толстым томом, прикрыв для верности еще несколькими объемными фолиантами, так, чтобы со стороны казалось, что здесь лежит просто небрежная стопка книг. Чик тщательно исследовал свое новое жилище и даже попробовал на зуб крепкий кожаный корешок, на что Реми ему укоризненно заметил:

— Нет, Чик, книги — не еда, их нельзя грызть. Я найду для твоих зубов другое занятие. А пока держи.

Он положил рядом с домиком сухую корочку хлеба, несколько коротких дубовых щепок и найденный им в кухонном чулане глиняный черепок от горшка, служивший Чиком для питья. И с тяжелым сердцем покинул библиотеку, на душе было очень беспокойно.

Пару недель после того, все шло своим чередом. Реми старался навещать Чика как можно чаще, пробираясь украдкой в библиотеку, где его встречал радостным писком соскучившийся мышь. Приласкав друга и пополнив запас его провианта, он торопливо рассказывал ему о своих делах и спешил уйти, боясь, что заметят его долгое отсутствие.

— Извини, — виновато оправдывался он перед Чиком, — я сам был бы рад посидеть с тобой здесь подольше, но будет нехорошо, если меня вдруг хватятся. Тогда, боюсь мы с тобой долго не сможем увидеться. Вот смотри, я принес тебе корочку от сладкого пирога. Она немного подсохла, но для тебя это не важно. Ведь, так? Попробуй, она должна быть

очень вкусной.

Но Чик не хотел ни сладкого пирога, ни сушеных ягод, ни спелых пшеничных зерен. Он тосковал без Реми и хотел вернуться, чтобы по-прежнему делить с ним старый матрас и согревать теплом своего крохотного тела в минуты печали. Несколько раз Реми чуть было не взял Чика с собой на ночь, но, вспоминая цепкий, исподтишка стороживший каждое его движение взгляд Фрая, со вздохом отказывался от этой мысли.

В тот день, убирая трапезную ронгонков он нашел на полу закатившийся под скамью кусок сыра, размером с фалангу его большого пальца. Сыр был свежий, очень аппетитный и источал нежный орехово-молочный аромат. Реми очень обрадовался, что может побаловать Чика неслыханным угощением и поспешил закончить работу, чтобы скорее отнести другу подарок. Наконец, дело было сделано и он, убедившись, что поблизости нет никого из воронов, побежал в библиотеку. Ему показалось немного странным, что дверь в книгохранилище на этот раз была прикрыта не так плотно, как обычно, но в спешке Реми не придавал этому особого значения, посчитав, что сам как-то оплошал. Он тихонько посвистел и вполголоса позвал мыша, предвкушая как удивит и обрадует его редким лакомством. Однако, Чик не откликнулся, пусто было и в его соломенном гнездышке, рядом стоял черепок с водой и лежали несколько нетронутых ржаных колосков, принесенных Реми накануне.

Реми встревожился и посвистел настойчивей и громче. Но все было напрасно, Чик не появился, беглый осмотр библиотеки показал, что его здесь нет. С сильно бьющимся сердцем, предчувствуя недоброе, Реми вышел в коридор и пошел обратно, пытаясь успокоить себя надеждой, что Чику наскучила библиотека, и он просто вышел прогуляться, выскользнув в неплотно прикрытую дверь. Но тут за его спиной раздался голос, от которого у Реми враз заледенело лицо.

— Эй, ты, фарга! Что, дружка потерял? Не этого ли?

Реми медленно повернулся и у него перехватило дыхание. Посреди темного, узкого коридора стоял Фрай держа за хвост безжизненно повисшего в его руке Чика. Слабое попискивание сказало Реми, что Чик еще жив. Фрай, поймав мыша, лишь слегка придушил его и сейчас небрежно размахивал крошечным тельцем. Из-за угла выдвинулись еще две черные фигуры, приятели Фрая, и встали с ним рядом, довольно усмехаясь в предвкушении забавы. Реми понял, что он и Чик, попали в давно приготовленную западню. Сыр выпал из его внезапно ослабевших пальцев, и с трудом овладев голосом, он произнес:

— Фрай, пожалуйста, прошу тебя, отпусти его.

— С чего бы это? — издевательски захохотал тот и крутнул мыша за хвост. Чик громко пискнул.

— Фрай, пожалуйста. Я сделаю все, что ты захочешь! Пожалуйста, отпусти его.

Фрай сделал вид, что задумался, потом переглянулся с приятелями и сказал, важно растягивая слова:

— Ты так и не научился просить, как следует, изгой. Тебе нужна эта мышь? Мне она тоже нужна, я хочу посмотреть какого цвета у нее кишки и попробовать на вкус ее кровь. Предложи мне что-нибудь взамен.

— Что ты хочешь?

— А, вот беда! У тебя ведь ничего нет, белая падаль! Какая жалость! Тебе нечего дать мне даже за эту ничтожную тварь. Попробуй, попросить меня еще раз как следует. Быть может, я и сжалюсь. Ты знаешь, как следует умолять властелина о пощаде? А фарга?

Реми медленно опустился на колени и сказал, пристально глядя в лицо Фраю:

— Возьми меня вместо него.

— Ты отдаешь мне в рабство себя, вместо этого гнусного грызуна? Ты хорошо подумал, изгой? Ты знаешь какой я добрый хозяин и не боишься?

— Да. Прошу тебя, отпусти его.

Фрай снова переглянулся с дружками и, подмигнув одному из них, сказал:

— Вы слышали? Отрис, что мы делаем с рабами, чтобы не путать их со свободными воронами?

— Бреем им головы, — ухмыльнувшись ответил тот, и Фрай согласно кивнул. Тогда Отрис достал из-за пояса тупой короткий нож, подошел к Реми, схватил его за волосы и принялся кромсать их, местами задевая лезвием кожу. Реми не проронил ни звука и скоро грязный каменный пол вокруг его коленапреклонной фигуры усеяли пучки волос. Последней легла белоснежная прядь, она еще немного мерцала, опускаясь в воздухе, но коснувшись пола погасла и потускнела. Реми снова в упор взглянул на Фрая и попросил:

— Прошу тебя, отпусти его. Пожалуйста.

— Не так быстро, раб! Теперь ты должен приветствовать меня, как своего господина.

Он, продолжая крутить за хвост, отчаянно извивавшегося Чика, выставил вперед одну ногу и приказал суровым, властным тоном:

— Ползи и целуй! На коленях!

Реми лег на пол и пополз к Фраю, сопровождаемый увесистыми пинками и плевками Отриса, потом встал на колени и склонив неровно остриженную голову, коснулся губами его грубого башмака, под издевательский смех молодых воронов, сквозь который пробивался громкий, протестующий писк Чика.

— А теперь, гляди, падаль! Я отпускаю твоего дружка на свободу.

Реми поднял взгляд и увидел, как Фрай высоко подкинул мышь в воздух, затем ловко поймал его и одним резким движением оторвал зверьку голову. В лицо Реми ударила струя теплой крови из разорванного надвое крохотного тельца его единственного друга.

— Теперь он свободен, фарга! — засмеялся Фрай и выкинул останки себе за спину. — А вот ты — нет! И сейчас...

Больше Фрай ничего сказать не успел. Когда Реми осознал, что случилось, пружина гнева и ярости, все это время до предела сжатая внутри него, внезапно распрямилась с сокрушительной силой. В сердце Реми вспыхнуло неукротимое темное пламя, запыхав в его глазах, оно овладело им целиком. В ту же секунду он схватил Фрая за лодыжки и сильно дернул, а когда тот с грохотом свалился на пол, мгновенно оседлал его и стал наносить удар за ударом, испытывая при этом только холодную беспощадную ярость. Завизжав неожиданно тонким голосом, Фрай попытался вцепиться ему в горло. Но Реми одним неуловимо быстрым движением закаменевшей от гнева ладони перебил ему руку, и Фрай по-волчьему взвыл от боли, но не сдался.

Фрай был старше его и крупнее, но удары Реми казалось обладали такой невероятной силой, какую нельзя было заподозрить в его выносливом и крепком, но худом теле. Реми вдруг показалось, что еще немного и он свободно взмоет вверх, такое сильное упоение местью владело им. Он буквально ощутил за спиной шелест огромных черных крыльев, разящих беспощадно и стремительно, и в тот момент отчетливо понял, чтобы стать вороном, ему не нужно проходить обряд, не нужно ничье разрешение. Он может сделать это сам, лишь переступив тонкую зыбкую грань, до конца отдавшись темному пламени и забрав чью-то жизнь.

Два других молодых ворона, до этого оцепенело смотревшие на картину невозможного побоища, кинулись на помощь приятелю, но тут же с воплями отпрянули назад. Одному из них Реми мгновенно сломал нос, другому запястье. Громко крича, они бросились по коридору прочь. А Реми продолжил сводить счеты с Фраем, который еще пытался как-то отбиваться. Его сопротивление разожгло Реми до такой степени, что он не сразу понял, что противник уже давно только слабо стонет под его ударами. Тогда Реми резко остановился, с трудом приходя в себя, посмотрел на свои по локоть забрызганные кровью руки и поднялся, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам, словно не понимая, что здесь произошло и как он сюда попал. Потом склонился над Фраем и всмотрелся в его лицо, вернее, во что оно превратилось, в страшную окровавленную маску. И Реми ужаснулся тому, что сделал.

Он отошел от неподвижно лежащего Фрая, подобрал разорванные части тела мыша и пошатываясь двинулся прочь. Реми похоронил Чика возле крепостной стены, найдя клочок земли, на котором всю зеленела молодая, свежая травка и цвели солнечно-желтые одуванчики. А потом долго сидел у крохотного холмика, отмеченного старым глиняным черепком, и уткнувшись лицом в колени, оплакивал гибель друга.

Темное пламя, безраздельно владевшее им в момент наказания Фрая угасло. Но Реми чувствовал, что, однажды вспыхнув, оно уже не исчезнет совсем, а так и будет тлеть в его душе постоянно, карауля момент, чтобы разгореться с новой силой и свести его с ума, погрузив в пучину мрачной, холодной ярости и гнева. И тогда он станет таким как Фрай, даже хуже Фрая, потому что будет жить только для того, чтобы накормить эту вечно голодную ярость чужой кровью и страданиями. Но самое ужасное для него было то, что какой-то частью души Реми хотел этого.

Глава 11 Поединки на ристалище

Реми стоял перед скаргом Моррисом, ожидая пока тому надоест многозначительно молчать и сверлить его острым пронизательным взглядом. Следовало набраться терпения и сдерживать одолевавшее его жгучее желание посмотреть скаргу прямо в лицо, что считалось недопустимой дерзостью, особенно для не прошедших Обряд воронов. И Реми понимал, что теперь ему надлежало быть особенно осторожным и глупая бравада только усугубит положение. Вызовы к Верховному ворону и обычно-то не сулили ничего хорошего, а уж сейчас и подавно нужно быть готовым ко всему. Наконец, скарг прервал затянувшееся молчание и произнес как всегда весомо и тяжело:

— Я видел, что ты сделал с Фраем: выбиты зубы, сломаны нос и челюсть, ребра. Перебита в двух местах рука. О таких мелочах как разбитая голова, я даже не упоминаю. Ты, наконец-то, делаешь успехи. Меня смущает только одно. Ты пытался задушить его и почти преуспел в этом. Но остановился. Почему?... Когда я спрашиваю, Реми, ты должен отвечать.

Но Реми продолжал угрюмо молчать. Смолчал он и после того, как Моррис ударил его по лицу:

— Отвечай!

Он ударил еще раз. Из разбитого носа обильно потекла кровь. Тяжелые алые капли застучали по каменным плиткам пола. Реми продолжал неподвижно стоять, опустив взгляд. Скарг замахнулся снова:

— Я жду.

— Я не знаю, — проронил наконец Реми.

— Знаешь! — еще одна пощечина заставила его пошатнуться. На скуле быстро вспухло и расплылось багровое пятно.

— Я не смог, — с трудом сказал Реми. — Он не сопротивлялся.

— Ты поддался жалости, — презрительно сказал ворон. — Убей в себе это чувство или убьют тебя. Я разочарован. И поэтому сегодня ты останешься без еды. Скажи на кухне, что я запретил. Иди прочь.

Реми покорно склонил голову и собирался выйти, провожаемый тяжелым взглядом скарга, когда тот остановил его.

— Ты забыл, что должен сказать в ответ?

— Благодарю, скарг Моррис, — сказал Реми ровным, ничего не выражающим голосом.

Моррис нахмурился:

— Ты должен понимать, Реми, все что я делаю с тобой — для твоего же блага. А твоей благодарности не хватает искреннего чувства. Я проявил милосердие сохранив тебе жизнь, тебе — сыну гнусного отступника. Ты знаешь, что милосердие не входит в число добродетелей истинного ворона. Но я сделал это в надежде, что ты искупишь вину твоего отца, его предательство и очистишь его кровь, текущую в твоих жилах. Постарайся, чтобы мне не пришлось жалеть о потраченных усилиях. Иначе пожалеть придется тебе. А теперь — пошел прочь!

Когда Реми вышел, скарг, начал мерять крупными шагами комнату, потом обратился к рослому ворону, чья внушительная фигура темнела у окна.

— Иногда я думаю, — сказал он с досадой и злостью, — что зря не убил его тогда. Но наше племя слабеет, Моргот. Наш народ вырождается. Мы уже не так сильны, как прежде,

наше влияние падает. Особенно после предательства Реннера. А в этом мальчишке есть все, что нам нужно, есть с избытком, Моргот! Нужно только суметь подчинить его себе, овладеть его волей, заставить покориться нам целиком и полностью. Сейчас он сам определяет для себя границы покорности, уступая в малом, неуступчив в главном. Так не должно быть. Ничего, у нас еще есть время. Та жизнь, которую он сейчас ведет, все эти унижения, голод, побои должны ожесточить его сердце. И начало положено, Моргот. Да, начало положено. Случай с Фраем тому подтверждение. Ему не могло не понравиться. И мы, мой друг, должны подвести Реми к черте, переступив которую у него не будет пути назад. И подвести так, чтобы он сам охотно перешел ее и оказался полностью в нашей власти. И после того, как этот изгой, это отступническое отродье, пройдет Обряд он станет нашим разящим клинком, безжалостным и беспощадным. Станет нашим послушным оружием.

Скарг Моррис остановился, возбужденно потирая руки. Потом снова закружил по комнате, как черный вестник беды. Моргот, не выказывая никаких чувств, ждал, что скажет повелитель. Он считал, что Верховный слишком возится с этим никчемным отребьем, которое давно нужно было скормить нирлунгам — волкам Черных утесов, парочка этих вечно голодных, свирепых хищников жила в клетке на заднем дворе крепости. Или отдать на потеху вронгам, а потом то, что останется скормить нирлунгам. Но он знал, что с Моррисом лучше держать при себе свое мнение, особенно, когда оно не совпадает с мнением скарга.

— Сделаем так! — Моррис, приняв решение, широко взмахнул полами плаща, которые на миг стали огромными, словно сотканными из мрака, черными крыльями, с кинжально острыми стальными перьями. — Ты выведешь его на ристалище. Да, знаю, он еще не вошел в возраст, ему пятнадцать. Тем лучше! Ставь против него сначала самых сильных бойцов из тех, кто начал выходить на ристалище в прошлом году. И пусть они не дают ему спуска.

— Этому их учить не надо, — Моргот радостно осклабился. — Он получит все, что ему причитается. Думаю, начать нужно с Арриса. Он немного туповат, но силен и амбициозен.

— Хорошо, пусть будет Аррис. Если Реми с ним справится, ставь остальных, пусть попробует каждый. Потом можешь выставить против него взрослых воронов, только не из тех, кто прошел Обряд.

— Думаю до этого не дойдет. Его размажет по ристалищу еще Аррис.

— Посмотрим, — Верховный тонко усмехнулся. — Ты не знаешь, какая сила скрыта в этом тощем теле.

— Может заключим пари, скарг Моррис? — склонился в почтительном поклоне Моргот. В предвкушении знатной забавы настроение у него стало просто превосходным, и он осмелел.

— Нет, Моргот. Не заходи так далеко. Я уверен в его силе, но совсем не уверен в его желании победить. Эти бои нужны не для того, чтобы ты или я разжились блестящими звонкими монетами, у тебя их и так предостаточно. А чтобы, нащупать его слабое место и научиться управлять им. Мы научим его ненавидеть и убивать. И тогда он будет наш...

...Выйдя от скарга Реми направился хорошо знакомой дорогой вниз по бесконечным лестницам и переходам. За все долгие годы, проведенные в крепости, он уже хорошо знал какой лучше выбрать путь, чтобы поменьше встречаться как со взрослыми воронами, так и со своими сверстниками. После случая с Фраем на него смотрели настороженно, но задевать опасались, присматривались и перешептывались. И если раньше Реми избирал эту обходную дорогу, более длинную и неудобную, часть ее шла по внешней стене крепости, для того чтобы лишний раз не нарываться, то сейчас ему хотелось несколько минут побыть одному,

чтобы все хорошо обдумать. Больше всего его беспокоило, что при разговоре присутствовал нарг Моргот, ближайший помощник скарга, его правая рука и главный наставник тех, кого готовили к прохождению Обряда. Было в этом что-то недоброе, настораживающее. Возможно присутствие Моргота и не имело к Реми никакого отношения, но на душе у него стало как-то особенно тяжело, от дурного предчувствия болезненно сжалось сердце.

Выйдя на стену, Реми посмотрел вниз, на простиравшиеся далеко внизу лесные дебри. Он вдруг подумал с острой тоской, что хорошо было бы иметь возможность улететь отсюда, ринуться с этой стены вниз, расправить трепещущие под напором воздуха могучие, послушные крылья, поймать восходящий поток и воспарить высоко в чистом, бескрайнем небе, оставив далеко позади всю здешнюю мерзость, стать свободным, стать независимым. Но это были только мечты.

Не раз и не два размышлял он о побеге, строил планы. И даже сделал такую попытку, когда однажды Фрай, как бы случайно, забыл его на ночь в яме на каменоломне. Фрай не знал, что горы были для Реми домом, и он мог карабкаться по самым отвесным кручам. Поэтому он легко выбрался из ямы сам и сломя голову побежал в лес, надеясь отыскать дорогу к какому-нибудь жилью. Он еще не понимал тогда, что выйти из этого леса случайному путнику, без дозволения воронов, можно было только обратно к крепости. Они дали ему поблуждать еще день, в тщетных попытках уйти. Но куда бы он не пошел, стараясь держаться лесных ориентиров, через какое-то время неизменно оказывался в тени крепостной стены, с отчаяньем созерцая ее из-за стволов корявых, столетних дубов. Потом они легко поймали его, измученного и голодного, еще немного погоняв по лесу под хриплое карканье. Хорошо при этом позабавились. Реми жестоко наказали, но его остановило не это. Скарг Моррис пообещал, что в следующий раз ему, как неблагодарному выродку, просто перебьют ноги, так что остаток своей жалкой жизни он будет ползать как червяк в грязи. И Реми знал, что так и будет.

Ничего не решив, он печально вздохнул и двинулся дальше. Ему нужно было успеть до обеда натаскать воды в кухонные котлы и вычистить купальню вронгов, где накануне они устроили свои очередные игрища, о которых Реми предпочел бы никогда ничего не знать. Его мучило только от мысли, что предстоит там увидеть.

С первым он справился быстро, привычно вздымая тяжелые ведра, наполненные до самых краев, и с шумом обрушивая потоки холодной, колодезной воды в сияющие недра кухонных котлов.

— Я слышала, ты как следует навалял этому засранцу Фраю. Это он тебя так отделал? — спросила его Милред, одна из немногих женщин, постоянно обитающих в крепости. Она готовила еду для вронгов и скарга Морриса, на вид была непривлекательной, с космами седых волос, рябым лицом, худой до сухости, но жилистой и крепкой. И что самое удивительное, доброй.

— Нет, — ответил Реми, убирая пустые ведра в нишу. — Скарг Моррис.

— Не зли его, Реми!

— Я стараюсь, — коротко ответил Реми, взял тряпку и стал насухо вытирать пол вокруг котлов.

— За что на этот раз? — Руки Милред ловко потрошили упитанную куриную тушку. Она уже ощипала ее, сразу отделив нежный пух от жестких, упругих перьев. Пух должен был пойти на новую перину для скарга. А перьями набивали подушки для вронгов.

— За то, что пожалел этого засранца Фрая и не добил.

— Вот уж следовало!.. Закончил? Идем я покормлю тебя. У меня кое-что припасено, специально для одного очень хорошего мальчика.

Реми чуть приподнял в улыбке кончики губ, сглотнул вязкую слюну и отрицательно помотал головой:

— Нет, Моррис запретил.

О, — Милред огорченно взглянула на него, покачала головой и понизив голос произнесла, — он не узнает. Тут никого нет кроме нас. А тебя я не выдам даже под страхом смерти. Ты помогаешь мне выжить здесь, мой мальчик, поэтому не бойся. Старуха не проболтается, а ты немного подкрепишься.

— Нет, — твердо сказал Реми, — Я не могу нарушить запрет. Спасибо, Милред.

Она вытерла фартуком руки, подошла к Реми и хотела ласково взъерошить ему волосы, но он увернулся и быстро вышел под протестующее бурчание живота. Впереди был еще один длинный, голодный день, и его ждали мерзкие купальни...

...Следующее утро для Реми началось с резкого тычка. Он открыл глаза и увидел возвышавшегося над ним молодого ворона из старших. Было еще темно и очень рано.

— Ты, — прошипел он, склонившись. — Поднимай свой грязный, ленивый зад. У тебя нет работы, что ты до сих валяешься?

Реми обескуражено заморгал. Судя по всему, до рассвета было еще далеко, все остальные в комнате крепко спали, слышался разноголосый храп, сопение и сонное причмокивание. Реми сел и растерянно пробормотал, озираясь:

— Еще рано. Я успею.

Он подумал, что молодой ворон с повязкой дежурного, перепил можжевелевого вина и зачем-то вспомнил про Реми, а может просто что-то напутал. Но тот, снова сильно пнул его ногой в бедро и злобно прокаркал:

— Меня послал нарг Моргот. Ты сегодня выходишь на ристалище, белая падаль. Отличная будет забава. Если до этого не успеешь выполнить то, что тебе поручили, пожалеешь. Очень пожалеешь.

Он подкрепил свои слова еще одним чувствительным пинком и ушел. А Реми вновь откинулся на матрас, обреченно закрыл лицо руками и некоторое время лежал неподвижно, переваривая сокрушительную новость...

...Ронгонки, — провозгласил Моргот, стоя перед неровным строем своих бойцов. Его зычный голос громом прокатился над головами молодых воронов, собравшихся у западной стены крепости на ристалище и возбужденно галдящих в предвкушении кровавой забавы. Все притихли. — Сейчас вы будете биться друг с другом, не зная жалости. В сердце ворона нет места жалости ни к своим, ни к чужим. Оказав снисхождение своему, ты, в конце концов, поддашься врагу. Такой ворон становится падалью, изгоем. Впрочем, здесь уже есть один изгой. С него и начнем.

Он впери в Реми свинцовый взгляд. Реми, стоявший чуть в стороне от прочих, побледнел и как во сне сделал несколько шагов вперед, снял рубашку, оголив торс, как того требовали правила, затем повинувшись жесту Моргота вышел на утопанную до каменной твердости земляную площадку, политую потом и кровью множества поколений воронов, проходивших здесь науку боя и ненависти.

— Ты будешь биться с Аррисом.

Теперь побледнел Аррис, крупный молодой ронгонк, с полным рыхлым лицом. Он слышал о том, что случилось с Фраем и подобно многим из тех, кто не видел драки, считал,

что Реми просто повезло или не повезло Фраю. Говорили, что Фрай поскользнулся, упал и отключился, ударившись о стену, а это отродье трусливо поймало свой счастливый случай, накинувшись на него. Вместе с тем ходили и совершенно другого рода толки. Но они были, по мнению большинства молодых воронов, совершенно невероятными. Однако, Аррису совсем не хотелось проверять их истинность на своей шкуре. Он предпочел бы не связываться с Реми просто из осторожности, на всякий случай, так как несмотря на задиристость, был трусоват. Но Аррису здесь никто не спрашивал о его предпочтениях. На ристалище царил один закон и этот закон звали Моргот. Неповиновение могло дорого стоить смельчаку. Поэтому Аррис, стараясь не показать охватившее его неприятное волнение, вышел на площадку и встал напротив Реми. Вид этого сосунка немного успокоил его, а бледность кожи, хмурый, сосредоточенный взгляд из-под короткой челки криво обкромсанных, густых смоляных волос с яркой белой прядью — меткой позора, даже повеселили.

— Да он просто слабак, — самоуверенно подумал Аррис. — Пожалуй, я легко с ним справлюсь.

Это и в самом деле оказалось нетрудно. Реми большей частью оборонялся, а не нападал. Аррис правда получил от него несколько чувствительных тычков, которые скорее раззадорили здоровяка, и он перестал опасаться своего противника. Однако Реми оказался необыкновенно увертлив и быстр, так что молодой ворон чувствовал себя временами до обидного неуклюжим. Он начал уставать и злиться, делая промах за промахом. Они топтались на площадке без особого перевеса в чью-либо сторону уже довольно долго, когда Моргот, мрачный как грозовая туча, остановил поединок и подозвал к себе Реми. А когда тот приблизился, отвесил ему такую оплеуху, что он кубарем покатился по траве. Моргот быстро подошел к нему, пинками заставил подняться и, схватив за горло, приподнял над землей, так что лицо Реми оказалось вровень с его искаженным злобой, похожим на страшную маску лицом.

— Ты, кажется, неправильно меня понял, грязное отродье, — процедил он. — Ты сюда не танцевать пришел, а драться. Думаешь, я не вижу всех твоих уловок? Думаешь, ты умнее всех, сосунок? Иди и дерись как подобает!

Он швырнул Реми под ноги застывшему Аррису и крикнул:

— Не жди пока он встанет. Бей!

И Аррис охотно послушал его. Когда Реми упал в очередной раз, Моргот снова остановил бой, небрежным жестом указав Аррису вернуться в общий строй.

— Ты следующий, Норрд. Выходи. Реми остается.

— Но как так, — не сдержавшись завопил разгоряченный дракой Аррис. — Это я должен сейчас драться с Норрдом! Я победил!

— Ты будешь учить меня что делать? — с убийственным холодом в голосе, спросил Моргот, вперив в Аррису пристальный, тяжелый взгляд из-под насупленных бровей.

— Нет-нет! Простите! Пожалуйста, простите меня, нарг Моргот! — сразу опомнился Аррис и несколько раз низко поклонившись Морготу поспешно покинул площадку. Его место занял другой рослый ворон.

После третьего противника Реми чувствовал себя так, будто побывал под камнепадом. Он больше не мог уговаривать ноги не подводить его, не трястись и не подгибаться. Они перестали признавать его своим хозяином. Один глаз у него совершенно заплыл и ничего не видел, представляя из себя сплошной черно-фиолетовый отек. Второй едва ли выглядел

лучше, голая грудь была залита кровью и покрыта кровоподтеками. В голове стоял оглушительный звон и каждый мускул, каждая клеточка его тела вопили от боли и усталости. Он чувствовал, что вот-вот окончательно потеряет сознание и ждал этого едва ли не с радостью. Но еще больше его радовало то, что стальная пружина ярости внутри него сжималась не так быстро и сильно, чтобы он не мог сдержать ее. Наконец, еще один летящий в его сторону стальной кулак погрузил его в блаженную тьму.

Очнулся он глубокой ночью от сильной жажды. С трудом поднялся на ноги и побрел во двор крепости к колодцу, неуверенно пробираясь в темноте между рядами грубо сколоченных из досок кроватей, на которых спали, громко храпя, молодые вороны. Возможно, кто-то из них, подумал он, притащил его сюда с ристалища и бросил на старый матрас, уже много лет служивший ему постелью. Несмотря на ноющую боль во всем теле Реми чувствовал себя довольно бодро, и голова была на удивление ясной. Только очень сильно мучили жажда и голод. Он дошел до колодца и жадно припал к ведру, наполнив его живительной влагой, ощутил, как с каждым глотком восхитительно свежей, прохладной воды к нему возвращаются силы. Потом смыл с себя корку засохших крови и грязи, с недоумением разглядывая синяки, уже сменившие свой цвет на более бледный. Он поднял взгляд на небо и поразился еще больше. Реми помнил, что в ночь перед ристалищем луна полностью скрыла свой лик темным покрывалом, а сейчас сверкающие стада звезд в вышине пас молодой месяц, чей серп ярко сиял бледно-золотым светом. Значит, занятия у Моргота были не вчера, сообразил Реми.

— Сколько же я провалялся, — пробормотал он. — Сутки? Двое? Видимо, больше.

— Почти трое, — раздался за его спиной голос Моргота и Реми вздрогнул. — Достаточно, чтобы прийти в себя.

Моргот вышел из густой тени крепостной стены, где он совершенно сливался с мраком, так что оставался практически невидим. Реми различил его внушительный силуэт, посеребренный светом молодой луны, но даже этот звонкий, искрящийся свет тускнел, касаясь его фигуры.

— Ты, наверное, голоден, — глухо промолвил Моргот. — Вот, возьми. Нес нирлунгам, но они отказываются его глотать. Им нужно мясо, свежее мясо.

Он швырнул к ногам Реми большой ломоть хлеба. По тому, как тот громко стукнул о камень, Реми понял, что кусок давно зачерствел. Он нагнулся и поднял его, бережно отряхнув от приставшей грязи. На куске виднелись следы чьих-то острых зубов. Реми склонил в поклоне голову:

— Благодарю вас, нарг Моргот.

— Завтра ты вновь выйдешь на ристалище, — произнес в ответ зловещий голос. И Реми пожалел, что очнулся.

Следующие несколько дней дались ему не просто. Когда он терял на поединке сознание, под сокрушительными ударами сильных, тренированных противников, его оттаскивали в сторону и обливали водой, пока он не приходил в себя, захлебываясь и кашляя кровью. Это помогало, но ненадолго. Реми не сдавался, предпочитая быть избитым, но не выпускать на свободу тугую пружину гнева, погружавшую сознание в мрачное пламя ярости, грозившее сжечь его разум и сердце дотла. Он надеялся, что в конце концов, так ничего и не добившись, от него отстанут. Но, вернее всего, — думал он мрачно, — просто забудут совсем.

Глава 12 У мьюми

— Эйфи, — негромко позвал Реми задремавшую девушку. — Возьми, выпей. Это тебя подбодрит.

Эйфория с трудом разлепила отяжелевшие от сна веки, она чувствовала себя ослабевшей и усталой, несмотря на то, что часть пути Реми нес ее на руках. Боль в ноге немного унялась, но проходить совсем не собиралась, затаилась как хищный зверь в засаде, готовая в любой момент вновь начать терзать ее плоть своими клыками. Эйфи взяла из рук Реми железную походную кружку с горячим питьем, предусмотрительно обернутую тряпицей, чтобы не обжечься, и вдохнула свежий травяной аромат, легким дымком паривший над целебным напитком. Рядом весело потрескивал хворостом костер, над ним висел на длинной толстой ветке котелок с водой. Это тепло от костра согрело ногу и утомонило боль. Реми отошел к огню и подбросил в него больших сосновых шишек. Пламя сразу вспыхнуло и разгорелось с новой силой.

— А где Джой? — спросила Эйфория после того, как сделала несколько глотков отдающего терпкой горечью настоя и окончательно очнулась.

— Пошел за хворостом, — ответил Реми, снимая котелок с бурлящей водой с костра. — Топлива здесь много, а вот еды мало. Ни ягод, ни грибов, ни орехов, придется сухари доедать.

— Я что-то не хочу ничего.

— Так не пойдет. Надо поесть хоть немного, чтобы были силы. Вот держи.

Он положил ей на колени несколько сухарей и горстку фиников, коснулся ее руки и улыбнулся, чтобы подбодрить, хотя глаза его были полны тревоги. Эйфи благодарно улыбнулась в ответ и начала грызть твердый, ржаной сухарь. Вскоре исчезли и пять приторно-сладких, липнущих к зубам фиников, похожих на больших потрепанных жизнью коричневых жуков. Подкрепившись, она в самом деле почувствовала себя бодрее, от горячего чая по телу разлилось тепло. Пришел Джой с охапкой сухих сосновых веток и рюкзаком, набитым пахучими смолистыми шишками. Молча сложил все у костра, сел рядом и принялся отряхивать от древесного сора джемпер. Реми протянул ему дымящуюся кружку с чаем. Он взял ее, ни на кого не глядя, и стал осторожно прихлебывать.

— Ты чего такой смурной, Джой? — спросил его Реми. — Случилось что?

— Нет, — буркнул Джой и отвернулся.

— Устал? Ничего, скоро отдохнем, — Реми искоса, внимательно посмотрел на друга, переломил об колено толстую ветку и бросил ее в огонь.

— Сказал же, нет, — огрызнулся Джой, явно чем-то расстроенный. Против обыкновения он даже не ворчал, безучастно смотрел перед собой, не реагируя на попытки Реми его подбодрить.

— Ладно, — Реми не стал больше допытываться. — Нет, так нет.

Он допил чай, убрал кружку и разворошил костер, чтобы тот жарче горел.

Когда последняя собранная шишка превратилась в пепел, друзья, согревшись и обсохнув, стали собираться в дорогу. Скоро, охваченная сырым холодом, раненная нога Эйфи опять начала пульсировать болью, и ей вновь пришлось воспользоваться помощью Реми.

— Извини, — шепнула она ему на ухо, когда он поднял ее на руки, — мне так неудобно.

— Ничего, ты маленькая и легкая, — отозвался Реми, и тоже шепнул ей с негромким смешком. — Вот, если бы на твоём месте был Джой!

Их путь вился между холмами, опускаясь все ниже и ниже. Подул свежий, тёплый ветер, донеся до путников аромат неведомых цветов и близкой воды. Эйфи повеселела, и Реми тоже посветлел лицом. На лбу у него блестели капельки пота, и Эйфория время от времени осторожно вытирала их ладонью. Взгляд ее при этом светился нежностью и заботой. Иногда она опускала голову на его плечо и задумчиво смотрела в спину Джою, который безостановочно шагал впереди, не оборачиваясь и не сбавляя шаг. Несколько раз словно случайно, она ласково касалась рукой шеи и волос Реми, и тогда он бросал на нее короткий взгляд из-под ресниц и, казалось, едва сдерживал улыбку. А в глубине его глаз начинали вспыхивать золотые и зеленые искры.

Тропа здесь сама стелилась под ноги, трава сделалась гуще и зеленее. Вечерело, и в небе зажглись первые звездочки, крохотными алмазами сверкая среди поредевших облаков. Постепенно горизонт перед ними окрасился яркими закатными красками, будто полотнища золотого и алого шелка переливались над кроной густого леса, окружавшего Зачарованное озеро. Отблески уходящего на покой солнца озаряли небесный свод и землю под ним ровным жемчужно-розовым светом. И не успел погаснуть последний солнечный луч, как путники вступили под сень Заповедной рощи мьюми. Их окружили высокие ровные стволы диковинных деревьев с гладкой серебристо-серой корой, над ними шелестели высокие кроны. Эйфи показалось, что она различает в их шелесте какие-то слова, деревья мелодично шептали ей что-то, этот шепот убаюкивал, навевая сладкие грезы. Стемнело, но роща была полна мерцающего света.

Это светились чудесные деревья, их ветви сплетали над путниками искрящийся зеленый полог. Длинные, перистые как у ясеня листья с тонкими серебряными прожилками колыхались и трепетали, но воздух был неподвижен и тих. Тут Эйфи увидела, как среди листьев золотыми звездами стали вспыхивать и распускаться нежные бутоны цветов. И скоро роща наполнилась дивным ароматом, от которого замирало в истоме сердце и кружилась голова. Они вышли на большую поляну. Реми замедлил шаг и опустил Эйфи на ноги. Она уже не чувствовала боли, с удивлением отметив, что совсем забыла о ней, увлеченная чудесами заповедной рощи.

— Как здесь красиво, — негромко сказала она Реми, заморожено разглядывая светящиеся деревья. — Как необычно и хорошо.

— Да, — также тихо откликнулся Реми. — Только это опасная красота, она может лишить человека памяти, усыпить долгим-долгим сном. И ты будешь спать и видеть странные сны, но сам проснуться не сможешь никогда. И тогда, только вода Зачарованного озера способна вернуть тебя к жизни. Но не бойся, если ты друг, тебе ничего не грозит. Эйфи, ты помнишь, что я говорил тебе в пещере? — Он повернулся и заглянул ей в глаза. Потом очень настойчиво и серьезно сказал. — Ты здесь в безопасности и скоро вернешься домой. Все будет хорошо. Просто доверься мне.

Эйфи кивнула, ее вдруг охватило сильное волнение, так что она еле сдерживала дрожь. Джой тоже остановился, потом подошел к ним и встал рядом. Он был бледен и тяжело дышал, но даже не замечал этого, судорожно сжимая лямки своего рюкзака. Откуда-то послышалось тихое, чарующее пение, деревья зашептали громче и явственней, и на поляну навстречу путникам вышла Королева мьюми в окружении своей свиты. При взгляде на нее у Эйфории перехватило дыхание, и слезы выступили на глазах.

Королева была очень красива, но не так, как бывает красива обычная женщина. Ее красота была волшебной, колдовской, от нее нельзя было оторвать взгляд, она завораживала и покоряла. Ее глаза, словно редкие драгоценные камни, переливались голубым, зеленым, синим, бархатно-фиолетовым. В окружении длинных золотых ресниц они были то как речная волна, пронизанная яркими солнечными лучами, то становились темными и глубокими как бездонные омуты, то сияли безмятежным спокойствием горного озера. Бледно-золотые волосы частью заплетены, частью распущены и убраны белоснежными и серебряными цветами похожими на лилии, в глубине которых сверкали каплями росы голубые бриллианты. В длинных, волнистых прядях, казалось, запутался лунный свет, и они неярко мерцали. Стройный стан обнимало, струясь до самой земли, изящное бледно-голубое платье, тонкая ткань которого была расшита затейливым узором из серебряных и золотых нитей. Оно мягко блестело и переливалось при каждом плавном, величавом движении мьюми. Реми оставил своих друзей и приблизился к Королеве.

— Приветствую тебя, Королева Юта, — сказал он, опускаясь перед ней на одно колено и склонив голову. Она протянул ему руку, похожую на совершенное творение гениального скульптура. Реми бережно взял ее в свои ладони, благоговейно прикоснулся к ней губами. Лицо королевы озарилось светом и радостью. Благоухание стало сильнее и ярче, в роще запели сладкозвучно птицы, их трели будили самые светлые мечты и надежды, исцеляя печали усталых сердец. Ласковая улыбка тронула перламутрово-алые уста Королевы Юты. Она произнесла голосом нежным и приветливым как дуновение майского ветерка, и вместе с тем ясным и звонким, как первая весенняя капель:

— И я приветствую тебя, Реми, друг мой! Тебя и твоих спутников.

Она посмотрела на стоящих в отдалении Эйфи и Джоя, остановив задумчивый взгляд на девушке, на прекрасное лицо мьюми легла тень. Джой поспешно поклонился королеве и Эйфория тоже. Юта благосклонно, но несколько холодно, кивнула им и снова обратила свой взгляд на Реми, тонкие пальцы ее руки коснулись его волос долгим ласкающим жестом, задержавшись на белой пряди.

— Встань, друг мой. Я ждала тебя. Но вижу, что вы устали, дорога была трудной и долгой. Вы нуждаетесь в отдыхе.

Реми поднялся и сказал:

— Да, королева, мы благодарны тебе и признательны! Но прошу, нам нужна твоя помощь. Наша спутница ранена вороном и в ране может быть яд его когтя.

— Вода Зачарованного озера поможет ей. Пусть они следуют за нами.

Королева оперлась на руку Реми, и они неспешно двинулись по тропе к Зачарованному озеру через рощу чудесных деревьев. Но перед этим Реми обернулся и, взглянув на Эйфи, улыбнулся ей, так будто хотел сказать: все будет хорошо, верь мне. Но Эйфория не смогла улыбнуться ему в ответ. От боли, сжимающей сердце, было трудно дышать. Она не заметила, как Джой заботливо подхватил ее под руку, чтобы помочь идти. Все ее внимание было отдано Реми и Королеве, идущим впереди.

Двигалась мьюми легко и грациозно, и при каждом ее шаге в роще делалось светлее и оживленнее: перепархивали с ветки на ветку пестрые певчие птицы, сопровождая процессию чарующими трелями, благоухали нежно цветы, деревья вплетали в пение птиц свой таинственный шепот. Между стволами в мерцающем свете замелькали какие-то быстрые маленькие существа, празднично сияющие разноцветными огоньками. К Эйфории подошли несколько юношей и девушек из свиты королевы. Они были похожи на ожившие

души поющих деревьев, такие же стройные, статные и величавые.

— Мы можем понести госпожу, если движение причиняет ей боль, — с легким поклоном обратились они к ней, приветливо улыбаясь.

Но Эйфория отрицательно покачала головой, говорить она не могла от стеснившего ей грудь отчаяния. Рана вновь дала о себе знать, приглушенной тянущей болью, которая все нарастала. Но с помощью Джоя, который не отходил от девушки, поддерживая неожиданно крепкой рукой ее локоть, можно было идти самой. Эйфи почему-то не хотелось, чтобы мьюми прикасались к ней. Окружавшее их волшебное величие вдруг показалось ей угнетающим, оно тяжестью легло на душу, отозвалось головной болью и смятением чувств. При взгляде на королеву девушка почувствовала себя несчастной, глубоко, непоправимо несчастной, а еще грязной нищенкой, жалкой оборванкой, нежеланной, непрощенной гостьей. Это Реми с растрепанными волосами, где застряли сухие хвоинки, в старой, рваной куртке, изрядно мятой, чужой рубашке, умудрялся выглядеть рядом с Королевой мьюми очень уместно, как равный, столько было в нем достоинства и силы, которые сияющая красота Юты только подчеркивали и оттеняли.

Смотреть на них было тяжело и больно, и Эйфи вдруг остро пожалела, что пошла в этот поход, что видела все это, что вообще увидела и узнала Реми. Она вспомнила, как еще в раннем детстве ее увлекли и очаровали рассказы бабушки о живых камнях, больше похожие на удивительные сказки, как захотелось ей самой увидеть чудо их рождения, это волшебное зрелище, которое можно потом вспоминать всю жизнь. Она не знала тогда, что совсем другое зрелище поразит ее в самое сердце.

— Если ты хочешь в поход за живыми камнями, — сказала ей Лили, верная подружка и участница всех ее авантур, а еще бесценный кладезь сведений обо всем, что творится или еще только собирается свершиться в их Городе, — тогда, тебе нужен Реми.

— Кто это? — рассеяно спросила Эйфи. Она в тот момент усиленно размышляла, как убедить отца отпустить ее в этот сомнительный поход.

— Тот чужак, что водит отряд, только они не берут с собой девушек. Никогда. Это, говорят, еще и очень опасно. Тропа идет по земле воронов, а у черного племени дурная слава.

— Меня возьмут, — самоуверенно заявила Эйфория, и в ее глазах блеснул огонек азарта. — Я не отстану. И я не боюсь. Где найти этого Реми?

— Не знаю, — пожалала плечами Лили. — Наверно, там, где живут чужаки, где-то на окраине. Спроси у Джоя, он, вроде, как водит с ним компанию, и пару раз ходил в поход.

Дом Реми в самом деле располагался на самой окраине города, в конце длинной Тенистой улицы, на отшибе, дальше дорога убегала в поле, засеянное пшеницей, чьи спелые колосья волновал легкий ветерок с запада. Вдали, за полем темнела полоска Буреломного леса и виднелись Голубые холмы. Сам дом, серый от ветхости, с мансардой под темно-красной черепичной крышей, окружали густой зеленой изгородью кусты дикого жасмина. Эйфория сдвинула покосившуюся калитку, прошла через маленький пустой дворик по мощеной известняком дорожке, заросшей подорожником и пастушьей сумкой, поднялась по старым скрипучим ступенькам на большое разошедшееся крыльцо и решительно постучала в хлипкую дверь, с любопытством заглядывая в ее окошки, забранные цветным, узорным стеклом. Былое украшение помутнело от времени, и разглядеть что-либо там не представлялось возможным. За дверью было темно и тихо. Открылась она внезапно, и на пороге возник высокий темноволосый юноша. Эйфория несколько секунд молча смотрела на

него, онемев от изумления. Она не ожидала, что он будет таким молодым. Таким молодым и таким необыкновенным, таким потрясающе необыкновенным. Наконец, произнесла растеряно первое, что пришло ей в голову:

— Мне нужен тот, кого называют Реми.

Губы его слегка изогнулись в вежливой, доброжелательной улыбке, а в темных глазах заплясали веселые искорки. Он произнес:

— Меня называют Реми.

Глава 13 Возьмите меня с собой

— Меня называют Реми, — произнес он с легкой улыбкой. И так как Эйфория продолжала молчать, зачарованно уставившись на него откровенным взглядом ребенка, увидевшего нечто удивительное, он снова заговорил.

— Вы что-то хотели от Реми, милая девушка?

Эйфи смущенно покраснела, приходя в себя, и выпалила:

— Возьмите меня в поход за живыми камнями!

Его брови удивленно взметнулись вверх, и он неожиданно громко и весело рассмеялся:

— Вы, конечно, шутите. Простите, я не хотел вас обидеть.

— Я не в обиде, — спокойно сказала Эйфория, окончательно приходя в себя. — Я прошу вас взять меня в поход за живыми камнями. Если вам нужны деньги, я заплачу, сколько вы скажете. А, кроме того, я выносливая, крепкая, умею быстро бегать, не боюсь леса и трудностей, не буду хныкать, могу отличить ядовитый гриб от съедобного, знаю, как поймать рыбу без удочки и мало ем.

Реми, продолжая улыбаться, с интересом наблюдал как Эйфи, перечисляя свои достоинства, загибает по порядку пальцы на руках. И когда она закончила, сказал серьезно, с трудом сдержав смех:

— Может, есть что-то еще, подумайте? Вы ничего не упустили?

— Что? — с недоумением посмотрела на него Эйфория.

— Еще один пальчик остался, для ровного счета, — кивнул он ей.

— Ах, да! Спасибо. И самое главное — я все равно не отстану.

Реми задумчиво почесал переносицу, еще раз внимательно посмотрел на девушку и сказал:

— Знаете, что? Предлагаю вам сделку!

— Да, — обрадовалась Эйфория, внутренне торжествуя от того, как легко досталась ей победа. А Реми продолжил:

— Я угощу вас чаем, а вы поделитесь со мной секретом как поймать рыбу без удочки. Хорошо?

— Хорошо, — согласилась Эйфория, в душе ее росло ликующее чувство, но вместе с тем зашевелился, вдруг проснувшись, червячок сомнения. — А потом вы мне расскажите, что нужно взять с собой в поход?

Реми вздохнул:

— А потом вы пойдете домой, милая девушка, чтобы ваши родители не тревожились за вас, и не будете приходить одна в дом к незнакомым мужчинам. Не хочу вас расстраивать, но это может кончиться бедой.

Лицо Эйфи вспыхнуло, а в глазах загорелся опасный, упрямый огонек. Она гордо выпрямилась и сказала с достоинством:

— Я совершеннолетняя и могу ходить там, где хочу, не спрашивая на то позволения старших. И чтобы вы знали, умею постоять за себя. Надеюсь, вы не хотите проверить это на себе?

— Нет-нет, ни в коем случае, — яростно замотал головой Реми, стараясь не засмеяться. Незнакомка изрядно забавляла его, и он не спешил закрывать перед ней дверь. К тому же девушка ему понравилась. — К сожалению, я не могу взять вас в поход. И если вы не хотите

чаю, то давайте попросимся.

— Я этого не говорила, — ответила она, решив, что начать можно и с малого, например, с чая. — Меня, кстати, зовут Эйфория, для друзей просто Эйфи. Вы тоже можете звать меня Эйфи.

Реми лишь слегка кивнул и посторонился, пропуская ее в дом. Несмотря на внешнюю браваду Эйфории было немного не по себе, когда она приняла его приглашение. От волнения она едва не споткнулась, переступая порог, и снова смущенно покраснела, украдкой нащупала в кармане куртки маленький флакон со жгучим настоем красного перца, попав в глаза, он надолго выводил жертву из строя, доставляя продолжительные мучения. Ей очень не хотелось думать о Реми плохо, но еще больше ей не хотелось попасть в опасную передрагу. Все же он был чужаком, а ее отец все время повторял: от них никогда не знаешь, чего ожидать. Тем более и дом его стоял так уединенно, окруженный разросшимися кустами жасмина.

Она прошла вслед за хозяином в просторную комнату, залитую солнечным светом, потоки которого проникали сюда через два больших, ничем не занавешенных окна. Вещей и мебели здесь было немного, а вот чего там было много, так это книг. Эйфи заметила на столе раскрытый томик, поверх которого лежала толстая тетрадь, ее страницы были густо исписаны мелким летящим почерком. Что там было начертано, она не успела разобрать. Реми торопливо захлопнул тетрадь перед самым ее любопытным носом. Он начал убирать книжные стопки со стола, освобождая место для чаепития, и Эйфория взялась ему помогать, складывая их на свободный подоконник.

Из окна открывался довольно приятный вид: кусты здесь были низкими и не такими густыми, за ними виднелся пыльный проселок, волновалось пшеничное поле, по ярко-голубому небу бежали белые барашки облаков. Но Эйфи подумала вдруг, что в ненастную погоду и зимой все это может выглядеть довольно уныло, а ночью даже жутковато. Она не могла представить, как можно жить совершенно одному в таком глухом, безлюдном месте.

— А вам не бывает здесь страшно? — спросила она вдруг.

— Нет, не бывает, — ответил он спокойно и уверенно. — Спасибо за помощь. Лучше присядьте и отдохните. Вот этот стул не так сильно скрипит и достаточно удобен.

— А одиноко? — она испытующе посмотрела на него.

— И одиноко не бывает, — сказал он, как ей показалось, уже не так уверенно. — Вы какой чай предпочитаете: черный или зеленый?

— Черный, без сахара.

— Хорошо, — сказал он и вышел из комнаты.

Скоро на столе перед Эйфорией возникли чашка с крепким ароматным напитком, знаменитое медовое печенье тетушки Эльзы из городской лавки и сливки в маленьком голубом кувшинчике. Реми взял кувшинчик и вопросительно взглянул на Эйфи, она церемонно кивнула. Сливки тонкой струйкой полились в ее чашку, разбавляя горячий чай и окрашивая его в кремовый цвет. Себе Реми сливок добавлять не стал, ограничившись двумя ложками сахара. Печенье было рассыпчатым, свежим и очень вкусным, впрочем, как всегда у тетушки Эльзы, известной на весь город своей стряпней. За чаем они почти не говорили, приглядываясь друг к другу и размышляя каждый о своем. Эйфория никак не могла заставить себя перестать смотреть на хозяина дома, хотя и видела, что откровенное внимание гостя его смущало. И с каждой минутой ее интерес и восхищение им росли. Она тоже чувствовала себя немного скованно, и поэтому никак не могла придумать подходящую тему для разговора,

так, чтобы расположить к себе немногословного юношу. Наконец, сделав усилие, она оторвала взгляд от его лица и, обведя глазами комнату, произнесла вежливым тоном хорошо воспитанной девушки, умеющей вести непринужденную светскую беседу:

— У вас здесь довольно мило.

— Да? Спасибо. Берите еще печенье.

Эйфи заерзала на месте и прищурилась, солнце, лившее в окна потоки золотого света, переместилось на небосклоне и начало слепить ей глаза.

— Благодарю. А почему у вас нет штор? С ними было бы уютнее.

Реми взглянул на нее с некоторым удивлением и ответил не сразу.

— Если хотите, можете пересесть, как вам удобно.

Она подвинула стул, но солнце не отпускало ее, заглядывая в глаза и заставляя жмуриться. Сам Реми сидел спиной к окну и залетавший в открытую створку ветерок шевелил его волосы. Эйфория снова переместилась и произнесла с досадой:

— А если вы не любите шторы, можно закрыть окна газетами.

Он посмотрел на нее с еще большим удивлением и медленно произнес:

— Вы разве не знаете, городским уставом запрещено закрывать чем-либо окна в своих домах, тем, кто лишь недавно поселился в городе. Только по особому разрешению городской управы и после, кажется, десяти или пятнадцати лет постоянного проживания. При условии, что чужаки ничем себя не замарали. Таков закон.

Теперь уже Эйфория в свою очередь уставилась на Реми, испытывая сильное смущение и неловкость.

— Нет, я не знала. Извините. Но это же так неудобно! Как такое можно терпеть!

Реми равнодушно пожал плечами, потом произнес тоном радушного хозяина, вдруг вспомнившего нечто важное:

— Может, хотите еще чая? Нет? Тогда, прошу простить, у меня много дел.

Эйфория поставила чашку на стол, неторопливо встала. Реми тоже поднялся:

— Спасибо, что заглянули. Девушки не часто стучат в эту дверь, так что было приятно познакомиться. Но думаю, будет лучше, если вы ограничитесь одним визитом. Для вашего же блага.

— Я рада, что вас так беспокоит мое благо, — ответила Эйфи, несколько уязвленная тем, что ее откровенно выпроваживали. — Но я привыкла заботиться о нем сама. И хотелось все-таки услышать условия, на которых вы возьмете меня в поход за живыми камнями. Если таковые имеются.

— Условие одно — забудьте об этом.

Реми пошел к двери, и Эйфория неохотно двинулась за ним следом. Она уже сошла с крыльца, когда он окликнул ее:

— Да, чуть не забыл! Так что там с рыбой? Вы обещали открыть мне секрет, как поймать ее без удочки.

Эйфория обернулась, несколько секунд смотрела на него неожиданно веселым, хитрым взглядом, потом ослепительно улыбнулась и произнесла:

— Без удочки? Ну, конечно, сачком!

Реми засмеялся, и она тоже. Он проводил ее взглядом до калитки, потом глубоко вздохнул, чувствуя внезапный прилив грусти, и закрыл дверь.

Работой Реми, помимо походов за живыми камнями, была переписка старых книг городской управы, которые пострадали от случившегося весной прошлого года наводнения.

Подвал хранилища, где содержался административный архив, тогда изрядно подтопило грунтовыми водами и книжные фолианты, хранящие многовековую историю города, отсырели и покоробились. У Реми был красивый, разборчивый почерк и твердая рука. Оплачивалась эта работа не так, чтобы хорошо, тем более, что Реми как чужаку можно было платить существенно меньше, чем обычному переписчику, и городская управа не преминула этим воспользоваться. Выручало Реми то, что потребности и запросы у него были довольно скромными. Однако много средств уходило на книги и чернила, поэтому время от времени он нанимался к окрестным фермерам, чтобы подзаработать.

Закрыв дверь, Реми вернулся к столу и принялся за дело. Разбирая поплывшие строчки, вспоминал недавнее чаепитие и едва заметно улыбался. Часа через три, он дописал последнее слово в очередном томе, завернул его в бумагу и уложил в прочную холщовую сумку вместе с испорченным экземпляром, чтобы отнести и сдать в городскую управу, где секретарь долго и придирчиво осматривал его работу, с недовольным, брезгливым видом пролистывал страницы, выискивая помарки, кляксы и грязь, пока Реми стоял у двери в ожидании оплаты. Но Реми делал свою работу безупречно, она ему нравилась.

Нравилось выводить ровные аккуратные строчки, заполняя лист за листом витиеватыми описаниями давно минувших событий различной степени важности: от нашествия на город полчищ серых крыс в год, когда пожар уничтожил деревянное здание городского театра, до рождения у сорок седьмого по счету губернатора наследника с заячьей губой, что вызвало брожение среди горожан и чуть не стало причиной бунта. Подобный дефект считался среди добропорядочных граждан верным признаком особой испорченности родителей младенца. Возможно, они были недалеко от истины, но так как губернатор имел влияние и деньги, много денег, горожанам пришлось пересмотреть свое мнение. Немалое содействие в том оказали местные стражи порядка. Хотя через год, семье сапожника все же пришлось покинуть город, когда у них родился мальчик с лишним пальчиком на руке.

Наконец, просмотрев весь фолиант и не найдя к чему придраться, секретарь нехотя отсчитывал из пухлого кожаного кошелька, где хранились средства общественного фонда города, несколько монет и добавив к ним небольшую бумажную купюру, с тяжелым вздохом делал Реми знак, что он может приблизиться и забрать деньги. Затем Реми шел в подвал, где ему выдавали новый подмоченный том городской летописи и тщательно пересчитанные листы плотной чистой бумаги, в новом твердом переплете из свиной кожи...

...Закончив работу и уложив книги, он надел свежую рубашку, причесал встрепанные вихры, перекинул через плечо сумку, и, открыв входную дверь, чуть не споткнулся об Эйфи с удовольствием расположившуюся на старом крыльце с книжкой в руках. Потрясенный Реми уставился на нее, не веря своим глазам и не в силах вымолвить ни слова. Потом, наконец, произнес обескуражено:

— Что вы тут делаете?

— Сижу, как видите, — любезным голосом ответила Эйфория, поднимая на него невинный взгляд.

— Вы что все это время просидели здесь? Зачем?

Эйфи снова безмятежно улыбнулась:

— Вы возьмете меня в поход за живыми камнями?

Реми сердито нахмурился и сказал нетерпеливо:

— Послушайте, милая девушка...

— Меня зовут Эйфория, — подсказала она.

— Да, я помню! Вы совершенно напрасно тратите свое время, я уже сказал вам вполне определенно, чтобы вы забыли об этом.

— Но я тоже сказала вам вполне определенно, что не отстану.

Она сделала умоляющее лицо, глядя на него снизу вверх:

— Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, я не буду вам обузой! Я сделаю все что вы скажете, в пределах разумного! Пожалуйста, возьмите меня с собой! Я очень-очень хочу это увидеть! Я вам заплачу, у меня есть деньги!

Вместо ответа он взял ее за руку и потащил за собой к калитке. Эйфи не сопротивлялась, только крепче прижала к себе книжку, которую так и не успела убрать в рюкзак, болтавшийся у нее за плечами. Выйдя за калитку, он двинулся дальше по направлению к городу, крепко сжимая ее запястье. Ей приходилось почти вприпрыжку бежать за ним, так стремительно он шел. Дойдя до перекрестка, Реми отпустил ее руку и произнес отрывисто:

— Всего доброго.

— И вам приятного дня!

Эйфория не переставала улыбаться ему, этот чужак нравился ей все больше и больше. И даже цель похода — живые камни отступили на второй план, у нее было чувство, что она уже нашла свой волшебный живой талисман, и совершенно неважно было куда идти вместе с ним и зачем, только бы смотреть в эти удивительные темные глаза, видеть эту милую, чуть застенчивую улыбку на его лице, слышать чистый, проникающий до самого сердца, голос. Реми еще несколько секунд пристально и строго глядел на нее, затем развернулся и, не оглядываясь, ушел. Эйфи смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом, потом, мечтательно улыбаясь, отправилась в ближайшую бакалейную лавку записаться на вечер едой, а оттуда бодрой, радостной походкой поспешила обратно к дому Реми.

Несколько следующих дней она осаждала его крыльцо с невиданным им доселе упорством. Он предпринял немало попыток отговорить ее от безумной, с его точки зрения, затеи, отводил за руку подальше от дома и строго отчитывал, грозил вызвать стражей, сообщить ее родителям, хоть и не знал, где их искать, Эйфи ни за что не хотела признаваться, где живет. Когда все эти меры не возымели успеха, он попытался игнорировать ее присутствие на крыльце своего дома. Однако, сделать это было непросто, потому что Эйфория начала петь, большей частью грустные, жалобные песни, в которых девушки оплакивали свою судьбу, не дающую им следовать вместе с любимым к светлому, безоблачному счастью. Пела она громко и хорошо, ее звонкий голос разносился далеко окрест, летел над пшеничным полем, возносился ввысь к самому синему небу, проникал сквозь стены дома и терзал его сердце и слух. Временами он ловил себя на том, что, заслушавшись, забывал о работе и начинал мечтать о чем-то несбыточном. Тогда Реми вставал, выходил на крыльцо и просил:

— Я вас умоляю, милая девушка, идите домой, если он у вас есть! Я все равно вас никуда не возьму.

В ответ раздавалось неизменное:

— Меня зовут Эйфи, и я прошу вас взять меня в поход за живыми камнями. Пожалуйста!

Он восклицал с досадой:

— Это просто невозможно!

И уходил, громко хлопая дверью, так что цветные стеклышки в ней еще долго

возмущенно дребезжали. Было не совсем ясно, что он имеет в виду под этими словами: невозможно исполнить ее маленькую просьбу, невозможно больше слушать о страданиях юных девиц, невозможно видеть одну такую страдающую юную девицу на своем крыльце, невозможно больше сопротивляться упорству этой юной девицы, или все это вместе. Эйфи этого пока не знала, поэтому кротко и терпеливо вздыхала и принималась выводить следующий куплет.

Все закончилось одним хмурым утром, Эйфория привычно расположилась на крыльце, достала из рюкзака бутерброд, бутылочку с соком и принялась завтракать. Она видела до этого, как Реми мелькнул в окне, и приветливо помахала ему рукой, он страдальчески поморщился при виде девушки и скрылся в глубине дома. Прошло около часа, Эйфория увлеченно читала, рассчитывая чуть позже выманить Реми на крыльцо пением, как вдруг на страницу упала влажная клякса, затем еще и еще одна, начался дождь. Она подняла голову и посмотрела на затянутое тучами небо.

— Только бы не гроза! Только бы не гроза! — зашептала Эйфи испуганно, сжав кулачки на удачу. Она оглянулась на дверь, в доме было тихо, очевидно, Реми работал. Она иногда наблюдала за ним через окно, когда он сидел в своей комнате и писал. Тогда она забиралась с ногами на подоконник и, опустив на колени голову, смотрела на него, вела себя очень тихо, как мышка. И Реми, хоть и косился на непрошенную гостью, никак не возражал против ее присутствия, только иногда удрученно вздыхал.

Она убрала книгу и встала, частые капли быстро превратились в мерно шелестящие струи, которые щедро орошали влагой поникшие под дождем кусты жасмина, двор и дорожку, где уже вскипали пузырями большие лужи. Стало ощутимо холодней, и Эйфи зябко поежилась, потом плотно обхватила себя руками, пытаясь сохранить тепло. Над крыльцом был небольшой навес, зиявший прорехами, и скоро на Эйфорию обрушились потоки воды. Она быстро промокла и начала дрожать, но упрямо продолжала стоять на крыльце, низко опустив голову, и едва сдерживая слезы. Она вдруг ощутила, как безнадежна эта затея, Реми не сдавался несмотря все ее упрямство, но и она уже не могла оставить его. Было уже невозможно не видеть его каждый день, пусть и глядевшего на нее каждый раз с досадой и удивлением. И что ей делать, когда он уйдет? Когда этот старый, но такой притягательный для нее, дом опустеет? Горячие, обжигающие слезы сами собой потекли из глаз, мешаясь с холодными струями дождя на ее лице. Она несколько раз непроизвольно и громко всхлипнула, впадая в отчаянье, как вдруг позади заскрипела дверь, и раздался долгожданный голос:

— Может, хватит уже стоять и мокнуть. Дверь открыта, и вы это знаете.

Но Эйфи упрямо помотала головой и, не поворачиваясь, произнесла как можно тверже:

— Меня зовут Эйфория! И вы это тоже знаете, — потом голос ее сорвался, стал тонким и несчастным. — Я прошу вас, возьмите меня с собой!

Она услышала, как он привычно вздохнул и сказал:

— Пожалуйста, зайди в дом, Эйфория.

Она стремительно обернулась, потоки дождя не оставили ни одного сухого участка на ее теле, волосы намокли и повисли сосульками облепив лицо, губы посинели от холода, а маленький, хорошенький носик, напротив покраснел, но большие серые глаза сияли. Первый раз он назвал ее по имени и дождь из проклятья сразу стал благословением. Она вошла в тесную прихожую, где вокруг ее ног тут же образовалась обширная лужа, расплываясь по светлому дощатому полу, потом прошла вслед за Реми в комнату, оставляя после себя

влажные следы. Он принес ей полотенце, и Эйфи вытерла лицо и шею, промокнула, как могла волосы. И пока она сушилась, Реми достал из шкафа чистую сухую рубашку и свои старые штаны, протянул ей одежду и молча вышел. Она стала переодеваться, чутко прислушиваясь к доносившимся из кухни звукам. И когда он спросил, крикнув через дверь:

— Ты готова?

Она радостно откликнулась:

— Да!

Его клетчатая шерстяная рубашка и грубые хлопковые брюки были ей велики, она просто утонула в них, пришлось подвернуть рукава и штанины, к тому же сильно затянуться поясом, завязав его на животе узлом, но было сухо, тепло и невероятно уютно. Он принес горячий чай, плоску с медом, хлеб и окинув ее теплым, смеющимся взглядом сказал:

— Ну и что мне теперь делать с тобой, Эйфи? Несносная ты девица!

Эйфория робко улыбнулась и произнесла с надеждой:

— Ты возьмешь меня с собой? Я обещаю, что не доставлю тебе хлопот.

— Ну, если ты обещаешь, — засмеялся он. — Боюсь, что на самом деле у меня нет выбора. Еще недели твоих песен я просто не выдержу.

Глава 14 Исцеление и помощь

Серебряный замок Королевы мьюми возвышался посреди Зачарованного озера прекрасным миражом, словно сотканным из мириада тонких водяных струй, которые взлетали вверх легко и свободно, сплетаясь в высокие стрельчатые арки, растущие ввысь хрустальные колонны, башни и шпили, ажурные лестницы, ведущие вглубь великолепных покоев, где все было так легко, изящно и зыбко, что казалось сном. Лунный свет скользил по гладким изгибам поверхностей, искрился на резных гранях узоров, покрывал серебряным морозным инеем небесной голубизны стены. Сияние замка озаряло озеро невесомым призрачным светом, а подножие его терялось в дымке, похожей на утренний туман над поверхностью реки, туман этот вспыхивал серебряными и алмазными блестками, едва заметно дышал, как крепко спящий человек. Даже россыпи крупных ярких звезд на черном бархате неба казались искрами этого серебряного костра, горевшего на водной глади. Зрелище было до того захватывающим и великолепным, что даже сами мьюми взирали на него каждый раз с благоговением и восторгом.

Дивная роща шепчущих деревьев осталась позади, и путники вместе с процессией волшебных существ вышли на берег, его жемчужно-розовый песок гладили с едва слышным шорохом темные воды Зачарованного озера. Здесь все остановились. На берегу, немного поодаль от воды, был раскинут шатер из переливчато-зеленой ткани с вензелями, где золотые ветви поющих деревьев сплетались прихотливым венком вокруг знака мьюми — серебряной звезды с четырьмя длинными и четырьмя короткими лучами, по концам которых вспыхивали искрами крохотные голубые алмазы.

Реми остался на берегу с Королевой, а Джоя и Эйфорию проводили в шатер. Здесь все было готово к приему гостей, стояли удобные мягкие ложа, отделенные друг от друга легкой занавесью. На низком маленьком столике горела толстая восковая свеча, наполняя шатер неярким, приятным светом и густым медовым ароматом, согревавшим свежесть ночи.

— Вы можете отдохнуть здесь, — сказал один из провожатых. И повернувшись к Эйфории с легким поклоном добавил. — Королева призовет вас, когда все будет готово для исцеления.

Когда юноша вышел, Эйфи встревоженно посмотрела на Джоя. Он сразу подошел к ней и сказал, озабоченно:

— Он прав, тебе нужно отдохнуть. Не знаю, что у них за лечение, но думаю они справятся с твоей раной.

— Джой, скажи мне, что происходит, — она едва стояла на ногах, рану жгло огнем, но еще более мучительный огонь жег ее сердце. — Посмотри, здесь всего две постели. Где будет отдыхать Реми? Разве мы не будем вместе? Он же не оставит нас здесь одних? Почему мы не можем быть с ним?

— Я не знаю, — хмуро сказал Джой. Он решительно взял ее под локоть и помог прилечь на сплетенное из ветвей ивы ложе, покрытое тонкой пуховой периной и легким, но теплым покрывалом. Потом опустился рядом на травяной пол и снова заговорил глухо и отрывисто, не глядя на девушку, чьи глаза были полны слез. — Я не знаю, что тебе сказать, Эйфи. Обычно мы приходили на рассвете и уходили на рассвете, проводя ночь охотясь на живые камни. Только думаю, что Реми бывает здесь гораздо чаще, чем хочет показать. Иногда его неделями не застанешь в городе, говорит, что помогал на дальних фермах или

бродил по лесу, искал редкие целебные травы для аптекаря. Я спрашивал потом у фермеров, они не отрицают, что он был, они его охотно принимают, он хороший работник и берет недорого. Но никто из них не может сказать точно, сколько дней он там проводит. Мнутя, чешут в затылке, глаза отводят, прикидываются простачками и глупцами, будто не умеют считать или так заняты работой, что дней не замечают.

Джой сердито сплюнул и замолчал, занятый какими-то своими мыслями. А Эйфи, приподняв голову, спросила, с недоумением посмотрев на Джоя:

— Скажи, а зачем тебе это нужно?

— Что? — не понял он, не сразу выйдя из задумчивости.

— Знать, где и когда он бывает?

— А, это, — Джой слегка смутился, пошевелил рукой траву, пропустив между пальцев тонкие изумрудные стебельки, хмыкнул. — Ну, он же мой друг. Зачем же от друзей хранить секреты. Так ведь?

— А еще он чужак, верно?

— Да, и это тоже верно. Я знаю, ты не придаешь этому значения, потому что он тебе нравится. — Тут Джой не смог сдержать тяжелого вздоха. — Но ты не знаешь, на что способны вороны. Они могут внушить тебе что угодно, и ты станешь плясать под их дудку, сам того не желая. Отец рассказывал, как в их деревню, когда он был еще подростком, как-то проникли вороны. Многих крепких здоровых мужчин и молодых женщин в ту ночь не досчитались. Они ушли за воронами сами, поддавшись колдовству, а тех, кто не поддался нашли потом истерзанными и замученными. Отец говорил, что сам чуть не подвергся этой участи, но его спасла мать. Когда он стал рваться прочь из дома на их зов, совершенно обезумев и потеряв себя, она ударила его поленом по ногам, чтобы он очнулся от этого морока. Но отец, упав и вопя от боли, все равно пополз к двери и бился об нее, пока их крики на улице не стихли и они не улетели прочь в свои черные земли. Он выжил и остался цел, только с тех пор, так и хромает. А тех, кого они забрали никто больше никогда не видел. И думаю, их доля там была намного хуже смерти. Да, я ненавижу воронов, и не скрываю этого. Поэтому я и хотел, чтоб ты была поосторожнее с Реми. Он может сколько угодно говорить, что он не ворон, но черное племя похоже считает по-другому. И кто их разберет на чьей стороне правда...

Джой прервался, снова удрученно вздохнув, и Эйфория, большую часть его рассказа мучительно размышлявшая о своем, тут же заговорила:

— Скажи, а что у Реми с мьюми? Он говорил, они ревнивы, поэтому он не берет с собой девушек. Он говорил, что дружит с ними, что он для них друг. Но разве ты будешь ревновать друга, если только он не что-то большее для тебя? Ведь так, Джой! Скажи, что ты об этом знаешь?

Эйфи села на своем ложе и стиснув руки, прижала их к груди, словно пыталась унять терзавшую ее боль. Она смотрела на Джоя, ожидая ответа и глаза ее лихорадочно блестели. На бледном лице горели пятна нездорового румянца, спутанные пряди золотисто-медных волос прилипли к высокому, влажному от испарины лбу, до крови искусанные губы дрожали. Джой посмотрел на девушку долгим мрачным взглядом и сказал негромко:

— Говоря о мьюми, ты ведь имеешь в виду Юту, их королеву. Да, она выделяет Реми среди всех, он единственный кому она оказывает такое гостеприимство, кто беспрепятственно проходит через Заповедную рощу. До этого охотникам приходилось довольно туго, эти деревья стражи озера, они не пропустят никого без особого разрешения

хозяйки здешних мест. А нрав у нее переменчивый, она не сразу и не всегда дает свое согласие, какие бы дары ей не приносили, держа отряд на границе Вороньего края. И лишь иногда позволяя пройти. Но даже в этом случае, стоит только ей усомниться в чистоте намерений охотников, заподозрить их в желании получить что-то еще сверх того, что разрешит забрать она сама и все, отряд обречен.

И только тем, кто приходит с Реми, она открывает свой замок. Обычно он скрыт бывает от охотников и других посторонних плотным облаком, и только в очень ясную солнечную погоду или при близкой полной луне можно заметить, как сверкают его вершины над сотканной из тумана завесой. И Реми, насколько я знаю, единственный из чужаков, кто удостоился особой чести побывать в самом замке. Но он никогда не рассказывал, что видел там и чем занимался. Да, королева явно выделяет Реми среди всех, встречая как дорогого друга. Но скажу тебе честно, Эйфи, я не знаю, насколько это важно для самого Реми. И думаю, никто не знает, возможно даже он сам.

Эйфория опустила голову и замерла в молчании, в тишине стали слышны мерный плеск волн о берег, потрескивание свечи, да отдаленное, полное нежной и сладкой печали пение. А Джой все смотрел и смотрел на поникшую девушку, ему очень хотелось утешить ее, прикоснуться к волосам, что медно-золотой волной скрыли от него лицо Эйфории, взять ее руки и согреть своим дыханием тонкие, нежные пальцы, сказать ей какие-то нужные слова, чтобы развеять ее грусть и утолить боль, сказать наконец, как он мечтает, чтобы она хоть раз посмотрела на него так, как смотрела на Реми, когда он не видел этого.

Снаружи послышались шаги, зашуршала трава, и чьи-то крепкие руки откинули полог шатра. Резкий порыв воздуха всколыхнул пламя свечи, и оно затрепетало и забило, будто хотело улететь с тонкого фитиля на свободу. К запаху меда примешался свежий запах травы, шатер наполнился влажной прохладой близкой воды. А на полотнищах стен заплясали серые, призрачные тени. В открывшемся проеме показалась Королева Юта в простом плаще из плотного светло-зеленого шелка и следом за ней вошел Реми, неся в руках тяжелую, серебряную чашу над которой вился легкий дымок, бесследно растворяясь под высоким куполом шатра. Он опустил чашу на низенький столик рядом с ложем Эйфории, и она увидела, что чаша была почти до краев наполнена темной бурлящей жидкостью. Девушка испуганно посмотрела на Реми, от волнения не в силах что-либо сказать, он молча кивнул ей, сдержано улыбнулся и отошел, уступая место королеве. Потом сделал знак Джою и поманил его к выходу, собираясь уйти.

— Реми, пожалуйста, останься. Не уходи, я прошу тебя, — голос Эйфории дрожал и прерывался. Ей очень не хотелось оставаться наедине с Королевой мьюми, чье лицо было скрыто капюшоном плаща, от охватившего ее внезапно страха и беспокойства, сердце забило тревожно и сильно, словно у робкого зайчонка под тенью коршуна.

— Все будет хорошо, Эйфи, — сказал Реми мягко и ласково. — Доверься. Это не займет много времени. Мы с Джоем будем недалеко, здесь на берегу, рядом с шатром.

Потом он вышел наружу в ночь, и Джой вслед за ним, полог закрылся и пламя перестав трепетать вновь успокоилось и застыло. Королева откинула капюшон, открыв мерцающее бледное золото своих волос, обрамлявших прекрасное лицо и взглянула на девушку глазами такими же темными как воды Зачарованного озера. Она склонилась над Эйфи, и взгляд мьюми проник до самого ее сердца, до самых потаенных уголков души. Эйфория ощутила себя маленькой и беспомощной, ей показалось, что Королева взяла ее душу в свои руки, стала взвешивать, рассматривать и оценивать со всем беспристрастием строгого

неподкупного судьи. И от этого сердце девушки трепыхалось пойманной птичкой, она не могла пошевелиться, не могла закрыть и отвести глаза, хоть и очень хотела. Взгляд королевы не отпускал и душа Эйфи под этим взглядом становилась все легче и легче, готовая невесомым перышком взмыть вверх, покинув замершее в оцепенении тело. И тогда Эйфи заплакала жаркими солеными слезами от невыносимости охвативших ее чувств. Наконец, Королева отвернулась и произнесла задумчиво голосом, полным затаенной грусти:

— Я знаю, ты не можешь сдержать слез, потому что тебе больно. Но твоя боль пройдет. Возможно только лишь для того, чтобы вернуться с новой силой и сокрушить твое сердце. И ты пришла сюда не за живыми камнями, ты пришла сюда за ним, ты думаешь, что могла бы удержать его, стать для него той единственной. Я исцелю твою тело, Эйфория, но что исцелит твою душу? Что исцелит твое сердце? Что исцелит мое сердце?

И не сказав больше ни слова Юта принялась разматывать пропитанную свежей кровью повязку с ноги Эйфи, действуя осторожно и умело. Рана так и кровоточила, не желая затягиваться, хотя прошло немало времени с тех пор, как Фрай оставил девушке свою отметку. Ее края почернели, а участок вокруг был воспаленным и багровым с очагами крохотных язв, от него словно жадные горячие щупальцы по ноге бежали темно-красные полосы, они росли буквально на глазах, продвигаясь все дальше и причиняя мучительную боль. Выглядело это ужасно и у Эйфории перехватило дыхание от испуга, она с отчаяньем и надеждой взглянула на королеву. Лицо Юты осталось спокойным и бесстрастным.

Королева протянула руки над чашей, где все еще бурлила темная жидкость и стала что-то негромко и очень быстро говорить, голос ее обрел силу и власть, звучал повелительно и вместе с тем мелодично. И как Эйфория ни старалась, она не могла разобрать ни слова, но даже знай она язык мьюми, ей все равно не удалось бы постичь смысл произносимых Ютой древних как этот мир стихов. Под звуки ее голоса вода в чаше стала менять свой цвет на сумрачно синий, клубясь как грозовые тучи, затем на фиолетовый, как небо на закате после бури, затем ее расцветили яркие огненные сполохи. В слова Юты вплелась мелодия, она замедлила их стремительный бег, будто бурная, горная река, сбегав с теснины, разлилась широко и спокойно по ровному руслу и потекла неторопливо и безмятежно, согретая лучами полуденного солнца. И подчиняясь голосу начала стихать кипевшая в чаше вода Зачарованного озера, засияв жидким золотом. А голос все пел и пел, уже не грозный и повелительный, а нежный и ласковый, пока не замерла в чаше вода, став чистой и прозрачной как слеза невинного ребенка. Тогда Юта зачерпнула ее в ладони и поднесла к губам Эйфории.

— Выпей, — сказала она мягким, грудным голосом, в котором еще звучали отголоски чудесной песни, усмирившей силу воды. — Это подкрепит тебя.

И Эйфи доверчиво прильнула к ее ладоням. Вода была прохладной и казалось не имела вкуса, было только ощущение искрящейся на языке свежести и чистоты, с каждым глотком наполнявшей ее тело. Когда Эйфи выпила все до капли, королева вновь зачерпнула из чаши и омыла ее рану, поливая тонкой струей. Коснувшись израненной плоти, вода вскипела с трескучим шипением и Эйфи громко вскрикнула, ожидая сильной вспышки боли, но влага напротив укротила ее, лишила силы и остроты. Из раны стал сочиться синеватый дымок и уноситься прочь, растворяясь в воздухе. Эйфи облегченно вздохнула, ее охватила невероятная слабость, голова обессиленно опустилась на подушку, глаза сами собой закрылись.

— Как я устала, — утомленно прошептала она и через мгновение уже спала.

— Пусть твой сон послужит исцелению. Спи крепко, Эйфория, спи долго, — произнесла негромко Королева, глядя на девушку с печалью во взоре, потом накинула на голову капюшон и вышла.

А над высоким, серебряным шпилем шатра, сливаясь с чернотой ночи, вился сизый дымок, собираясь в крохотное облачко, очертаниями напоминавшее парящего в небе ворона. Легкий ветерок с озера закружил его и понес в сторону Заповедной рощи, но дымок вопреки силе ветра и своей природе опустился вниз и растворился в траве.

Глава 15 Пробуждение Эйфории

Ясный спокойный вечер, сменила тихая, благоуханная ночь, над Зачарованным озером застыл золотой монетой лунный диск, темные волны сонно плескались о берег, слышались отдаленные, переливчатые голоса — это мьюми пели звездам и те отвечали им мерцанием. Величавый серебряный замок окутала легкая дымка, приглушив его блистающее сияние. Легкий ветерок играл гибкими ветвями чудесных деревьев в Заповедной роще, и они тихо колыхались, временами среди листвы раздавался едва слышный смех и вспыхивали крохотные разноцветные огоньки.

Ночь промелькнула быстрой тенью, и наступило нежное, розовое утро. Его прохлада бодрила и освежала, вызывая желание петь и двигаться легко и упруго по изумрудной луговой траве, сверкавшей алмазными каплями росы в лучах восходящего солнца.

День был великолепным, ярким и полным света, теплым, но не жарким. И каждый его час казалось стоил целой жизни, был полновесным и зрелым, как налитой золотым зерном колос. Он дарил силу и мудрость, приятную усталость честного труженика, хорошо сделавшего свое дело. А вновь наступивший вечер лечил эту усталость отдохновением в кругу прекрасных муз, которые кружили над тихими водами озера в завораживающем танце под дивную музыку небесных сфер, услышав которую однажды, забыть уже невозможно.

А Эйфория все спала и спала. Сон ее был крепок и безмятежен, лишь иногда темные полукружья длинных, густых ресниц начинали беспокойно трепетать, а веки подрагивать, словно девушка пыталась вырваться из прочных объятий сна, но скоро она снова стихала и все замирало. Рана затянулась, и о перенесенном Эйфи испытании напоминал только тонкий, едва заметный шрам, но даже он скоро исчез без следа. Целебная сила Зачарованного озера, пробужденная Королевой мьюми, сделала свое дело. И теперь ничто не могло нарушить покой погруженной в глубокий сон девушки. Несколько раз в шатер заходил Реми, он садился рядом с Эйфи с, тревогой и нежностью смотрел на нее, взгляд у него делался мягким и ласковым, а глаза светлели и начинали отливать бархатной, лесной зеленью. Но с каждым разом тревога его росла, он осторожно прикасался кончиками пальцев к щеке девушки, гладил ее сиявшие медью волосы. От его прикосновений дыхание Эйфории учащалось, а губы приоткрывались, будто она силилась что-то сказать ему.

Джой хорошо отдохнул ночью в шатре, поднялся на рассвете и провел весь день в компании с мьюми в окрестностях Зачарованного озера, вернулся только поздно вечером, довольный и веселый. Он навестил Эйфорию и порадовался ее здоровому и свежему виду. Реми не стал делиться с ним своей тревогой, и после общего с мьюми сытного, вкусного ужина, за которым он почти ничего не ел, вновь вернулся в шатер. Поставил на низенький столик зажженую свечу в простом, глиняном подсвечнике, присел возле девушки, тронул ее за плечо и тихонько позвал:

— Эйфи, просыпайся. Эйфория...

— Ты напрасно беспокоишься, — раздался за его спиной мелодичный голос Юты. — Я исцелила ее, как ты и просил. Она сейчас здорова и счастлива, спит и видит чудесные сны, не мешай ей. Пойдем со мной, нам еще о многом нужно поговорить.

Реми поднял голову и посмотрел на Королеву долгим, пронизательным взглядом, глаза его под темными, хмуро сведенными к переносице бровями, сумрачно блестели. Он молчал, и в этом молчании и взгляде были немой укор, понимание и боль. Боль за нее, за Юту. И

Королева, не выдержав этого взгляда, отвернулась, порывисто вздохнула и хотела выйти, но Реми окликнул ее:

— Юта! Она должна проснуться. Пожалуйста.

Королева остановилась, взялась за полог, закрывавший выход и приоткрыла его, потом рассмеялась негромко, но в смехе ее не было радости, а в глазах веселья. Она обернулась и сказала:

— Ты помнишь, Реми, как пришел к нам с едва затянувшимися ранами, после того как тебя чуть живого изгнали из деревни добрые люди, о которых ты теперь так печешься.

— Да, Королева, я помню, — сказал Реми мягко. — Они были напуганы и все же спасли меня. Я ни в чем не могу их винить.

— А ты не забыл, как я помогла тебе тогда, ничего не требуя взамен.

— Да, Юта, я не забыл, и я благодарен тебе за это.

— Скажи, Реми, я всегда была тебе добрым другом?

Реми поднялся и выпрямился, все также пристально глядя на мьюми.

— Да, Королева, всегда. И я смею надеяться, что мы и дальше будем с тобой добрыми друзьями. Мне бы очень этого хотелось.

Юта стремительно подошла к Реми, всколыхнув трепетный огонек свечи, который в ее присутствии стал казаться тусклым и грубым, приблизившись почти вплотную, она положила изящные руки ему на плечи и произнесла с обидой и грустью:

— Тогда почему, ты мне не доверяешь, Реми, друг мой? Ты закрываешь от меня свое сердце и свою душу, а сам читаешь в моей душе, как в открытой книге? Но ведь ты прячешь свою душу и сердце даже от самого себя.

Он взял ее руки в свои и прикоснулся к ним сухими, горячими губами:

— Пожалуйста, разбуди ее, Юта.

— Ты напрасно просишь меня о том, — с горечью сказала Королева, не отнимая рук, — что вполне можешь сделать сам, если действительно этого хочешь. Но подумай, прежде чем, вернуть ее из мира сладких грез. Быть может ей лучше оставаться там, чем терзаться сомнениями наяву, терять надежду и ранить душу разочарованием, стремясь обрести недостижимое. Ее душа обожжена, Реми, и я бессильна исцелить ее, мне не подвластны такие раны. И если у тебя нет для нее лекарства, то лучше не тревожь ее пока не придет пора возвращаться.

Реми недоверчиво посмотрел на Королеву, медленно разжал свои руки, вновь опустился у ложа Эйфории и произнес серьезно и в то же время ласково, словно будил уснувшее дитя:

— Эйфи, пора проснуться. Возвращайся, сон больше не властен над тобой.

Ресницы девушки снова задрожали словно крылья бабочки, и Реми продолжил звать ее негромко и настойчиво. Склонившись, он несколько раз провел ладонью по ее щеке, дотронулся до лба, убрав с него густые пряди волос, и наконец слегка коснулся пальцами закрытых глаз и губ, взял ее руку и осторожно подышал на нее. Эйфория вздрогнула, глубоко, прерывисто вздохнула и открыла еще затуманенные сном глаза. Встретилась взглядом с Реми, и лицо ее осветилось радостью. Королева, пристально наблюдавшая за ними все это время, накинула на голову капюшон плаща, скрыв себя, и бесшумно вышла из шатра.

— Реми, — прошептала Эйфория еще слабым и неверным голосом.

— Привет, — он улыбнулся ей радостно и облегченно. — Вот уж не думал, что ты так любишь поспать.

Эйфория тронула рукой его волосы, коснувшись белой пряди, и сказала все еще очень сонным голосом:

— Ты настоящий, это не сон.

— Да, я настоящий, — подтвердил Реми, продолжая улыбаться.

— Ты мне снился. Совсем другим. Ты был другим

Казалось, Эйфория еще не вполне очнулась, взгляд был затуманенным, а речь немного несвязной. В глазах Реми промелькнуло беспокойство, лицо его помрачнело, стало серьезным и озабоченным, на него словно легла тень.

— Каким, Эйфория?

Эйфи задумчиво помолчала, потом неуверенно произнесла:

— Вот, только что я помнила это, и уже забыла. Все растаяло в памяти, как снег... Снег. Почему я подумала про снег? Кажется, там был снег и кто-то белый. И мне было больно... Как хорошо проснуться, Реми. Ты назвал меня соней? Я так долго спала? Но еще даже не утро! Еще ночь...

— Нет, — сказал Реми. — Уже ночь. Ты спала больше суток, и ты здорова, Эйфи. Посмотри, от раны ни следа не осталось.

Он помог ей сесть, и Эйфория удивленно уставилась на свою ногу в разорванной штанине, сквозь прореху в которой видна была нежная, молочная-розовая кожа, без малейших признаков повреждений. О былой ране говорили только засохшие пятна крови на ткани вокруг.

— Как ты себя чувствуешь? — Реми с удовольствием наблюдал как Эйфория быстро приходила в себя, бледные щеки окрасились румянцем, из глаз ушла сонная пелена и они заблестели.

— Хорошо, — на ее лице засияла улыбка. — Очень хорошо. Королева дала мне выпить воды из чаши. Знаешь, вода была такой необычной, такой чистой и как будто живой. Она меня исцелила. Только мне было очень страшно. И королева пела ей что-то, мне показалось, она просила и приказывала одновременно, если такое возможно.

— Здесь все возможно, — заметил Реми вполголоса, — мьюми удивительные существа. Тебе не нужно их бояться, они не причинят тебе вреда. Никто не причинит тебе вреда, Эйфи. Я не позволю.

Он сел на траву рядом с девушкой, взял ее руки в свои и несильно пожал.

— Реми, — сказала она, вдруг смутившись. — Послушай, я не прошла Посвящение не случайно. Моему отцу было сделано предсказание прорицательницей из Долины фей. По традиции, после рождения ребенка в нашем роду, его родители совершают туда паломничество, чтобы услышать о чем-то очень важном, что определит судьбу новорожденного. Так вот, Эсцилла, она темная фея, но никогда не ошибается в своих пророчествах, она сказала моим родным, если они не хотят потерять дочь, им следует держать ее подальше от живых камней. А без них Посвящение не имеет силы. Поэтому отец и запретил мне его проходить и даже слышать не хотел об этом. Мне рассказал о живых камнях дедушка. Он не любил предсказательниц, считал, что они нарочно запутывают людей своими туманными речами, чтобы и дальше пользоваться теми дарами, что им приносят. А на самом деле только сам человек определяет свою судьбу и может либо изменить ее, либо следовать за ней слепо, подчиняясь обстоятельствам. Он однажды ходил за живыми камнями, и когда я гостила у него, много рассказывал мне об этом. Но я хочу тебе сказать, Реми, с тобой я ничего не боюсь. И если ты считаешь, что мне нужно пройти

Посвящение и получить Знак, я сделаю это несмотря ни на что. И я верю тебе.

— Живые камни не могут повредить человеку, Эйфи, — сказал Реми, внимательно глядя на нее. Слова девушки заставили его глубоко задуматься. — Ты сама убедишься в этом, когда увидишь их. Я бы ни за что не взял тебя с собой, если бы они были опасны. Может прорицательница хотела сказать что-то другое и ее неверно поняли. Темные феи коварны, они не лгут, но и всей правды ты от них никогда не услышишь. Я думаю, когда мы вернемся, ты примешь решение. А сейчас тебе нужно как следует подкрепиться. Пойдем.

Он встал, протянул ей руку и помог подняться. Эйфорию переполняло чувство радостного ликования, оно казалось беспричинным и таким естественным как беспечный смех ребенка, увлеченного игрой. Ей тоже хотелось смеяться и петь одновременно, закружиться с Реми в танце, вновь почувствовать на себе тепло его рук, ощутить его близость, от которой у нее сладко замирало сердце, заглянуть ему в глаза и увидеть в их темно-зеленой, сумрачной глубине крохотные золотые искры, а еще хотелось без умолку болтать. Она подумала, что вода волшебного озера опьянила ее избытком своей жизненной силы, а слова Реми наполнили сердце счастьем. И лишь мысли о Королеве мьюми омрачали это светлое лучезарное настроение.

— Реми, — сказала Эйфория, когда они вышли из шатра. — Прежде, я хочу поблагодарить Королеву за исцеление. Я ей так признательна.

Реми одобительно кивнул и взял ее за руку, при этом сердце Эйфи радостно затрепетало.

— Хорошо. Я провожу тебя к ней.

По берегу, залитому лунным светом, они пришли к уединенной беседке, оплетенной побегами дикой жимолости. Там в уютном полумраке, на резной кипарисовой скамейке сидела Королева Юта. Лицо ее по-прежнему было скрыто капюшоном плаща, у ног неярко мерцал светильник с окошками из тонких пластин горного хрусталя, на коленях у королевы лежала раскрытая книга, страницы которой были украшены драгоценными миниатюрами, выполненными пурпурной и золотой красками. И хотя взгляд королевы скользил по строчкам старинных баллад, мысли ее были от них далеки и касались предметов и лиц более близких. Она услышала шаги, подняла голову и откинула капюшон. Беседка озарилась сиянием ее волос и лица, Юта в волнении приподнялась на скамейке, но затем вновь опустила на нее.

— Прости, Королева, что нарушаем твоё уединение, — услышала она голос Реми. — Ты позволишь нам войти?

— Входите, — произнесла она негромко, едва слышный вздох разочарования вырвался из ее груди. В высоком проеме беседки возникли два силуэта. Реми и Эйфория вошли под узорный свод любимого места отдыха королевы мьюми держась за руки. Юта холодно посмотрела на девушку:

— Я вижу, что ты вполне здорова, Эйфория.

Эйфи поклонилась ей и сказала, преодолев смущение и робость:

— Да, Королева...

Юта молча, не прерывая, выслушала сбивчивую, но искреннюю, благодарную речь девушки, потом благосклонно кивнула ей, немного смягчившись. И тут заговорил Реми:

— Я прошу тебя, Королева, о великой милости, дать Эйфории свою защиту на возвращение домой. На ней нет Знака, она не прошла Посвящение и беззащитна перед силами зла, ее душа хоть и чиста, но открыта колдовскому воздействию и слишком

неискушенна, чтобы противостоять чарам воронов. И они преследуют ее. Только твоя благодатная сила способна помочь ей. Пожалуйста, Королева, я прошу тебя о милосердии и помощи.

Юта нахмурилась, ее глаза потемнели и стали похожи на грозное небо, на лицо легла тень, а вся ее фигура исполнилась сурового величия. Казалось, королева разгневалась, в беседе сгустились тени, а мир вдруг окутала душная тишина. Эйфи почувствовала, как у нее внезапно перехватило дыхание, от взгляда на королеву мьюми ее пробрала дрожь. Юта долго молчала, прежде чем ответить, и не сводила пристального взгляда с Реми. Он выдержал ее взгляд, лицо его выражало почтение и одновременно решимость. Тогда Королева произнесла, строго посмотрев на девушку:

— Пусть она уйдет. Я хочу поговорить с тобой наедине.

Глава 16 Два поцелуя

Эйфория нерешительно посмотрела на Реми и поразилась каким спокойным, даже бесстрастным стало его лицо. Только глаза в полумраке беседки заблестели чуть ярче, и белая прядь в волосах, отчетливо видная даже в тени, показалась ей светлее чем обычно. «Как странно, — подумала девушка, — она словно светится. Или мне кажется?» В это мгновение она ощутила вдруг незримо исходящую от Реми силу. Эйфи не могла описать это чувство, просто на какой-то, очень краткий, почти неуловимый миг, она увидела его другим зрением, ее будто обдало упругим, теплым ветром, прошедшим сквозь все ее существо. Он улыбнулся ей одними губами, но взгляд его при этом остался серьезным, потом произнес мягко, но настойчиво:

— Все в порядке, Эйфи. Ты можешь вернуться по тропе в шатер или подождать меня на берегу. Мьюми будут рады составить тебе компанию. Не волнуйся, все будет хорошо.

Она медленно повернулась и неохотно вышла наружу, чувствуя на себе пристальный взгляд Королевы. Спустилась по невысоким ступеням и сделала несколько шагов по узкой тропинке, выложенной плоскими, серебристо мерцавшими в темноте, камнями. Ее обступила ночь, полная звездного сияния, плеска воды, неясного шепота листьев уснувших деревьев и невыразимо нежного пения мьюми, больше дня любивших сумрак за то, что он оттенял их волшебный свет. Эйфи вдохнула полной грудью свежий, напоенный ароматами цветов и зелени, воздух, осторожно оглянулась, и убедившись, что никто за ней не наблюдает, сошла с тропы в густую, прохладную траву. Стараясь ступать неслышно, прокралась обратно к беседке, сквозь древесные стены которой пробивался едва видимый огонек. Подойти совсем близко она не решилась, боясь, что шорох шагов ее выдаст. Но, прежде чем затаится в невысоком кустарнике, Эйфи убедилась, что может слышать голоса, звучавшие за ветвями жимолости. Она различила голос Юты, размеренный и напряженный:

— Если бы меня попросил кто-нибудь другой, Реми, он больше никогда не переступил бы границу наших земель. Ты знаешь, что это дерзость и дерзость неслыханная. Мьюми не делятся своим благословением с другими. Этой просьбой ты причиняешь мне боль. Подарив Эйфории защиту, пусть даже временную, я сделаю ее одной из нас. Но она не одна из нас. Она уйдет в свой мир, но путь к Заповедному озеру отныне будет открыт перед ней, а значит все мы будем в опасности. Ты думаешь, мой народ сможет это понять?

— Прости меня, Королева! — теперь заговорил Реми. В его голосе по-прежнему чувствовалась решимость и глубокое почтение. — Ты вправе запретить мне посещать ваш благодатный край и лишит своего дружеского участия, которое я безмерно ценю. Его утрата стала бы для меня огромной потерей. Но я снова прошу тебя, помоги ей. Она не станет для вас угрозой, ничто дурное не войдет в ваш мир через нее и вместе с ней. Я могу поручиться тебе в этом, если мои слова имеют для тебя значение.

Эйфория, судорожно сжав руки, напряженно вслушивалась в разговор, который Реми с Королевой вели, порой понижая голоса, так, что она едва могла разобрать слова. Ей было немного стыдно подслушивать, но Эйфи ничего не могла с собой поделать. «Тем более, — сказала она себе, — речь идет о моей судьбе, и я должна знать, что Юта ответит ему. Вдруг она захочет навредить Реми. Тогда не нужна мне никакая ее защита. Подумаешь, королева!... Эх, но какая она все же красивая! Мне так далеко до нее.»

Тут Эйфи едва сдержала тяжелый, сокрушенный вздох.

— А ты, молчи, — оборвала она робкий голос своей совести, шептавший, что Реми не понравилось бы то, чем она сейчас занимается. — Я с тобой потом разберусь. А пока не мешай мне, я имею право знать, что происходит.

И она стала слушать дальше, осторожно придвинувшись чуть ближе, чтобы лучше различать голоса. Некоторое время в беседке царило молчание, потом Королева произнесла так тихо, что Эйфи пришлось изо всех сил напрячь слух и затаить дыхание, чтобы расслышать ее слова.

— Я не могу сказать тебе не приходи... Мое сердце и без того сжимается от предчувствия скорой разлуки. Что-то происходит, Реми, что-то серьезное, ты тоже это чувствуешь. И ты знаешь, что это связано с тобой.

— Я справлюсь, — сказал Реми чуть слышно. — Ты поможешь ей, Юта?

— Я помогу ей. Но только потому, что ты просишь меня об этом. Я сделаю это для тебя, Реми. Но ты должен будешь дать мне кое-что взамен.

— Все, что ты захочешь, Королева.

Эйфория в волнении прикусила палец, оставив на нем глубокие отметины. Поглощенная тем, что происходило в беседке, она ничего не замечала вокруг. Не увидела она и тени, бесшумно возникшей у нее за спиной. Когда Юта заговорила снова, ее голос зазвучал словно журчание лесного ручья, мягко и завораживающе.

— Всего лишь поцелуй, мой прекрасный друг. Один поцелуй для королевы Юты.

Он долго молчал и в этой внезапной тишине, сердце у Эйфории пропустило пару ударов, а потом болезненно-быстро затрепыхалось в груди, готовое выскочить наружу. Она постаралась сдержать вдруг участившееся дыхание, чтобы услышать, что ответит Реми. Наконец, он произнес:

— Хорошо, Королева. Как скажешь.

— Ты не боишься? Поцелуй мьюми может быть опасен, он способен свести человека с ума. Ты можешь никогда не обрести потом покоя.

— Я знаю, — сказал Реми. — Только если с ней что-нибудь случится, покоя мне все равно не видать. Это я привел ее на земли воронов без защиты знака, по моей вине она сейчас в опасности. И ты знаешь, что опасность эта хуже смерти.

Тут Эйфи пробормотав про себя: «Ну уж нет! Ишь, чего она захотела!», решительно поднялась, чтобы помешать творящемуся безобразию. Но на плечо ей внезапно легла тяжелая рука, а ладонь другой быстро закрыла рот. Эйфи испуганно вздрогнула и едва удержала готовый вырваться крик.

— Тихо, Эйфи, это я, — она узнала голос Джоя, его горячее дыхание обожгло ей ухо. Он зашептал: — Не стоит им мешать, они сами разберутся. Реми знает, что делает. Лучше пойдем отсюда, тем более подслушивать нехорошо.

Но Эйфи упрямо покачала головой и осталась стоять на месте, потому что Юта заговорила снова, уже в полный голос, тщетно пытаясь скрыть отчетливо зазвучавшие в нем нотки горечи и разочарования:

— Нет, Реми. Я не хочу принуждать тебя к тому, что самому тебе не по душе. Я приберегу свое желание до времени. Что ж, видимо, эта девушка на самом деле дорога тебе, хоть ты не хочешь в том себе признаться. И ты с ней связан, поэтому она сейчас с тобой. Но я не назову ее счастливой, потому что не уверена, что вас ждет счастье. Это все, что я могу тебе сказать.

— Я обещаю, Юта, — сказал он, и в голосе его была неподдельная радость, — что

никогда не забуду твоей доброты. Я навсегда твой должник.

Но мьюми только печально вздохнула:

— Боюсь, что когда-нибудь мне придется напомнить тебе об этом... А сейчас ступай, я хочу побыть одна. А впрочем, постой! Вот, прочитай мне прежде небольшой отрывок из этой песни рыцаря. Я сделала здесь отметки для тебя. Ты помнишь, как мы обсуждали в прошлый раз эту балладу...

Тут Джой настойчиво потянул Эйфорию за собой, и она не стала сопротивляться, поглощенная размышлениями об услышанном и боясь поверить в слова Юты. Стараясь ступать бесшумно, они выбрались на тропинку и быстро скрылись в ночи, не сказав больше ни слова друг другу.

Реми, после того как покинул Королеву, нашел девушку на берегу, в компании мьюми, за накрытым столом, где стояли блюда с изысканными кушаньями и свежими, сочными фруктами, источавшими дивный аромат, в бокалах искрилось в серебряном свете луны и золотых огнях свечей молодое, игристое вино. Мьюми радостно приветствовали Реми, и он сел с ними за стол, подняли бокалы, вновь зазвучал веселый разговор, похожий на непринужденную болтовню старых друзей с привычными шутками, которые встречали беспечным смехом и одобрительными возгласами. Рассказывали какие-то забавные истории, смысла которых Эйфи не понимала, да и не пыталась вникать. Ей было достаточно того, что Реми вновь сидел рядом, и она чувствовала в прохладе ночи тепло его тела и дыхания, когда он поворачивался к ней, чтобы о чем-нибудь спросить. Она выпила немного вина, основательно подкрепилась, попробовав по чуть-чуть всего, что было на столе, но особенно понравились ей персики, большие, с нежной бархатистой кожицей, истекавшие соком, такой восхитительной сладости, что невозможно было оторваться. Ее взгляд скользил по лицам мьюми, они казались ей прекрасными и гармоничными, Эйфи никогда не видела сразу так много привлекательных людей. «Но ведь они и не люди, — напомнил она себе, — волшебные существа, красивые, но непонятные, чужие. Глядят приветливо и улыбаются так хорошо, по-доброму, но кажется, что стоит им отвернуться и они тотчас забудут про тебя. Так заняты они собой и своими песнями. И как же Реми не похож на них, такой настоящий, такой родной. Он среди них как дерево среди травы. И неужели Юта верно думает, что я ему небезразлична. И он ведь не стал ей возражать. Ах, если б только это было правдой. Но как же мне узнать наверняка.» Она склонила голову на его плечо, и он накрыл ее руку своей ладонью.

Так, рука в руке они пошли бродить по обширному ночному лугу, где в густой, пахучей траве вспыхивали бледно-фиолетовыми огоньками удивительные сапфировые мотыльки, чьи крылышки в полете издавали тонкий мелодичный перезвон. Они окружили Эйфорию и Реми сияющим облаком. Реми протянул руку, и один мотылек доверчиво сел ему на палец, крылышки его переливались волнами сиреневого света. Реми негромко засмеялся, потом легонько дунул на мотылька и сказал:

— Лети к своим братьям.

И мотылек послушно вспорхнул и закружил над головой Реми. Эйфория заворожено следила за его полетом, очарованная красотой блистающего танца. Несколько мотыльков опустились Реми на волосы и плечи, и Эйфи подумала, что никогда еще не видела она ничего прекраснее этого. Он произнес

— Теперь попробуй ты, Эйфория. Не бойся. Они безобидны.

Девушка подняла руку и протянула ее ладонью вверх к ближайшему мотыльку и когда

он сел, невольно рассмеялась от восхищения. Налюбовавшись, они пошли дальше и вскоре вышли к ручью, одному из тех, что питали Зачарованное озеро. Здесь Эйфория устало опустилась на большой валун, наполовину вросший в землю, его поверхность, вобравшая в себя дневной жар солнца, даже сейчас хранила тепло, и была бархатистой и мягкой от мха. Реми сел у ее ног, поднял на девушку взгляд своих сияющих глаз, и сказал:

— Завтра ночь живых камней. Ты довольна, Эйфория?

Она хотела ответить, но вместо этого, не в силах противиться внезапно охватившему ее порыву, положила руки ему на плечи и наклонившись быстро прильнула к его губам. Он вздрогнул, но не отстранился, а напротив, ответил на ее поцелуй с неподдельным жаром и трепетом, заключив девушку в объятия. Их поцелуй был долг и сладок, и отдавал вкусом персика. И был он не единственным в ту ночь.

Глава 17 Трудное решение

Над крепостью висели низкие, хмурые облака, которые дни напролет сеяли мелкую водяную пыль, и даже с самой высокой башни вороньей цитадели, где располагались покои скарга, нельзя было разглядеть окрестности, все тонуло в сером, влажном тумане. Казалось, вороны окончательно прогневали небеса, и солнце навсегда отвернулось от них, спрятав свой золотой лик за плотным покрывалом туч. Но мрачнее туч было настроение у самого Верховного ворона, его донимала постоянная сырость, от нее не спасал даже камин, в котором день и ночь горел огонь. Тревожные вести приходили с границы Вороньего края, где появились вооруженные отряды скрогов, их начали нанимать для охраны своих поселений крестьяне соседних земель. И скарг, сидя у жарко полыхавшего очага, со злобным раздражением думал, что эти людишки, которых он считал чуть разумнее скота, решили противостоять ему — Верховному отцу, чья сила и власть простирались далеко за пределы края. Им надо преподать урок, хороший урок, жестоко наказать этот обнаглевший сброд, а значит действовать нужно быстро.

Он велел позвать к себе нарга Моргота, чтобы с ним обсудить детали карательной экспедиции. И когда тот пришел, без обиняков спросил, сколько воронов ему понадобится, чтобы уже этой ночью навсегда отбить у безмозглых скрогов с их, так называемой охраной, охоту противиться сбору дани.

— И нам нужны рабы, Моргот, — прокаркал он, скрипучим голосом. — Поэтому скажи всем, брать только молодых и сильных, мужчин и женщин. Остальных убить, деревню сжечь, чтобы ничего не осталось.

— Как прикажешь, Верховный, — поклонился Моргот. На губах его заиграла довольная улыбка, больше похожая на волчий оскал. — Возьму самых лучших, парни уже засиделись в крепости, нам всем пора поразмять крылья. Мы славно позабавимся на охоте, и вернемся с богатой добычей, не будь я наргом.

— Хорошо, — проскрипел Моррис, кутаясь в плащ. — Удача на нашей стороне. И сила тоже.

Моргот еще раз склонил в поклоне голову и уже направился к двери, когда скарг окликнул его:

— Кстати! Как там мой племянничек, Реми? Начал понимать, что ему лучше смириться или все еще упорствует?

Нарг остановился, сказал хмуро, с неодобрением:

— Продолжает упорствовать, Верховный.

Глаза Морриса вспыхнули непримиримой ненавистью, а лицо исказила злобная ухмылка.

— Ну надо же, какой упрямый. Другой бы на его месте давно сдался. Весь в своего папашку, этого гнусного предателя Реннера, моего брата. Жаль, что нельзя убить его еще раз. — Моррис сжал кулаки, так что острые ногти впились в ладони, оставив глубокие, багровые отметины. — Но ничего-ничего, когда мы заполучим силу его выроodka, я найду ей достойное применение. И ему тоже. Что, Реннер, как тебе такое? Твой отпрыск ответит за твое предательство и послужит укреплению могущества того, что ты хотел разрушить... Ты ведь выводишь его на ристалище, Моргот?

Нарг ответил, чуть слышно скрипнув зубами:

— Постоянно. И, думаю, ему недолго осталось упорствовать. В последний раз Аррис вновь сделал из него отбивную, так что он не скоро пришел в себя. И он стал падать на первом же поединке, ребята даже не успевают как следует разогреться. Обливание уже не помогает. Он делается как дохлый, а скоро таким и останется... Ты уверен, Верховный, — осторожно спросил он после паузы, — что в нем действительно есть такая могучая сила?

— Ты же видел, что он сделал с Фраем, — раздраженно буркнул скарг. — Я уверен. В нем есть то, что нам нужно, Моргот, очень нужно. Когда мы приведем его к повиновению, когда он пройдет через обряд, никто больше не сможет противостоять нам. Не оставляй усилий, Моргот, чтобы вынудить его использовать свои способности. Это важно.

— Да, Верховный, — поклонился нарг. — Хорошо...

...Превозмогая боль в избитом теле и постоянную усталость, не покидавшие его в последние недели, Реми закончил заполнять водой первый кухонный чан, и только хотел приступить ко второму, соседнему, как его охватила внезапная слабость, на глаза опустилась темная завеса, ноги подкосились, и он рухнул на каменные плитки пола. Пустое ведро, загремев, отлетело в сторону, послышался испуганный вскрик кухарки, потом для него все пропало в черном мраке бесчувствия.

Очнулся он от резкой, нестерпимой вони, которая едкой струей проникла в сознание вместе с дыханием, заставив его сделать глубокий, судорожный вдох и закашляться. Он приоткрыл глаза, которые тут же наполнились слезами, словно в них попала перцовая настойка. Перед ним возникло из радужного от слез тумана, встревоженное женское лицо.

— Ох, Милред, — сказал Реми, с трудом приходя в себя, — если ты хочешь меня добить, то предоставь это Морготу. У него лучше получается. И его способ все же милосерднее... Что? Что это вообще такое?

— Это — жук-вонючка, мой мальчик. Тебе уже лучше?

Милред выкинула в окно толстого, зеленого жука, с крупными ядовито-желтыми пятнами на глянцевої спинке. И он обиженно загудел, приземляясь на мокрый можжевельный куст.

— Да, спасибо, — Реми слабо усмехнулся, пытаясь ладонью разогнать ядреный запах, словно прилипший к носу. — С этим жуком шутки плохи. Ты не очень вежливо с ним обошлась. Но знаешь, пожалуй, я бы поменялся с ним местами.

Милред покачала головой, она набрала воды в ковш и протянула его Реми, без сил сидящему на полу. Потом заговорила возмущенно, стараясь не сильно повышать голос:

— Почему, ты позволяешь им так поступать с тобой? Почему не ответишь им так, как они того заслуживают? Ведь ты можешь, Реми! Вспомни, что ты сделал с Фраем, а ведь он был не один. Чего ты ждешь? Или ты хочешь дать им забить себя совсем? Так, что однажды ты больше не поднимешься? Ты же сильнее их! Ты можешь стать сильнее их всех!

— Я не могу, Милред, — ответил он уныло, голос его зазвучал тихо и обреченно. — Эта сила не подвластна мне, это темная сила. Она владеет мной, а не я ею. Я могу только сдерживать ее. Пока еще могу. Если я позволю этому огню овладеть мной совсем, он приведет меня к гибели, он сожжет мое сердце и разум. Я не хочу этого. Победив, я все равно проиграю. И скажи, зачем мне тогда жить?

С каждым поединком, с каждым нанесенным ему ударом, он с тоской и ужасом ощущал как все больше сжимается тугая пружина гнева и ярости внутри него, он чувствовал ее мощный, болезненный напор, грозящий все сокрушающим взрывом, после которого у него не будет пути назад, а светлая память о близких, дававшая ему силы держаться в самые черные

минуты, обратится в пепел и яд. И тогда жизнь для него станет самым настоящим адом. И он знал, что каждый акт насилия будет приближать его к этой опасной границе.

— Они не оставят тебя в покое.

— Я знаю...

Милред опустилась на маленькую скамеечку напротив него и, понизив до предела голос, сказала, предварительно оглядевшись по сторонам:

— Тогда борись, учись управлять этой силой, этим темным огнем. Ты все равно сильнее его, твоя воля сильнее и крепче любой темной силы, Реми.

Реми тяжело вздохнул, обхватив руками голову, он произнес, закрыв глаза:

— Я не уверен в этом, Милред. И я устал, я хочу, чтобы все закончилось.

— Моррис заставит тебя пройти обряд.

Реми открыл глаза и сказал задумчиво:

— Да, я знаю. Даже если я применю силу, если научусь ей управлять, они используют это по-своему. Они выставят против меня бойца из воронов, прошедших обряд, либо заставят убить кого-нибудь. Либо я сорвусь сам, либо они не оставят мне выхода. Моррис никогда не отпустит меня, если только...

Тут он замолчал, и так погрузился в размышления, что не расслышал вопроса кухарки.

— Что, если только, Реми? — повторила она встревоженно.

— Нет, ничего, — не сразу откликнулся он, занятый своими мыслями. — Пожалуй, ты права. Я должен использовать этот шанс. Это единственная возможность для меня...

Больше он не сказал ни слова и на все вопросы обеспокоенной женщины, только качал головой. Потом с трудом поднялся и взяв ведро в глубокой задумчивости отправился к колодцу, выполнять свою работу...

... Последние поединки проходили под проливным дождем, который ненадолго сменял собой сплошную, обложную морось, смывая с обнаженных тел кровь и мешая ее с грязью. Ноги бойцов скользили в размокшей глине площадки, глаза заливали потоки воды, не давая разглядеть противника, шум дождевых струй мешал сосредоточиться, движения у всех были вялыми и замедленными. Но Моргот не прекращал занятия, упорно выгоняя ронгонков на ристалище. Все они начали вступать в возраст, когда приходит пора проходить обряд и получать дар воплощения. И все они были старше Реми и крупнее его, смотрели на него с недоумением и насмешкой. Осторожной насмешкой, все-таки Фрай до сих пор был в дальних пещерах врачевания, где им занимались опытные знахарки, и судя по всему, пробыть ему там предстояло долго. Поэтому, кто знает, что может выкинуть этот изгой с белой отметиной в волосах и пронзительным, сумрачным взглядом. Может и ничего, а может и что-то может. Но с каждым проигранным Реми поединком все больше смелели, заключали между собой пари, кто его быстрее уделает, и откровенно смеялись и плевали ему в лицо, когда он падал.

Так продолжалось, пока двухдневное отсутствие Моргота с другими воронами не дало Реми небольшую передышку. Крепость на время опустела, он видел, как черная стая взмыла в воздух и скоро растворилась в сизой пелене дождя, не перестававшего моросить уже которые сутки. Это было как нельзя кстати, он хотел все обдумать перед тем, как принять окончательное решение, трудное решение.

— Другого пути нет, — говорил он себе. — Мне придется пройти обряд. И если я выдержу, то буду свободен, по-настоящему свободен.

Ни о чем так страстно не мечтал он как о свободе, готовый ради этого на невыносимые

мучения. Но, когда он представлял, через что придется пройти на пути к цели, сердце его сжималось в невыносимой тоске, а желудок от страха скручивало в комок.

— Главное, чтобы Моррис ничего не заподозрил, — размышлял Реми, уединившись в библиотеке и глядя на покрытый пылью пустой соломенный домик Чика. Воспоминания о друге укрепляли его, он словно вновь слышал его ободряющий писк и видел забавную, смышленную мордашку. — И особенно Моргот. Он, пожалуй, еще опаснее чем скарг, он постоянно наблюдает, не сводит на ристалище глаз. И начать придется с поединков. Только если он не даст забить себя насмерть, у него будет шанс выбраться. А значит, придется выпустить на свободу темный огонь.

При этой мысли его охватило радостное, почти ликующее предвкушение, что всерьез встревожило Реми. И еще больше встревожило, что чувство это было почти неуправляемым. Ему нужно было как можно скорее понять, как он может сдержать темный огонь, как вовремя остановиться и не перейти роковую черту.

— Я постараюсь, Чик, — сказал он обращаясь к старому соломенному гнездышку. — Постараюсь найти выход, ради нас с тобой, ради нашей дружбы. Я знаю, тебе это понравилось бы.

Ночью, под монотонный, шелестящий шум дождя ему приснился сон. Он был на склоне Одинокой горы, в своей любимой роще, где росли вперемешку могучие дубы и стройные ясени, кудрявые, раскидистые липы и тонкие, трепетные осинки. Он шел по тропинке вслед за белой, сияющей птицей. Сквозь листву просвечивало яркое солнце, бросая на тропинку золотистые блики. Но в древесной тени царили сумрак и приятная прохлада. Птица вывела его на берег ручья, что брал свое начало высоко в горах, питаясь от ледника. Вода в нем была прозрачной и очень холодной, у него заломило пальцы, когда он окунул их в стремительные, хрустальной чистоты струи. Он наклонился над ручьем, замороженный его громким журчанием. Поток воды шевелил на дне мелкие разноцветные камешки, перекачивая их с места на место. Внезапно, они вспыхнули, охваченные темным, мрачным пламенем, которое разгоралось все ярче и сильнее. Реми хотел отшатнуться и не смог, темный огонь рвался наружу, грозя вот-вот опалить его лицо, сжечь его дотла. Он видел, как обуглились и почернели в огне камни, но быстрые струи горного родника гасили пламя, не давая ему вырваться, держали его в своем прозрачном, ледяном плену. Реми долго глядел как бушует и беснуется пламя в бессильной ярости, а потом проснулся.

Но теперь, он знал, что поможет ему справиться с темным огнем. Оставалось только проверить догадку, а значит принять, наконец, свою судьбу на поединке.

Глава 18 Реми начинает действовать

Моргот с воронами вернулись на третьи сутки, довольные и с добычей. Они летели в свинцово-серой пелене дождя зловещими призраками, и за ними тянулся мрачный, красноватый след. Капли воды мешались с кровью скрогов, пропитавшей черные перья, смывали ее с могучих крыльев, со свистом рассекавших воздух, и срываясь падали вниз на поникшие в скорбном молчании деревья, на размокшую землю, на бредущих по ней в немом, иступленном отчаянии людей. Глаза пленников были пусты, а в ушах звучало, не переставая, пронзительное, колдовское карканье, заставляя их двигаться, с трудом волоча ноги, навстречу своей несчастной доле, все дальше и дальше от родной деревни, сожженной яростным, негасимым огнем, все ближе и ближе к мрачной цитадели, укрытой в непроходимой, дремучей чаще.

Еще двое суток после этого вронги пировали, обсуждая удачную вылазку, похвалялись друг перед другом захваченными трофеями, пили и ели без меры. Реми сбивался с ног в работе на кухне, ему пришлось прислуживать воронам за столом, получая от них пинки и тычки, шатаясь от усталости, убирать на столах и в зале. Пир закончился как обычно игрищами в купальнях, где нашли свою злую судьбу многие скра из мятежной деревни. После чего охочие до зрелищ вороны решили позабавить себя состязанием молодняка, делая ставки золотом на самых сильных бойцов из ронгонков или ронгов. При этом известии Реми почувствовал, как сердце у него начало заходиться от волнения, то срываясь в безудержное, недоброе ликование в предвкушении схватки, то замирая от боязни, не сдержавшись, навсегда потерять себя в пламени темного огня.

Необыкновенное возбуждение от предстоящих событий заставляло ронгонков вести себя шумнее и агрессивней обычного, они начали то и дело задирать друг друга, споря кто из них окажется самым достойным. Победитель получал часть от общего выигрыша, и, что было гораздо важнее, право пировать за одним столом с вронгами до самого обряда.

Реми очень надеялся, что Моргот не станет выводить его на ристалище и в то же время что-то подсказывало ему, что участия не избежать. Он ловил на себе косые, многозначительные взгляды, слышал смешки и перешептывания и, наконец, понял, что за роль была уготована ему на поединке. Он опять стоял в паре с Аррисом, сильным, но трусоватым ронгом. И по задумке Моргота легкая победа над Реми должна была воодушевить того, вселить уверенность в своих силах, разогреть перед схваткой с серьезными противниками, пробудить боевой азарт. Реми подозревал, что нарг поставил на Аррису неплохую сумму, а значит будет жарко. Аррису нужна была эффектная победа и щадить он никого не собирался, тем более какого-то жалкого изгоя. И если тому суждено найти свой бесславный конец от его Арриси кулака, значит так тому и быть, читал Реми в его глазах.

В день начала поединков дождь ненадолго прекратился и даже пробилось сквозь хмурую пелену бледное, безрадостное солнце, взглянуло утомленно на землю и вновь скрылось в своем облачном убежище. Ровно в полдень на ристалище зазвучал гонг, возвещающий первый этап состязаний. Реми стоял под морозящим дождем у самого края площадки. Немного в стороне толпились остальные ронги, лениво наблюдая за первым боем. На него не обращали внимания, он был для них пустым местом, тем, на ком всегда можно почесать

кулаки, если зудят. И Реми мог спокойно подумать, сосредоточившись на сдерживании той неукротимой силы, что начала в нем пробуждаться при виде ристалища.

Наконец подошла их очередь, Аррис вышел на площадку, потрясая в воздухе кулаками, горделиво расправив плечи, его рыхлое лицо напоминало непропеченый блин, а глаза — два тусклых уголька, застрявших в нем. Влажные волосы висели по сторонам соляными сосульками, широкая, плоская грудь вздымалась, когда он исполнял свой охотничий клич. Он сделал несколько прыжков по размокшей, скользкой глине, давая зрителям как следует полюбоваться на себя, самодовольно осклабясь при этом.

Реми нерешительно медлил прежде, чем ступить на площадку, собираясь с духом, как вдруг на плечо его легла, сильно сдавив, тяжелая рука, а хриплый, грубый голос нарга пророкотал в самое ухо, прежде чем резко вытолкнуть навстречу Аррису:

— Ты, грязный выродок! Не вздумай свалиться после первого же удара. Иначе, я с тобой поговорю так, что ни одной целой кости не останется. А сейчас пошел быстро, никчемное отродье гнусного предателя.

От последних слов Моргота темное пламя вспыхнуло в груди Реми с внезапной, неистовой силой, и он с трудом удержался, чтобы не кинуться на противника и не прикончить его сразу же. Глаза Реми застилала дрожащая как жаркое марево, темная, огненная пелена, сердце горело и стучало так, что казалось вот-вот вырвется из груди, сквозь окутавший разум кровавый туман до него донеслись издевательский смех Арриса, вопли и свист воронов, крики зрителей «убей, убей его». Он не мог сосредоточиться, пытаясь совладать с разбушевавшейся темной силой, искавшей выхода, с яростью, заставлявшей его мучительно стонать сквозь стиснутые зубы от попыток сдержать ее, не дать ей овладеть собой безраздельно. Шатаясь как пьяный скрог, он сделал несколько шагов по площадке, низко опустив голову, чтобы скрыть горевший в глазах сумрачный огонь, глубоко и часто дыша.

— Я еще не начал, падаль, а у тебя уже коленки трясутся!

Аррис захохотал. Предвкушая грядущий триумф, он, не торопясь, приблизился к Реми, которого мотало из стороны в сторону, и нанес ему первый удар, не особенно стараясь. Он не хуже Моргота понимал, что воронам нужно зрелище, что ему немного будет чести сразу уложить заведомо слабого противника, которого он не раз удельывал до того на поединках в кровь. Он собирался бить Реми долго, с удовольствием, пока тот не встанет перед ним на колени, а затем эффектным ударом прикончить его. Арриса распирало радостное ликование, азарт и самодовольство не позволили ему разглядеть, что с противником твориться что-то неладное, что крепкие мышцы его напряжены, и сам он как натянутая тетива лука, готового выстрелить. От удара Реми качнуло, следующий удар заставил его пошатнуться, на голую грудь брызнула первая кровь, мешаясь с дождевой влагой. Реми сделал глубокий вдох и выпрямился, приходя в себя, разбитые губы прошептали неслышно «вода, родник, гора, ледник». Он легко увернулся от следующего удара, прикрыл глаза, в которых едва заметно мерцали блики темного пламени и позволил Аррису ударить себя еще раз. Сам он ограничился несколькими выпадами, не уверенный, что контролирует свои действия. Аррис разозленный сопротивлением стал агрессивней и напористей, он прошипел, слегка задыхаясь:

— Не смей уворачиваться ты, фарга.

В ответ Реми едва не рассмеялся, им незаметно начало овладевать упоение боем, он чувствовал распирающую его силу, жаждущую выхода, она ударяла в голову как крепкое

вино, рождая желание насладиться зрелищем поверженного соперника. И Реми, вняв просьбе Арриса, не стал уворачиваться. Вместо этого он стал биться, понемногу входя в раж, ощущая в себе словно гул лесного пожара, вновь набирающую мощь силу. И Аррис неожиданно для себя понял, чтобы свалить Реми ему придется попотеть. Эта белая падаль стала бить, и бить крепко вместо того, чтобы покорно подставляться под его кулаки. Это в свою очередь вынудило его всерьез заняться противником, он больше не усмехался презрительно, под градом молниеносных, болезненных ударов, которые становились все резче и сокрушительней. Пока, наконец, не рухнул в грязь, успев перед этим заметить летящий ему в грудь крепко сжатый, перепачканный в крови, кулак Реми, обьятый темным, призрачным пламенем.

— Вот, черт! — подумал он удивленно перед тем, как потерять сознание.

Когда Аррис упал с гулким, сочным звуком, зрители взорвались неистовыми криками. Реми стремительно опустился рядом с ним на колени и занес руку, чтобы ударить еще и еще раз. Одержимый темным огнем он совсем упустил, что не должен был победить, что хотел лишь немного проучить Арриса, прежде чем, предоставить ему первенство в поединке.

Он не успел нанести поверженному Аррису еще один сокрушительный удар, который скорее всего отправил бы того в компанию к Фраю, как чьи-то цепкие пальцы перехватили его руку, до хруста кости сжав запястье, и сильно дернули, оттаскивая от соперника. Реми обернулся, увидел взбешенное, страшное лицо нарга, и, резко приходя в себя, с ужасом понял, что перестарался и теперь его точно не оставят в покое.

— Ты! Ты! - прогремел Моргот, не находя слов от кипевшей в нем злобы, и размахнувшись ударил Реми так, что он вылетел за край площадки, и обдирая на спине и плечах кожу, пропахал собой жесткий дерн, после чего с трудом смог подняться. Потряс головой, стремясь избавиться от нестерпимо громкого гула, не обращая внимания на обильно текущую из носа кровь, темного, винного цвета, осторожно сжал кулак со сбитыми костяшками и покрутил им, чтобы убедиться, что посиневшее, полыхавшее огнем запястье не сломано.

Несколько ронгонков уволокли с площадки Арриса и на ристалище вышла следующая пара. Реми начала бить дрожь, возбуждение схватки еще не покинуло его, и он ждал, что скажут судьи, среди которых на почетном месте под обширным, шелковым навесом восседал Моррис. Он тонко улыбался и постукивал пальцами по золоченым подлокотникам кресла, слушая как Моргот доказывает, кипя от злости, что в поражении Арриса, его любимца, виновата скользкая, мокрая глина, что гнусный, грязный выродок не одолел бы противника, если бы не вмешался несчастный случай.

Наконец, скарг проронил несколько слов и недовольный Моргот, почтительно поклонившись, отошел в сторону, кинув издалека на Реми взгляд полный жгучей ненависти. Реми опустил глаза, ему понадобилось немало усилий, чтобы вновь овладеть собой. Теперь следовало ждать, что решит Моррис, и судя по тому, как тот довольно щерил зубы, ничего хорошего ждать не приходилось.

После того, как последние бойцы покинули площадку, один из судей, высокий, поджарый вронг, с крючковатым носом объявил имена тех, кто будет оспаривать первенство на следующий день. Реми назвали самым последним, и он ощутил в груди тоскливый холодок и вместе с тем какое-то странное удовлетворение. Темный огонь вновь тлел в его груди, обжигая вспышкам ярости, которые он старательно гасил, вызывая в памяти картины журчавшей по камням горной речки, чьи ледяные воды помогали ему не поддаваться

пламени разрушения...

* * *

— Да говорю тебе, это была случайность! — горячился нарг. Он сновал по пустому пиршественному залу, скудно освещенному догорающими факелами, меряя его быстрыми, крупными шагами, присаживался на широкую скамью перед скаргом, но тут же вскакивал и вновь начинал кружить вокруг широкого, каменного стола, с остатками недавнего застолья. По стенам беспокойно металась, едва поспевая за резкими движениями нарга, его мрачная, гигантская тень, словно в зале вихрился не один, а два ворона.

— Успокойся, мой друг, присядь, насладись вином и пищей, — сказал ему негромко Моррис, сделав широкий приглашающий жест. — Ты почти не притронулся к этим прекрасным блюдам сегодня вечером. Посмотри какое сочное, запеченое на углях мясо, с ароматной, хрустящей корочкой, оно так заманчиво истекает соком и кровью. Ах, никто не может приготовить его так, как эта старая, глупая Милред. Упрямая старуха довольно своенравна, но умеет угодить как нельзя лучше. Она стала ценным приобретением, хоть и не пригодилась в свое время в купальнях. Уж очень безобразна.

— Не понимаю, Верховный, — вскипел Моргот, пропустив мимо ушей разглагольствования скарга о кухарке. — Этот мелкий ублюдок, этот гнусный поганый щенок, это предательское отребье! Он же едва держался на ногах от страха, когда начался поединок. Что на него нашло? Как такое могло выйти? Он не должен был победить! Его дело валяться в грязи и скулить, умоляя о пощаде! Как бы я хотел придушить его своими собственными руками...

И Моргот посмотрел на свои поднятые руки со скрюченными, словно в смертельной, душащей хватке, пальцами с острыми ногтями, больше похожими на желтые, заскорузлые когти. Из груди его вырвался хриплый клекот.

— Ну-ну! Остынь, нарг. Не к лицу такому могучему воину выходить из себя из-за какого-то незначительного проигрыша. Кстати, — едва заметно усмехнулся Моррис, не сводя с нарга насмешливого взгляда, — не хочешь ли ты сейчас заключить со мной пари на завтрашний поединок? С кем там будет биться наш беловолосый изгой? Или ты сам считаешь, что можешь рассчитывать на него поставить?

Моргот сверкнул глазами, лицо его буквально перекосило от злобного раздражения. Он прошипел:

— Никогда! Никогда я не поставлю на него ни одной самой мелкой, дрянной монеты! Да будь он трижды, четырежды проклят!

Моргот долго еще кипел от злости, изливая свой гнев перед скаргом, который с удовольствием подогревал его тонкими насмешками и издевками, радуясь про себя, что оказался прав насчет мальчишки, и дело наконец сдвинулось. Осталось только укротить его непокорный нрав, выяснить как далеко он может зайти в своем владении силой и провести через обряд, чтобы навсегда поработить, сделав несокрушимым орудием убийств. У Моргота были насчет Реми большие планы.

Сам Реми глубоко переживал свою ошибку. В его планы не входило становиться победителем состязаний, и он понимал, что ему придется приложить усилия, чтобы сойти с дистанции, так и не раскрыв всей своей силы. Но в то же время страстно хотел вновь отдаться тому упоительному чувству, когда в душе его вспыхивало темное пламя, возвращенное годами унижений и побоев, непосильного, подневольного труда, гибелью близких, лишением его в жизни всего самого дорого и светлого. Когда этот мрачный, скорбный,

гневный огонь овладевал его сердцем и сознанием, ему хотелось только мстить, убивать без разбора, чтобы уравновесить переполненную чашу своих страданий. Реми стал задумываться, какой бы стала его сила, не пройди он через годы беспросветного мрака, боли и отчаянья, и что ему делать с этим теперь. И не находил ответа.

Только к концу состязаний, он смог научиться управлять темным огнем так, чтобы, не вызывая сильных подозрений, проиграть в поединке Рорсу, крепкому, коренастому ронгу, ставшему в итоге победителем.

Когда занятия на ристалище продолжились, Моргот прожигая Реми пристальным, исполненным отвращения и ненависти, взглядом, выставял против него самых крепких и закаленных ронгонков, часто прерывал поединок, мощным ударом выкидывая Реми с площадки за придуманные на ходу нарушения. После чего, награждая пинками и оплеухами, гнал обратно под кулаки соперника, издевательски при этом усмехаясь и бормоча про себя.

— Ничего-ничего, гаденыш, ты еще поплатишься у меня за дерзость.

Глава 19 Реми и Юта

Утро застало Реми и Эйфорию далеко от Зачарованного озера. Они всю ночь бродили по луговым тропинкам, пока не забрели в небольшую рощу на невысоком, поросшем мягкой, пышной травой холме. Здесь под раскидистыми кронами деревьев с нежно-серебристыми листьями, было тепло и уютно. Ночная прохлада осталась в низине, у воды, там, где были слышны голоса мьюми, затеявших песенные состязания и веселые игры при необыкновенно ярком свете звезд. Эйфория никогда не видела раньше, чтобы звезды так сияли и были такими крупными и лучистыми, переливаясь и вспыхивая алмазным блеском. Из-за этого ночное небо словно дышало и казалось особенно близким, живым.

Эйфория подумала, что на землях мьюми все жило какой-то собственной жизнью, даже деревья в роще, куда они углубились. Когда Эйфи дотронулась рукой до гладкого, серо-зеленого ствола, испещренного темными, мерцающими точками, она ощутила нежное тепло, которое излучала его тонкая, шелковистая кора. Ей стало немного не по себе, но Реми успокоил ее, сказав, что льигонты, так они назывались на языке мьюми, не опасны, в отличие от стражей озера в Заповедной роще. Они питаются соками земли и ее жаром, их корни уходят на такую глубину, что трудно представить.

— Это очень древние деревья, — сказал он. — Они кажутся юными и беспечными, но это не так. Они добрые и мудрые, у них есть то, что можно назвать душой. Они могут говорить, только мало кто из простых смертных понимает их язык, даже сами мьюми, настолько он старый. Одна Юта может беседовать с ними свободно. Она хорошо знает их наречие и может общаться на нем со всеми странными существами этого благословенного края.

— Скажи, а ты знаешь этот язык? — спросила Эйфория, глядя на Реми сияющими как звезды глазами. Она опустилась на траву у корней высокого дерева и Реми сел рядом. Эйфория прижалась к нему и обняла. Он ответил ей не сразу, только после того, как они смогли прервать поцелуй.

— Нет, не знаю. Лишь отдельные слова.

И он снова поцеловал ее под доброжелательный, тихий шелест листвы над их головами, похожий на ласковый шепот. Потом Эйфория снова заговорила:

— Джой говорит, ты часто здесь бываешь. Тебе нравятся мьюми?

— Да, нравятся. Они приветливые и веселые, всегда рады рассказать тебе забавную историю или спеть одну из своих бесконечных песен, угостить молодым вином и накормить до отвала. Они как дети честны и добродушны, как старцы умны и прозорливы. Но только с друзьями, для врагов у них приготовлено немало сюрпризов. И с ними лучше не ссориться.

— А как ты познакомился с ними? Расскажи мне.

— Хорошо. Только это длинная история и начать придется издалека.

Она положила голову ему на плечо, приготовившись слушать, и он осторожно прикоснулся губами к ее макушке, обнял и негромко вздохнул.

— Я могу слушать тебя всю жизнь и не устать, — сказала Эйфория. Ей хотелось, чтобы эта ночь никогда не кончалась. Чтобы ничто не могло нарушить их счастливого уединения, никакие заботы внешнего мира, его печали и даже радости, потому что ее радость была совершенной. Нигде больше не желала она быть в этот час, как только здесь и только с ним. Ей казалось, что сбывается ее самый заветный, самый чудесный сон, то, о чем она начала

мечтать с их самой первой встречи.

— Я прочел о них в одной старой книге, когда жил среди воронов. И с тех пор все думал, смогу ли я когда-нибудь побывать в этих дивных землях, где скрыто столько удивительных чудес. Но так как я не по своей воле жил у воронов, то и дороги мне сюда не было. От них нельзя просто взять и уйти, как бы сильно ты этого не хотел, как бы не стремился. Из их цепких когтей не вырваться. Даже если ты сумеешь покинуть крепость, как-то пройти через колдовской дремучий бор, из которого нет никому пути на волю, тебе все равно не скрыться. Власть воронов простирается далеко за пределы черных земель. Но мне удалось. Только, пожалуйста, не спрашивай как. Я не хочу говорить об этом сейчас, эта повесть не для твоего нежного сердца.

— Эти шрамы, это они оставили их? — спросила Эйфи вполголоса, крепче обняла его, и не выдержав охвативших ее чувств, воскликнула с негодованием. — Они хотели тебя убить!

— Нет. Не хотели, — не сразу ответил Реми. Эйфории показалось, что он едва заметно вздрогнул, словно его пробрал озноб. — Если бы хотели, то убили. Они только хотели наказать меня за то, что не подчинился воле скарга... Да. Потом я очнулся в доме у одной милосердной женщины, в деревне, что у самой пустоши, за границей Вороньего края. Она, эта женщина, была лекаркой, знала, как извлечь из растений их живую силу. И она была добра ко мне, обмыла и перевязала раны, приложив к ним целебную мазь, поила и кормила меня. Она поделила со мной свой хлеб и не спрашивала кто я и откуда. Мне жаль, что я не могу отблагодарить ее так, как она того заслуживает. Она рассказала, как меня нашли местные крестьяне и привезли к ней в дом, думая, что я уже не встану. Она говорила, что три дня я лежал, не приходя в себя, совершенно неподвижно и почти не дыша. И только потому, что кровь еще сочилась из ран и тело горело огнем, она понимала, что меня рано предавать земле, и что моя душа, заблудившись во тьме, все же ищет путь к свету, не желая сдаваться. И она пела надо мной древнюю призывающую песню, помогая найти дорогу...

— Реми, милый! — Эйфория подняла голову, заглянула ему в лицо, скрытое тенью, и нежно погладила по щеке. На глазах ее заблестели слезы. Он улыбнулся ей немного смущенно и сказал:

— Я никому никогда не рассказывал об этом. И, наверное, зря начал говорить сейчас... Прости, что расстроил тебя. Не надо, не плачь! Все уже хорошо, Эйфория. Давай поговорим о чем-нибудь другом, более веселом.

Но она помотала головой, закусив губу, и некоторое время сидела молча, спрятав лицо у него на груди и крепко обхватив руками. Потом попросила:

— Нет-нет, пожалуйста, продолжай. Ты можешь рассказать мне все-все про себя. Я выдержу. Я просто очень боюсь потерять тебя, Реми, и мне больно от мысли, что могло с тобой случиться. И мне так жаль, что я не могла в это время быть с тобой, чтобы хоть немного облегчить твои муки.

Он погладил ее по волосам, перебирая пальцами мягкие, шелковистые пряди, поцеловал в чистый, высокий лоб, осушил горячими поцелуями слезы на ее глазах и продолжил:

— После того, как очнулся, я пробыл у ней недолго. Через несколько дней в дом к знахарке заглянул старый мельник, чтобы взять трав для своей заболевшей горячкой дочери и увидел, что я еще жив. И он понял, что я из черного племени. Он посчитал, что я заодно с ними и обязательно принесу несчастье в их деревню. Поэтому, получив травы и не сказав мне ни слова, он ушел, собрал людей, и они решили, что лучше мне исчезнуть совсем. Например, в какой-нибудь болотной топи или бездонном Щучьем омуте, что был как раз

недалеко от того места, где речка вращала колесо его мельницы. Они спорили как лучше от меня избавиться, так чтобы не осталось следов, и чтобы никто не узнал, потому что думали, что меня могут искать свои. И пока они спорили, знахарка помогла мне выбраться из дома и указала на тропу, что вела обратно к Вороньему краю, где я мог, по ее мнению, укрыться и возможно получить помощь. Идти мне все равно особо было некуда, поэтому я не стал с ней спорить. Ведь, где бы я не появился, люди продолжали считать меня вестником беды, приносящем горе и несчастья. Я был для них изгоем.

— Люди бывают слишком суеверны и полны предрассудков, — сказала Эйфория серьезно и грустно, тяжело вздохнув. Она взяла его руку в свои ладони и погладила. — Но скажи, Реми, почему и те, кто из черного племени, тоже называют тебя изгоем? Хотя и видят в тебе ворона, своего соплеменника.

— На языке воронов Реми — значит одиночка или по-другому изгой, — спокойно объяснил он.

— О! — с недоумением произнесла Эйфория. — Но отчего твои родители так странно назвали тебя? Разве они тебя не любили?

— Напротив, очень любили. — Он улыбнулся своим воспоминаниям. — На самом деле, полностью мое имя звучит как Реминнер, что значит — Одинокая гора. Это место, где я родился и где стоял наш дом. А мою мать звали Неррелинга — сияющая горная вершина или снежный пик. Ты первая, Эйфи, с кем я говорю об этом с тех пор, как остался один.

— Ты больше не один, Реми. Как бы я хотела никогда не расставаться с тобой! Но, пожалуйста, продолжай.

— Хорошо, слушай. Осталось совсем немного, — сказал он, счастливо улыбаясь. — Я не думал, что смогу долго протянуть и решил напоследок побывать там, где всегда мечтал очутиться, чтобы хоть раз посмотреть на что-нибудь поистине прекрасное. Если мне, конечно, повезет и я сумею добраться до здешних мест...

...Встревоженные мьюми встретили его у Заповедной рощи, которую он, к их огромному удивлению, миновал беспрепятственно, казалось, чары древесных стражей не имеют над ним власти.

— Кто ты и что тебе нужно? — сурово спросила его Королева Юта с изумлением и непонятым смущением рассматривая странного чужака, едва стоящего на ногах, в окровавленных лохмотьях, истощенного и грязного. Он был слишком похож на одного из ненавистного, черного племени и пришел с той стороны, но взгляд его был прям и ясен, а лицо светилось благородством, чистотой помыслов и какой-то необыкновенной красотой, чего за воронами никогда не наблюдалось. — И как ты прошел через стражей озера?

— Я не знаю, — кротко ответил Реми после того, как назвал себя. — Я просто шел по тропе от границы Вороньего края. Прости великодушно, если по незнанию, я совершил какую-то ошибку.

— Если ты пришел за живыми камнями или помощью, уходи, — ее голос по-прежнему звучал сурово и решительно, но под пристальным, серьезным взглядом незнакомца, сердце Юты все больше охватывало неведомое ей раньше волнение, заставляя драгоценную голубую кровь мьюми быстрее бежать по жилам. Он опустил перед ней на колени и сказал, все также прямо глядя ей в глаза:

— Мне ничего не нужно от тебя, прекрасная Королева. Позволь только хоть малое время побыть в твоём благодатном краю и посмотреть на его добрые чудеса. Потом я уйду и больше никогда не потревожу тебя и твой благословенный народ.

— Ты умираешь, незнакомец, но все равно сохраняешь учтивость, — сказала смягчившимся голосом Юта после недолгого раздумья. — Мне это нравится. Я разрешаю тебе остаться до полуночи. Потом уходи.

Он склонил в поклоне голову и горячо поблагодарил Королеву, не сдержав слез радости. Один из мьюми, веселый, стройный Лорис, чья душа была подобна звонкой утренней песне, отвел его на берег озера, где Реми мог смыть с себя кровь и усталость. После чего его глубокие, воспаленные раны вновь перевязали чистым полотном, а самого одели в новую, светлую рубаху и штаны из плотной серой ткани, мягкой и шелковистой. Они поддержали его силы вином и фруктами, белым, душистым хлебом. И, так как солнце уже клонилось к закату, оставили Реми в покое, позволив бродить по берегу Зачарованного озера, впрочем, приглядывая за чужаком в несколько глаз.

Когда небо над озером густо усеяли звезды и начал всходить над кронами деревьев молодой месяц, а птица полуночи спела свою прощальную песнь, Реми до этого неподвижно сидевший на прибрежном песке, тяжело поднялся и, низко поклонившись стоявшим в отдалении мьюми, пустился в обратный путь. Лицо его было спокойным, но в глубине глаз таилась печаль. Он вновь прошел свободно через рошу лесных стражей, что-то шептавших ему вкрадчиво и призывно, потом обернулся и приветливо помахал им рукой:

— Прощайте, удивительные, волшебные деревья, — сказал он негромко. — Берегите хорошенько эту чудесную землю и ее добрых обитателей.

Потом двинулся дальше медленным, усталым шагом, едва угадывая в густой, ночной тьме светлую нить тропинки. Он шел всю ночь, преодолевая слабость и боль в израненном теле, а когда забрезжил рассвет, с тоской и стесненным сердцем увидел перед собой мрачные скалы ущелья, за которым лежал край Воронов. Там, где-нибудь посреди каменных глыб перевала, ему предстояло найти свой скорый конец. Реми тяжело вздохнул, не решаясь обернуться назад, чтобы не ослабеть духом и приготовился пересечь границу края.

— Постой! — услышал он позади себя уверенный, властный голос и, повернувшись, увидел стоящую поодаль, на тропе, Королеву мьюми в серебристом дорожном плаще. На ее бледно-золотых волосах лежал нежный розовый отблеск набирающей силу зари.

— Ты не обманул меня и выполнил свое обещание. Ты был честен, хотя и понимал, что это будет стоить тебе жизни. Я хочу узнать тебя получше. Мне кажется, что ты почему-то важен для нас, поэтому я помогу тебе. Ты можешь вернуться. Вот возьми, выпей этот медовый настой, он придаст тебе сил...

... Реми прожил у мьюми год, а потом, охваченный необъяснимой тоской и беспокойством, ушел к людям. Прощаясь Королева даровала ему разрешение приходить в Благословенный край в любое время, и он часто пользовался этой милостью, храня в душе благодарное, признательное чувство к своей прекрасной покровительнице.

Глава 20 Ночь живых камней

Утро осветило рощицу серебристых лыгонтов на холме, заиграло солнечными бликами на густой листве, что трепетала под порывами свежего ветра с озера. Реми и Эйфория утомленные долгой ночной прогулкой, разговорами и пылкими поцелуями, крепко спали в объятиях друг друга под приютившем их деревом, не видные со стороны в пышной, высокой траве. Медно-золотые волосы девушки разметались по груди юноши, почти скрыв ее под своим сияющим покрывалом. Им снились счастливые сны, они улыбались спокойно и радостно. А когда проснулись, отдохнувшие и бодрые, день уже клонился к вечеру.

— Ты не забыла, Эйфория, — сказал Реми ласково, видя, что девушка открыла глаза и смотрит на него с нежной теплотой во взгляде. — Сегодня ночь живых камней. И, знаешь, я рад, что могу разделить ее с тобой.

«Я бы хотела разделить с тобой всю свою жизнь», — подумала Эйфория, но засмутившись ничего не сказала, а лишь поцеловала его крепко в сухие горячие губы. Потом они спустились с холма к Зачарованному озеру, где встретили Джоя. И по тому, как откровенно сияло счастьем лицо Эйфории, каким мягким, мечтательным и полным затаенной нежности стал взгляд Реми, даже когда он останавливал его на Джое, тот понял, что эти двое наконец обрели друг друга.

— Знаешь, Реми, — сказал Джой, когда мьюми увели Эйфи, чтобы она могла освежиться купанием и переодеться. — Тебе досталась самая лучшая девчонка в городе.

Он так и не смог подавить тяжелый, завистливый вздох. Реми усмехнулся:

— В городе? Скажешь тоже. В целом мире!

Потом все вместе они сели за стол, чтобы утолить вспыхнувший голод, и так за столом в компании с друзьями провели время в ожидании полуночи, когда наступало время охоты.

Ночь живых камней случалась в Благословенном краю всего два раза в год, во время большой луны, весной и в самом начале осени. Сейчас было время осенней охоты и мьюми, следуя своему возвышенному и радостному нраву, устроили из этого настоящий праздник.

Вдоль всего берега горели яркие огни светильников, вокруг которых сидели небольшие группы мьюми в своих лучших одеждах, с волосами убранными луговыми цветами и сверкающими мотыльками, слышался смех и веселые песни. Заповедная роща мерцала серебристым сиянием, источала дивный, свежий аромат, где смешались в гармонии запахи всех самых прекрасных цветов, то сменяя друг друга, то сливаясь в согласном хоре. Эта необычная ароматная симфония проникала до самого сердца, рождая в душе звуки удивительной музыки. По гладкой поверхности озера в лодке, похожей на острый лепесток ивы из светлого, серебристого дерева, плавно скользила Королева Юта, прекрасная и величавая как никогда. Один из мьюми направлял длинным веслом лодку вокруг замка. Королева что-то негромко пела на древнем языке своим чарующим голосом, обращаясь к усыпанному звездами небу.

Джой, Реми и Эйфория заняли свои места на берегу, при этом Эйфория в длинном, темно-зеленом платье с вышитыми на нем золотыми ветвями и листьями, была так красива, что даже мьюми смотрели на нее с одобрением. Из-под тонкого, золотого обруча на ее голове, увенчанного сияющим изумрудом, струились на плечи волнистые, блестящие пряди волос, отливавших в лунном свете темной, благородной медью. В этом наряде Эйфория чувствовала себя вначале неловко, боясь, что Реми он покажется слишком торжественным, а

сама она какой-то напыщенной, но увидев его восхищенный взгляд, облегченно и радостно рассмеялась.

— Я ведь не выгляжу глупо в этом платье? — спросила она у него, уже предполагая ответ. Но зная его немногословность и сдержанность, просто хотела, чтобы он сказал ей это, хотела услышать от него то, что можно потом со счастливой улыбкой вспоминать долго-долго. Он покачал головой, ответил серьезно, дрогнувшим от волнения голосом:

— Ты прекрасна в любом наряде, Эйфория! Ты так красива, что у меня замирает сердце, когда я гляжу на тебя.

— Ох, Эйфи! — произнес Джой, который не отрывал от девушки взгляда. — Ты как сказочная принцесса!

— Спасибо, Джой, — небрежно проронила Эйфория, не глядя на него. Ее взор по-прежнему был устремлен на Реми, она присела рядом с ним на траву и переплела пальцы своей руки с его.

Джой понурился и незаметно вздохнул. «Ненавижу чувствовать себя лишним», — едва слышно пробурчал он. Настроение у него окончательно испортилось, и он отвернулся от счастливой парочки. Не радовало даже предстоящее волшебное зрелище, неизменно приводившее его в восхищение. «И о чем только, Реми думает! — недовольно и мрачно размышлял он. — Совсем голову потерял от всей здешней атмосферы. Сердце у него замирает, видишь ли! У меня вот сердце тоже замирает, беду чувствует. Да только, кто меня здесь слушает. Даже Лорис, хоть и другом себя называет, лишь смеется в ответ. Одно слово — мьюми. Беспечные как дети, бесполезно с ними разговаривать. Но сам-то Реми! Такой всегда осторожный! Неужели не понимает к чему все идет? Хоть бы Юта его образумила. Так нет. Тоже в рот смотрит. Женщины, что с них взять. И как это он ухитрился здесь так всех очаровать, что они и забыли какого он роду-племени.» Тут Джою захотелось смачно плюнуть в темную, душистую траву, но он сдержался, чтобы не показать своей досады и не привлечь ничьего внимания, только тяжело, сокрушенно вздохнул и, сорвав травинку, принялся ожесточенно грызть ее плотный, упругий стебелек.

Над озером начала всходить луна, она выплывала из-за холмов подобно огромному бледно-золотому диску, печальный лик ее сиял нестерпимым светом, от которого все вокруг словно покрылось сверкающей серебряной пылью, а замок мьюми вспыхнул охваченный морозным пламенем. Неподвижная до этого вода озера заволновалась и накатила на берег, к самым ногам Эйфории. Она хотела испуганно отступить, но Реми удержал ее, затем молча показал на озеро. Там в его темной, бездонной глубине зародился какой-то свет, который тонкими лучами стал пробиваться сквозь водяную толщу наружу, и вскоре переливаясь золотым, красным и синим, снопы света, преодолев водяную преграду, вырвались на поверхность и устремились дальше, чтобы слиться с материнским лунным сиянием.

Эйфи восхищенно выдохнула и крепче сжала руку Реми, ее охватил такой восторг при виде этой феерии света, что она на мгновение забыла, как дышать. Но это было только начало, потому что следом на поверхность озера стали подниматься бутоны чудесных цветов, от которых исходил этот свет. Оказавшись на воздухе, сложенные лепестки медленно распускались, а из открывшихся чашечек вылетели настолько странные существа, что Эйфория не могла потом их толком описать, сколько не пыталась. Они были одновременно похожи на бабочек и пестрых, радужных птиц, на сияющие огоньки разноцветного пламени и причудливые, необычные цветы, на драгоценные камни и еще каких-то неведомых крылатых существ. Облик их поминутно менялся и так неуловимо, что нельзя было понять

на что именно ты смотришь сейчас. Они блистающим роем взвились вверх, купаясь в лунном свете, широким потоком льющемся с темного, бархатного неба, а затем с нежным мелодичным свистом ринулись вниз, подобно падающим звездам.

— Теперь лови! — шепнул ей Реми и негромко рассмеялся. — Давай же, Эйфория! Не зевай!

Сверкающие существа сновали вокруг них, ловко уклоняясь от жаждущих их рук, взлетали вверх, словно подброшенные озорником-ветром и снова кружили вокруг, дразня и увлекая за собой все дальше и дальше от озера. Но сколько Эйфи не пыталась она не могла поймать ни одного из них. Наконец она остановилась и отдышавшись сказала с досадой:

— Ничего не получается. Они такие быстрые, и словно смеются надо мной. Вот если бы у меня был сачок! Почему ты не сказал, что он может понадобиться.

В ответ Реми, который все это время спокойно следовал за ней добродушно посмеиваясь, расхохотался:

— Сачок? Эйфи, да что ты говоришь! Их не поймать сачком, они пройдут сквозь любой сачок, сквозь любую преграду. Их можно удержать только живым теплом руки. Вот, смотри!

Он внезапно легко, высоко подпрыгнул, раскинул рук и обернувшись в воздухе вокруг себя, опустился на траву, держа в ладонях несколько переливающихся существ, ставших похожи на трепещущие, раскаленные до пламенно-золотого цвета огненные цветы. Живые камни лежали на раскрытых ладонях Реми слегка подрагивая, но не делая ни малейшей попытки вновь взмыть в воздух. Напротив, Эйфи увидела, что вокруг них стали кружить другие такие же существа. Их делалось все больше и больше, и наконец, они с Реми оказались словно в сияющем коконе. Полюбовавшись на живые камни, он поднял голову, посмотрел вокруг, на мерцающий сполохами купол вокруг них, и сказал взволновано:

— Это лунная беседка, Эйфория! Очень редко, когда такое случается, когда они это делают для кого-то. Давай попробуем! У нас может не быть больше такого шанса.

— Что попробуем, Реми? — спросила Эйфория, от предвкушения чего-то необычного ее охватил восторженный трепет.

— Подставь ладони, — сказал он. — Сейчас сама увидишь. Не бойся, Эйфи!

Она доверчиво протянула ему раскрытые ладони, и он вложил в них живые камни, которые беспокойно затрепыхались у нее в руках, обдавая нежным, щекочущим теплом. Он закрыл ее ладони своими и осторожно сжал.

Ей показалось, что вращение живых камней вокруг них стало еще быстрее, а сияние ярче. И вдруг, ослепительно вспыхнув, движущийся купол распался тысячью звезд, и то, что Эйфи увидела заставило ее громко вскрикнуть одновременно от испуга и непередаваемого восхищения. Казалось, они стояли на берегу какой-то небесной реки, вокруг них, насколько можно было видеть, впереди и позади, вверху и внизу, простиралось, все пронизанное светом, закатное небо, окрашенное ярко-голубым и темно-синим, бледно-розовым и малиново-алым. Подсвеченные золотым, проплывали мимо чудесными островами, легкие, невесомые облака. Воздух тонко и мелодично звенел от невероятного, необъятного простора. Среди облаков мелькали юркие острокрылые стрижи, а в бесконечной выси едва заметными серебряными блестками мерцали звезды. Реми и Эйфория, стояли на тонком, цвета голубино-го крыла облаке и ветер играл их волосами. И, несмотря на то, что вокруг них, и даже под ногами у них, было только небо, Эйфория не боялась, напротив ей было здесь удивительно хорошо, она словно знала, что ничто не может повредить ей в этом просторе, так будто она родилась здесь, и он был ее родной стихией, ее домом. И еще она

поняла, что отныне всегда будет стремиться сюда душой, сколько бы времени ни прошло, и сколько бы чудес она еще не увидела.

— Где мы? — спросила Эйфория, когда смогла заговорить. От волнения у нее перехватило дыхание и слезы выступили на глазах. Она посмотрела на Реми и поразились каким необыкновенным стало у него лицо, словно озаренное внутренним светом, одухотворенное и прекрасное.

— Это — мечта, — сказал он задумчиво. — Мы сейчас там, где живет мечта.

— Это — твоя мечта? Да, Реми? — спросила она, осененная внезапной догадкой.

— Нет, — ответил он, улыбаясь как-то особенно светло. — Это наша мечта, Эйфи. Понимаешь, попасть сюда из лунной беседки могут только те, у кого совпадают мечты, кто мечтает об одном и том же. Может немного по-разному, но это неважно. А теперь, держи меня крепче за руку и полетели! У нас не так много времени.

Глава 21 Возвращение

В обратный путь решили выдвигаться вечером, так чтобы к утру следующего дня подойти к границе Вороньего края. Там сделать привал и двигаться уже с осторожностью дальше, надо было успеть до наступления темноты добраться до надежного приюта. Вернувшись из своего головокружительного путешествия в заоблачную страну мечты, Реми и Эйфория ненадолго расстались. Его хотела видеть Королева, а Эйфи нужно было побыть одной, чтобы как следует сохранить в памяти, а потом пережить снова и снова все чудесные мгновения этой ночи.

— Я буду ждать тебя в роще на холме. Там, где мы с тобой были накануне, — сказала она Реми, так и не вспомнив как назывались необычные, древние деревья на языке мьюми.

— Хорошо, — ответил он, глядя на девушку взглядом полным нежной заботы. — Если я задержусь, не волнуйся, приляг, отдохни! Здесь никто тебя не потревожит, а льигонты согреют, если ты вдруг озябнешь. И вот еще что! Пусть они побудут у тебя. Только держи их в руках, не выпускай. Помни, им нужно живое тепло, иначе они превратятся в прах, так и не исполнив своего предназначения.

Он передал Эйфории семь живых камней, достав их из-за пазухи, где хранил до сих пор. Утратив свою необычную форму, они стали больше похожи на небольшие, округлой формы, гладкие орехи, внутри которых переливался волнами разноцветный жидкий огонь, вспыхивая золотыми искрами. Она взяла их в руки и опять ощутила исходящее от них нежное, щекочущее тепло. Когда Реми ушел, Эйфория побрела по тропинке к роще, на ходу любуясь чудесными огоньками у себя в руках. Там она вновь прилегла под высокое дерево, которое встретило ее радостным шелестом серебристых листьев, как старую, добрую знакомую. Эйфория улыбнулась ему приветливо и ласково поздоровалась, надеясь, что диковинный льигонт поймет по ее голосу, как она благодарна ему за приют.

Эйфи закрыла глаза и, глубоко вздохнув, вновь перенеслась мыслями на несколько часов назад, в пронизанный светом и наполненный свежим бодрящим воздухом простор, где она узнала, что такое подлинное счастье.

— Как жаль, — подумала Эйфория, — что мы были в мечте так недолго, и час пролетел как одно прекрасное мгновение. И в тоже время, мне кажется, что мы с Реми прожили там вместе целую удивительную жизнь.

В конце путешествия их вновь окружил светящийся кокон живых камней, спустившихся из необъятной звездной выси темнеющего, закатного неба. Тогда Реми крепко обнял ее и поцеловал, а когда они разомкнули объятия, вокруг простирался луг, где клонилась под тяжестью утренней росы сочная, зеленая трава, слышались веселые голоса мьюми, щебет птиц. В небе розовели первые сполохи зари, ночь живых камней, последняя в этом году, закончилась. Наступал рассвет нового дня...

... Сборы в дальнюю дорогу были недолгими, хорошо отдохнув и подкрепившись, Реми, Эйфория и Джой, уловом которого стали два живых камня, уложили свои немногие пожитки, и, благодаря щедрости мьюми, смогли набить рюкзаки запасами еды на все время пути. Но, прежде чем тронуться в путь, Эйфории предстояло получить защиту от Королевы Юты. Для этого они остались в зеленом шатре вдвоем, Эйфория уже переделалась в свою прежнюю одежду, заботливо вычищенную и заштопанную. Стоя перед Ютой девушка все порывалась сказать той какие-то вежливые слова, как-то поблагодарить ее за

гостеприимство и доброту, но Королева только качала головой, давая понять, чтобы она помолчала.

— Я хочу, чтобы ты помнила, Эйфория, — сказала она наконец. — Мой народ и я даем тебе защиту на время пути, пусть она сохранит тебя от влияния зла. Чары воронов не будут иметь над тобой власти еще трое суток. И ты также получишь возможность проходить беспрепятственно к Зачарованному озеру, в самое сердце наших земель. Но если ты когда-нибудь используешь эту возможность во зло, пусть падет на тебя наше проклятье и твоя душа никогда не найдет пути из долины мрака к свету бесконечной жизни.

— Я запомню твои слова, Королева! — сказала Эйфория серьезно, глаза ее от волнения ярко блестели, на бледных щеках проступил румянец. — И тебе не придется насылать на меня проклятие, потому что я никогда не использую дарованное мне благословение во зло. Я обрела здесь подлинное счастье и никогда не забуду этого. И всегда буду признательна тебе.

Королева опустила глаза и тихо произнесла, после недолгого молчания:

— Я знаю, ты действительно видишь в нем и только в нем свое счастье. Когда-то мне тоже казалось, что мое счастье стало бы совершенным, если бы я могла сказать ему «ты мой». Но мне не удержать его здесь, а следовать за ним я не могу. И Реми больше всего на свете ценит свою свободу и независимость, они ему дорого достались, очень дорого. Ты не знаешь, через что ему пришлось пройти, чтобы вырваться из когтей черного племени. И они до сих пор идут за ним по пятам, не оставляют в покое, пытаются вернуть. Но он никогда не склонится перед ними. Знаешь, Эйфория, он, Реми, может казаться кротким и уступчивым, но это не так. Он словно стальной клинок в мягких ножнах. У него несокрушимая воля и выдержка, рожденные годами ужасной жизни, такой страшной, что ты не можешь себе представить и малой ее доли. Ты видела шрамы у него на теле, но ты не знаешь, сколько незаживающих ран хранит его душа. В плену у воронов ему было непросто выжить, но еще трудней было не потерять себя, не потерять свою душу. Он сохранил ее в кристальной чистоте среди всей той грязи и бесконечного ужаса, что много лет окружали его. Но теперь я боюсь, Эйфория. Боюсь, что ты стала его единственной слабостью, его уязвимым местом, поэтому берегись. Сердце говорит мне, что грядут трудные времена. И сердце мьюми никогда не лжет. А сейчас приготовься.

С этими словами Королева взяла лежащий на низеньком столике небольшой серебряный кинжал с рукояткой украшенной драгоценной, лучистой звездой — знаком мьюми. До сих пор Эйфи, увлеченная разговором с Ютой, не замечала его и невольно вздрогнула, когда в пламени свечи блеснуло тонкое острие.

— Не бойся, — мягко сказала Королева. — Эту боль можно вынести без труда. Протяни мне свою правую руку.

Эйфория послушалась и Юта сделала на ладони девушки аккуратный разрез, через который тут же начала сочиться алая кровь. Затем мьюми быстро вонзила кончик кинжала в свою ладонь. И когда в ранке показалась ее голубая, мерцающая светом кровь, крепко прижала свою ладонь к ладони девушки. Эйфи почувствовала сначала нестерпимое жжение, так что с трудом удержалась, чтобы не отдернуть руку. Юта начала что-то негромко говорить, закрыв глаза, и жжение стало стихать, сменившись удивительной легкостью в теле и сознании. На какой-то очень краткий миг, Эйфория словно сама стала мьюми, ощутив в себе необыкновенную силу. Закончив читать благословение, Юта разжала ладонь, и Эйфория увидела, что на месте ранки остался крохотный шрам, который едва заметно светился небесно-голубым. Она подняла на Королеву восхищенный взгляд и горячо

поблагодарила ее. Юта лишь устало улыбнулась ей в ответ.

— Вам пора, — сказала она. Они вышли из шатра на берег Зачарованного озера, где Эйфи ждали готовые двинуться в путь Джой и Реми в окружении мьюми. Реми, преклонив колена, прикоснулся губами к руке Юты в прощальном поцелуе, и она, скрывая слезы грусти, коснулась тонкими пальцами его волос. Джой и Эйфория молча поклонились Королеве, помахали руками друзьям-мьюми, пришедшим проводить их, и двинулись прочь. И никто из них так и не заметил тонкую, сотканную из черного дыма змейку, что скользнула за ними, таясь в высокой траве. Скоро маленький отряд миновал лесных стражей и вступил на тропу, ведущую к Вороньему краю, а следы их поглотила ночь.

* * *

— Реми, подожди минутку, — попросила Эйфория, она тяжело дышала, чувствуя, как гудят от напряжения ноги. Позади, обливаясь потом, устало пыхтел Джой, таща на себе тяжеленный рюкзак, где кроме продуктов, лежали еще и подарки от мьюми: несколько рукописных книг со стихами, забавные свистульки, с разными голосами и новый, теплый плащ. Солнце пекло немилосердно, на ясном небе не было даже легкой дымки, что могла прикрыть путников от жарких лучей. Они шли уже несколько часов, преодолев на рассвете перевал и теперь петляя среди скал, опускаясь все ниже и ниже в долину, где могли укрыться и передохнуть в тени дубовой рощи. Реми остановился и с тревогой взглянул на девушку:

— Что такое, Эйфи?

— Нет, ничего. Просто очень пить хочется.

Реми кивнул, и пока Эйфория и Джой утоляли жажду, припав к фляжкам с водой, беспокойно оглядел звенящее от зноя небо. Несмотря на то, что было спокойно и тихо, его не покидало гнетущее чувство, все казалось, что чья-то недобрая воля следит за ними, чей-то злой, черный взгляд прожигает спину. Он несколько раз внезапно оборачивался, ожидая увидеть, как мелькнет позади зловещая черная тень, но видел лишь своих утомленных спутников, серые скалы и чахлые кусты можжевельника с редкими мелкими ягодами. Однако, чувство близкой опасности не отпускало его. Поэтому он стремился как можно быстрее добраться до леса, не давая устроить долгий привал, отдохнуть и расслабиться. Он надеялся, что там в древесной чащобе их будет труднее выследить воронам, не подозревая, что их соглядатай уже следует за ними по пятам, невидимый среди валунов маленький, дымного цвета, камешек.

Наконец, путники вступили под благодатную тень величавых дубов и углубившись в чащу смогли немного перевести дух. Достав из рюкзаков гостинцы мьюми, основательно подкрепились. День перевалил за полдень, от сытной еды, монотонного шелеста листвы над головами, глаза у Джоя и Эйфории начали неудержимо слипаться, они с трудом подавляли зевоту и желание улечься на мягкую, согретую солнцем траву и предаться безмятежному сну. Сказались бессонная ночь и уже пройденный под палящими, солнечными лучами длинный путь. В конце концов, они сами не заметили, как крепко уснули. Реми не стал их тревожить, он сидел, настороженно прислушиваясь к птичьему щебету, шороху травы, различая своим чутким слухом как ворочается на лежанке под старым дубом дикий кабан, неподалеку от них. Так прошло около двух часов, когда Реми очнувшись от глубоких раздумий, принялся будить своих спутников.

— Пора двигаться дальше, — коротко сказал он, с сочувствием глядя как, Эйфория и Джой, с трудом разлепив глаза, пытаются очнуться ото сна. Но прошло еще не так мало

времени пока они смогли окончательно проснуться и подняться на ноги, едва не застонав от боли, скрутившей, утомленные долгой ходьбой мышцы ног. Следующие несколько часов Эйфория запомнила плохо, они все шли и шли по лесной глуши, то продираясь сквозь заросли какого-то кустарника, хватавшего их колючими ветвями за одежду, то обходя покрытые длинным, рыжим мхом валуны, то пересекая светлые, заросшие высокой, пахучей травой опушки. Постепенно могучие дубы сменили стройные, раскидистые вязы и клены. Друзья приближались к убежищу.

Это случилось, когда в лесной тени начали пробуждаться сумерки, а до цели казалось рукой подать. Реми вдруг резко остановился и обернувшись, прислушался, лицо его изменилось и побледнело, став строже и суровее.

— Ты что-то слышишь? — обеспокоено спросил Джой. Реми только молча кивнул, с каждым мгновением становясь все мрачнее и мрачнее. Эйфория тоже прислушалась, затаив дыхание. До нее донесся унылый, леденящий душу, вой, отдаленный, но от этого не менее жуткий.

— Кто это? — спросила она, стараясь сдержать дрожь. — Волки, да?

— Хуже, — ответил Реми серьезно. — Это нирлунги, огромные и беспощадные волки Черных утесов. Они взяли след и теперь ведут охоту. Нам нельзя медлить. Прибавьте шаг, мы должны успеть добраться до убежища.

Были забыты и сон, и усталость, они почти бегом припустили дальше по лесу, их подстегивало грозное завывание хищников, которое раздавалось все громче и громче, все ближе и ближе. Впереди, но еще очень далеко, показался просвет. Там, на большой опушке возвышалось на крепких, каменных опорах древнее убежище, сооруженное предками мьюми, освященное их благодатной силой, с тех пор уже частично утраченной. В последний раз волчий вой раздался буквально у них за спиной. Эйфи почувствовала, как от ужаса вся покрылась холодным потом. Они выбежали из леса и бросились к помосту, до которого оставалось только пересечь поляну. Они пробежали уже половину пути, когда под ноги Эйфории скользнула темная змейка, обхватила петлей щиколотку и дернула, после чего растворилась в воздухе дымным облачком. Громко вскрикнув, девушка, как подкошенная рухнула в траву, обдирая себе ладони об жесткие, сухие стебли золотарника. И одновременно с этим на поляну выскочили два настолько страшных существа, что Эйфи захотелось зажмуриться. Реми, бежавший позади, подхватил ее стремительно и, резко поставив на ноги, закричал:

— Джой, сюда.

И когда Джой с бледным, перекошенным лицом подскочил к ним, выдохнул, сбросив с себя рюкзак и, схватив как дубинку, старый, разряженный дробовик:

— Уходите. Я их задержу.

Джой быстро и неожиданно сильно потащил за собой Эйфи. Она попыталась вырваться, восклицая:

— Нет, Джой! Нет! А, как же Реми!

Но он не отпускал, до боли сжав ее запястье и повторяя на ходу, как заведенный:

— Скорее, Эйфи! Скорее!

Волки, увидев стоящего на их пути Реми, замедлили свой бег и, наконец, остановились, пригнули огромные, страшные морды, вздыбили хребты и жесткую, черную шерсть на загривках, обнажив смертоносные клыки, глухо зарычали. Джой дотащил упиравшуюся Эйфи до помоста и наскоро прочитав слова защитного стиха, повлек ее по ступенькам

наверх. И только, когда они оказались наверху, перевел дух и, не отпуская ее руки, сказал внезапно суровым, строгим голосом:

— Не вздумай кинуться ему на помощь, Эйфи. Ты поняла?

Эйфория не открывала полного слез взгляда от Реми и двух чудовищ, начинавших медленно обходить его с разных сторон.

— Джой! Отпусти меня! — Она снова попыталась вырваться из его железной хватки и наконец закричала, почти обезумев от охватившего ее отчаяния. — Они же разорвут его сейчас. Да как ты можешь!

— Нет, Эйфи! Нет! — заговорил он горячо. — Пойми! Мы только будем мешать ему. Он справится! Он должен справиться!

Между тем заметно стемнело, подул ночной, холодный ветер. Нирлунги покружив вокруг Реми, внезапно бросились на него с двух разных сторон. Но он легко увернулся и отступил к лесу, стараясь увлечь их подальше от убежища. Разозленные звери, прыгнули снова, утробно рыча. Послышался громкий треск, это разлетелся в щепки, разбитый о голову нирлунга приклад бесполезного дробовика, лишь на мгновение остановив атаку зверя. В сгустившихся сумерках было уже не различить деталей схватки. До сидевших на помосте Эйфории и Джоя, долетал только шум борьбы, глухие удары, тяжелый, злобный рык и короткие, резкие возгласы Реми. От напряжения Эйфи дрожала всем телом, напрасно пытаясь разглядеть, что происходит на поляне, пока взошедший над лесом яркий диск полной луны не озарил представшую ее взору страшную картину. Два черных волка бились с существом, в котором Эйфория с большим трудом смогла узнать своего спутника. Охваченный темным, тусклым пламенем, он больше походил на ворона, чем на человека. Эйфи показалось, что она видит огромные, сотканые из темного огня крылья, удары которых сбивали свирепых волков с ног, заставляя их скулить от боли. Реми кружил над ними, не давая подняться, нанося все новые и новые удары, пока трава вокруг не окрасилась обильно волчьей кровью, а на их оскаленных в бессильной ярости пастьях запузырилась ярко-алая пена. Теперь Эйфория уже ясно видела большого черного ворона, вместо юноши, и не в силах вынести этого ужасного зрелища, оттолкнула застывшего в оцепенении Джоя, пораженного преобразованием, спрыгнула с помоста и бросилась к Реми, отчаянно крича:

— Реми, остановись! Пожалуйста, остановись! Я прошу тебя!

Не сразу ее голос долетел до его слуха и проник в отуманенное темным огнем сознание. Он рухнул в траву, рядом с тихо скулящими нирлугами, потом с трудом приподнялся и закричал ей в ответ, чужим, хриплым голосом:

— Стой, Эйфи! Не приближайся.

Она остановилась, потом сделала еще несколько неуверенных шагов, глядя как он тяжело поднимается из травы, как тают за его спиной крылья из темного пламени. Потом не выдержала и побежала к нему, забыв обо всем на свете, с одним горячим желанием, поскорее обнять и прижавшись к его груди, убедиться, что Реми вернулся. Она привела его к убежищу и он, опираясь на ее хрупкое плечо, еле преодолел его невысокие ступени, потом свалился на помост и замер, тяжело дыша. Эйфи влажным платком обтерла ему лицо и руки, стерев волчью кровь. Он не двигался, устремив полный скорбной печали взгляд в припорошенное звездной пылью небо. Джой подсел к Реми и спросил, пристально и настороженно глядя на его застывшее лицо:

— Это, ведь, волки воронов, да? Тебе уже доводилось иметь с ними дело?

— Да, — ответил Реми не сразу. — Доводилось...

Глава 22 Смертельный поединок

Нарг Моргот ощерил в ухмылке острые, кривые зубы:

— Ты сегодня будешь биться в клетке, грязное отродье. Мы подобрали для тебя достойного противника.

Обычно непроницаемое лицо его вдруг оживилось мрачной радостью и каким-то непонятым Реми предвкушением. Готовилось что-то необычное, что-то очень недоброе и сердце сжалось от предчувствия беды. В последнее время Моргот опять стал смотреть на него с подозрением, угрюмо прожигая на поединках пристальным взглядом из-под черных, сведенных к переносице бровей. Здесь было чего опасаться. Ронги никогда не бились в клетке — тесном пятачке земли, ограниченном решетками из прочных железных прутьев. Здесь было место для игрищ взрослых воронов, прошедших обряд, где они забавлялись со своими жертвами. Иногда это были хищные звери из окрестных лесов, кабаны или медведи, а порой скроги, взятые в плен при очередном разбойничьем набеге. Это было дурное место, видевшее столько безжалостных, жестоких убийств, что даже в ясный, солнечный день на нем лежала тень, вызывая дрожь у любого живого существа, кроме самих вронгов, предпочитавших кровавые зрелища любым другим.

Поединок должен был состояться вечером, за час до захода солнца. Так решил Моррис, и день Реми был занят работой на каменоломне. Но на душе его не раз, и не два тоскливо холодело от тревожного ожидания назначенного срока, оно выматывало его сильнее, чем тяжелый, монотонный труд с киркой. Наконец, за ним пришли. Это был Фрай, который только недавно вернулся из пещер врачевания, где приходил в себя после стычки с Реми, а с ним незнакомый вронг. Они дали ему время умыться и ополоснуть водой тело, чтобы смыть каменную пыль и грязь, что было, по его мнению, недобрый знаком. Значит, действительно предстояло что-то по-настоящему серьезное. Он сделал несколько глотков воды, чтобы унять пробудившуюся жажду и смочить пересохшее от волнения горло. Ему хотелось припасть к фляжке с теплой, колодезной водой и выпить ее всю, до капли, но Реми знал, перед поединком не стоит этого делать.

Они привели его к клетке, вокруг которой уже собралась толпа воронов, окружив ее черным, живым кольцом. При появлении Реми шум голосов стих, а затем возобновился с новой силой. Он заметил, что вронги были чем-то возбуждены и на их лицах было то же, что и у Моргота, предвкушение чего-то особенного. Реми привычно разделся до пояса и, ни на кого не глядя, вошел в клетку. За ним сразу закрыли узкую дверь из решетки. Он не успел как следует осмотреться, как на площадку с противоположной стороны вывели высокого, крепкого скрога, закованного в цепи. Его обнаженный торс и руки бугрились мощными мышцами, кулаки были похожи на кувалды, а ноги на прочные железные столбы.

Возможно прежде, подумал Реми, замороженно рассматривая могучего соперника, он был кузнецом, но, скорее всего, воином. Об этом говорили многочисленные отметины на его теле. Наголо обритая голова и железное кольцо на крепкой, бычьей шее, выдавали его теперешнее рабское положение. Глаза пленника горели мрачным, непокорным огнем. Вронги сняли с него оковы и вытолкнули на середину площадки.

— Эй ты, скрог! — заговорил Моргот со злобным весельем в голосе. Он стоял с наружной стороны клетки и по-прежнему хищно щерился. Реми еще не доводилось наблюдать его таким довольным. — Ты видишь этого молодого ворона с белой отметиной в

волосах?

Реми снова посмотрел на Моргота, удивившись про себя тому, что нарг назвал его вороном. Он никогда не называл его так прежде, считая недостойным такой чести. Но уже через мгновение понял, в чем тут было дело. Изборожденное шрамами лицо бывшего воина исказилось от лютой ненависти, он вперил в Реми свирепый взгляд и коротко, недобро усмехнулся. А Моргот продолжил:

— Вы с ним сойдетесь в поединке. В смертельном поединке. Биться будете до конца. Тот из вас, кто выживет, получит свободу.

Скрог смерил Реми презрительным взглядом, звучно плюнул в его сторону, что означало полнейшую недостойность противника, потом недоверчиво взглянул на Моргота и, снова криво усмехнувшись, прохрипел:

— Слишком просто, чтобы походить на правду.

— Слово нарга! — Моргот торжественно поднял левую руку. — Убей его, и мы тебя отпустим. Только один из вас выйдет сегодня из этой клетки живым и свободным. Тебе ведь раньше приходилось это делать. Так ведь, скрог?

— Это — не поединок. Это — казнь, — пробормотал тот. И Реми был с ним совершенно согласен, подумав с острой, болезненной тоской: «Значит, он действительно был воином». Это было очень плохо. Реми знал, что навыки убийцы не помогут этому человеку, но стремясь обрести свободу, он будет биться до конца. Впрочем, расклад и без того, теперь стал для него понятен: «убей или убьют тебя» Он явственно услышал эти слова скарга. Для них это был беспрюирышный вариант при любом исходе, а для него ловушка.

— Что ты такого натворил, щенок, что от тебя хотят избавиться свои же? — заговорил с ним скрог. — А впрочем, мне глубоко плевать на это. Одним ублюдочным вороном меньше, уже стоящее дело. Не бойся, я убью тебя быстро, не стану растягивать удовольствие, хотя и очень хотел бы. Твоя никчемная жизнь слишком маленькая цена за мою свободу. Если только, это порождение демонов ночи не лжет как обычно.

— Я сдержу слово, — прокаркал Моргот, довольный лестным для него сравнением. Он взмахнул рукой: Начинайте!..

...Скрог не сразу кинулся на Реми, они немного покружили по площадке, присматриваясь друг к другу. Впрочем, с лица его не сходила презрительная, даже брезгливая гримаса. Он сделал несколько выпадов, не очень стараясь достать Реми, скорее прощупывая противника, играя с ним. Но Реми уже знал, что будет дальше. Когда он, по мнению соперника, потеряет бдительность, тот нанесет ему страшный, сокрушительный удар, целясь в основание подбородка. Этот прием считался особенно удачным, когда соперник был намного ниже воина, как сейчас, в случае с Реми. Могучая рука уже начала едва заметно подрагивать от нетерпения, ложась на траекторию удара.

Реми не мог не оценить благородства и милосердия противника. Такой удар, нанесенный с должной быстротой и мощью, мгновенно сломал бы ему шею, глубоко вогнав в мозг кости, и все закончилось бы очень быстро. Но у Реми были другие виды на жизнь, он верил, что сумеет выбраться, что его план сработает, и эта надежда поддерживала его в самые безнадежные минуты. Поэтому он отступил поближе к решетке и приготовился, одновременно чувствуя, как стремительно начинает разгораться внутри него темное пламя из черного, постоянно тлеющего уголька гнева и скорби.

Он не ошибся, скрог, перед тем как нанести удар, вдруг изменился в лице, оно преобразилось яростью, с которой он и бросился на Реми. Раздался хруст костей, и скрог

ошеломленно уставился на свой окровавленный кулак, сокрушенный о стальную решетку. Он резко обернулся на спокойно стоящего позади него Реми, не веря своим глазам, и снова кинулся на щуплую, но поразительно подвижную мишень. Реми дал ему немного погоняться за собой по площадке под крики воронов, пока пламя не набрало силу. Он не хотел причинять вреда этому человеку, но понимал, что должен действовать решительно. И когда взбешенный неудачами, слепой от ярости противник вновь пошел на него тараном, он нанес первый удар, чувствуя нарастающее упоение, совладать с которым ему было труднее всего.

Вырвавшись на свободу темное пламя, сгустком незримой энергии, достигло груди скрога даже раньше, чем закаменевший кулак Реми, и легко отбросило назад огромное тело. Он устоял, нелепо взмахнув руками, с удивленным, почти обиженным выражением на лице. Реми не дал ему опомниться и атаковал стремительно, пока растущее в нем напряжение, сходное с гулом, бушующего лесного пожара, не захватило его разум целиком. Скрог был сильным. Его только недавно захватили в плен, и он не успел исчахнуть на тяжелых работах и скудной, плохой еде, положенной рабам. Поэтому он пытался, отчаянно рыча от испуга и боли, не поддаваться напору противника. Но огромные кулаки лупили воздух, не касаясь проклятого ворона, который неуловимой тенью ускользал из-под удара, чтобы безошибочно точным движением ударить самому.

Скоро Реми почувствовал, что начал входить в раж, и когда ощутил за своей спиной грозный шелест черных, призрачных крыльев перерождения, понял, пора заканчивать, пока еще он может это сделать. Он легко, пружинисто подпрыгнул, чтобы ударить сверху и увлекшись не заметил, что задержался в воздухе чуть больше, чем возможно, а крылья внезапно обрели плотность и замерцали грозной тенью, став на мгновение доступными зрению. Среди воронов вдруг воцарилась мертвая тишина, и в этой тишине Реми сокрушил наконец бывшего воина, одним движением то ли руки, то ли крыла, налитого невиданной мощью.

— Да, что ты такое? — с трудом прохрипел скрог, падая на колени. И глядя на Реми широко распахнутыми, голубыми, неяркими глазами, прежде чем рухнуть на землю, выплюнул ему в лицо вместе с кровью. — Проклятый оборотень.

Тяжело дыша Реми отступил от замершего на земле человека, немного постоял, усмиряя темный огонь, вновь загоняя его в тайники души, гася его свирепое пламя воспоминаниями о чистой, ледяной воде ручьев Одинокой горы. Потом тыльной стороной ладони попытался стереть с лица смешанную со слюной кровь скрога, но только сильнее размазал ее, и осмотрелся, пошатываясь от усталости и не понимая, почему вдруг стало так тихо. И почему застыли вдруг в тяжелом молчании все вороны, уставившись на него черными провалами глаз. В клетку протиснулся Моргот, величественно выпрямился, подошел к скрогу и внимательно осмотрел его.

— Добей! — сурово приказал он, но Реми отрицательно помотал головой.

— Ты слышал, что я сказал! — На плечах нарга оцетинились острые угольной черноты перья. — Ты смеешь возражать мне, жалкий червяк. Грязное, предательское отродье! Прикончи его или будешь наказан. Живо!

Моргот грозной скалой надвинулся на Реми, готовый обрушить на него свой гнев. Но Реми дерзко посмотрел ему прямо в лицо, не опуская взгляд, громко и решительно произнес:

— Я не стану этого делать!

Среди воронов прокатился неясный ропот. Лицо нарга почернело от негодования и злобы, глаза загорелись тусклым красным огнем.

— К нирлунгам его! — крикнул он и сделал знак двум рослым вронгам схватить Реми.

Глава 23 Ночь с нирлунгами

Заломив ему руки, они притащили Реми на задний двор крепости, где в каменном загоне, в прочной клетке жили нирлунги, огромные, свирепые волки, самые безжалостные хищники Черных утесов и любимцы Моргота. Даже крупные сторожевые псы горных пастухов, казались бы рядом с ними жалкими щенкам. Их тоскливый, жуткий вой нередко будил Реми ночью, наводя уныние и заставляя кровь холодеть в жилах. Пока же в клетке было пусто, два волка бесновались, запертые в тесной пещере загона, сотрясая ударами могучих тел перегородку.

Вронги впихнули Реми в клетку, сбили с ног, поставили на колени и, вцепившись в волосы, низко пригнули голову. Надели на него тесный ошейник, грубая, сыромятная кожа которого почернела и задубела, впитав в себя немало крови предыдущих жертв, потом замкнули на нем цепь, другой конец которой был прикован к толстому, железному кольцу, надежно ввинченному в грязный, каменный пол клетки, после чего поспешно вышли. Реми услышал за спиной лязг захлопнувшейся мощной двери, протяжный, громкий скрежет, входящего в пазы засова, затем загрохотал ключ, несколько раз поворачиваясь в замке, и Моргот сделал знак вронгам, чтобы они выпустили волков.

Пронзительно заскрипело поворотное колесо механизма, поднимавшего наверх прочный медный щит, заграждавший выход из тесной, мрачной пещеры, где томились два молодых нирлунга, и звери вырвались наружу. Почувяв новую добычу и свежую кровь, они тут же ринулись на пленника. Реми, сидевший на полу клетки в мучительном, напряженном ожидании, стремительно дернулся назад, в попытке уйти от летящих на него хищников и повинувшись скорее инстинкту, чем разуму, но слишком короткая цепь вновь бросила его навстречу оскаленным в рычании пастям. Лицо ему опалило их смрадное дыхание, а смертоносные огромные клыки едва не сомкнулись на запястье его руки, судорожно сжимавшей звенья цепи у самого горла, в тщетной и почти не сознаваемой им попытке оттянуть ее подальше от беснующихся волков, которых удерживали, Реми надеялся, прочные цепи, гораздо длинней его собственной. Сердце в груди грохотало так, что показалось, он сейчас оглохнет, в ушах пульсировало болью. Его выручило то, что нирлунгов также отбросило назад, и они яростно завыли, забив огромными лапами в воздухе.

Реми снова быстро попятился уже не так резко, до предела натянув свою цепь и подобрав ноги. Немного отдышавшись, понял, что только так он был недосыгаем для волков-убийц, возобновивших попытки добраться до него и лязгавших зубами на расстоянии меньше вытянутой руки, так что при желании он легко мог погладить их по свирепым мордам. Но такого желания у него не было.

Сквозь лихорадочный стук сердца, свирепое рычание и голодный вой нирлунгов он услышал чей-то довольный, злорадный смех, а спустя мгновение в плечо его больно ударил большой булыжник. Это развлекался Фрай с приятелями.

— Эй ты, белая падаль, поблей козленочком, повесели своих серых дружков, — заорал он радостно.

Еще один камень просвистел у самого уха Реми, чиркнув его по щеке острым краем. Ссадина тут же засочилась кровью, а звери просто обезумели, беснуясь и загребая лапами, оставляя в каменном полу глубокие царапины своими огромными, железными когтями, и норовя сорваться с привязи. До лица Реми долетали обильные хлопья пены из волчьей пасти.

Их цепи уже не казались ему такими уж прочными, в отличии от той, что удерживала его самого. Несколько камней попали ему в спину, один в голову, пару раз Фрай промахнулся. Реми не шевелился и не реагировал, он крепко обхватил колени руками, уронил на них голову и приготовился провести бесконечно долгую ночь.

Скоро Фраю надоело наслаждаться видом сидящего на цепи врага. Он с удовольствием разможил бы Реми голову камнем побольше, пользуясь его беспомощным состоянием, но без позволения скарга опасался что-либо предпринимать. Поэтому еще немного поторчав с дружками у клетки, исчерпав запас камней и обругав Реми всеми известными ему способами, наконец-то ушел. Моргот ушел еще раньше, с досадой убедившись, что нирлунги не прикончили выродка в первую же минуту и у него есть шанс дожить до рассвета. Конечно, волкам можно было помочь, лишь совсем немного удлинив их цепь, но Моррис запретил, сказав, что мальчишка еще будет нужен. Но нарг все больше сомневался, что им удастся привести Реми к повиновению и заполучить его силу в свое распоряжение. И сегодняшний случай только укрепил его в этом мнении...

... На крепость опустилась ночь, и в ее мраке глаза волков зажглись желтым огнем безумия. Они зорко сторожили каждое его движение, пропуская через оскаленные клыки глухое утробное рычание, стоило ему пошевелиться. Звери лежали, подняв черные, чудовищные морды и вытянув лапы, так близко, что их острые, кривые когти почти касались его босых ступней. Слишком короткая цепь не оставляла ему места для маневра. Он мог только сидеть, чувствуя, как начинает неметь и гнуться шея от тяжести натянутой цепи. Иногда в темном небе над его головой раздавалось хлопанье крыльев и зловещее карканье воронов, отправлявшихся на охоту. Тогда волки снова начинали бесноваться и брызгать в лицо Реми горячей слюной, обдавая его зловонием своих пастей, выть и царапать пол.

Они были голодны, а крики воронов сулили им остатки с пиршественного стола, кровавую пищу, которой можно насытить то, что раздирало им пустые желудки, вызывая слепую ярость и неистовое желание погрузить клыки в мягкую, сочную плоть, которая не только успокоит внутреннего, жестоко терзавшего их, зверя, но и надолго умилюстит его теплой, сладкой кровью. Сидящее напротив существо не было похоже на обычную добычу, молодую козу или дикого горного барана, а то и скрога, вонявшего дымом, громко вопившего, пока в горло ему не вонзались четыре острых костяных кинжала, с наслаждением вырывая из него этот крик, на который никто никогда не отзывался, превращая его в последний сипящий выдох. Это существо было непонятным, хотя на вид и не менее лакомым. От него пахло свежей кровью, вороном и еще чем-то таким, от чего огромным свирепым нирлунгам хотелось скулить как молодым щенкам, задыхаясь то ли от ужаса, то ли от восторга. Оно, это существо было так дразняще близко и все-таки недоступно. Но ничего, скоро оно утомится и уснет, и тогда они прикончат его, принесут в жертву божеству своих утроб.

Реми устало поднял голову, клонившуюся под бременем цепи, и посмотрел в глаза волкам.

— Вы здесь такие же пленники, как и я, — заговорил он и сам поразился тому, как хрипло прозвучал его голос, слова с болью продирались через иссохшее, плотно схваченное жестким ошейником, горло, обжигая едкой, полынной горечью. — Такие же рабы воронов. Но вы еще и звери, любимые игрушки Моргота, его послушные орудия убийства. Что бы вы делали, вдруг обретя свободу? Продолжали убивать? Ведь это в вашей природе, вам неведомо другое, а может и недоступно. А может вам нравится убивать, вы думаете в этом

ваше предназначение, и вы бываете хоть ненадолго счастливы терзая свою жертву. Но возможно, что там, в своей родной стихии, среди громадных мрачных скал Черных утесов, в их сырых пещерах, на лесных тропах, вы стали бы иными. И честная охота не превратила бы вас в кровожадных убийц. Но клетка и Моргот не оставили вам шанса. Мне жаль вас, могучие звери, ставшие цепными псами воронов. Я не хочу такой участи. И мне не обрести свободы даже став зверем. У Морриса и для меня готова клетка и цепь, может лишь чуть длиннее этой, но гораздо прочнее и тяжелей.

Волки, казалось, внимательно слушали Реми, насторожив уши и не двигаясь с места, а когда он замолчал, дружно завyli, задрав морды. Вдруг Реми уловил за своей спиной, за пределами клетки какой-то осторожный шорох, ему послышался тихий вздох, затем приглушенное всхлипывание. Волки зарычали и вскочили, напряженно вытянув шеи. Стараясь не выпускать их из вида, Реми чуть повернул голову и, скосив глаза, увидел прильнувшую к прутьям клетки темную фигуру, в которой не сразу узнал кухарку.

— Реми, — окликнула его Милред шепотом и едва слышно запричитала, горестно зажав рот ладонью. — Ох, Реми-Реми! Проклятый Моргот! Чтоб ему темная фея дорогу перешла, чтоб у него все перья повылазили!

— Уходи, Милред, — тихо произнес Реми. — Тебя могут увидеть.

— Я принесла тебе немного хлеба и воды, мой мальчик.

Реми непроизвольно облизнул пересохшие губы, горячим едва влажным языком. Пить ему хотелось нестерпимо. Темный огонь питался соками его тела, опустошая его и заставляя испытывать мучительную, сводящую с ума жажду.

— Уходи, Милред, — вновь повторил Реми. — Или ты хочешь занять мое место.

— Я не уйду, пока ты не поешь, — сказала женщина, — буду стоять до самого утра и пусть, что хотят со мною делают. Вот, постарайся поймать, Реми. Только будь очень осторожен, не дай этим зверюгам зацепить тебя. Иначе я тоже брошусь к ним в пасть.

Реми тяжело вздохнул и повернул голову, насколько позволяла цепь. От места, где он сидел до решетки, за которой темнел неясный силуэт кухарки было довольно далеко.

— Милред, — позвал он. — Ты ведь взяла с собой веревку?

— Да, мой милый мальчик, конечно. Дай знать, когда будешь готов. Милред некрасивая и старая, но все же не такая глупая, как считают вороны.

Реми едва заметно улыбнулся, пробормотав про себя: «Это точно, совсем не глупая». Он постарался развернуться в ее сторону, чувствуя, как твердые края ошейника режут кожу, потом попросил:

— Милред, сначала воду, пожалуйста.

Что-то просвистело в воздухе и в паре шагов от Реми упала, звучно хлопнув о каменный пол, большая фляжка, в оплетке из ивовых прутьев, привязанная к тонкой, прочной бечевке. Он не смог до нее дотянуться, и Милред пришлось сделать еще немало попыток, упражняясь в меткости под вой и рычание нирлунгов, пока ей не удалось забросить фляжку достаточно близко, и Реми наконец напился свежей, еще хранящей прохладу колодезных глубин, воды. И с каждым глотком он чувствовал, как растут его шансы дожить до рассвета. После чего, Милред в полотняном мешке на длинной веревке закинула ему полкраюшки свежего белого хлеба с тонкой ломкой корочкой. Реми достал наполненный живым теплом хлеб и произнес растроганно:

— Если мы еще встретимся, Милред, я тебя расцелую.

— А я обниму тебя крепко-крепко, мой милый Реми, — прошептала кухарка, вытирая

слезы краем своего фартука. И добавила: — Смотри, сдержи обещание, я буду ждать.

— А теперь, пожалуйста, уходи. Я не хочу, чтобы ты пострадала из-за меня.

Когда Милред ушла, бесшумной тенью пробираясь ночными, черными закоулками крепости в свою каморку возле кухни, чтобы там вволю наплакаться над злосчастной судьбой Реми, он принялся за еду, кое-как стерев с рук уже засохшую кровь скрога, чтобы не осквернять пищу. Но прежде отломил два больших куска, бросил нирлунгам и тут же пожалел об этом, вспомнив, что те не едят хлеба, не едят ничего, кроме свежего, сочащегося кровью, мяса. По углам клетки валялись обломки костей, добела обглоданных нирлунгами и раздробленных их мощными клыками. Внутри у Реми все похолодело, когда он осознал свою ошибку, и то, как за нее придется расплатится Милред.

— Ешьте, — сказал он нирлунгам сурово. Куски белели в сумраке ночи между громадными, волчьими лапами, а из оскаленных пастей на них лежались длинные тягучие нити слюны. — Быть может вам понравится. Или верните мне хлеб, раз вы не так голодны, что отказываетесь от благословенной пищи.

Волки несколько раз моргнули и коротко взвыли, потом вновь оскалили зубы, не сводя с Реми глаз. Прекратив рычать, они нагнули свои страшные морды, понюхали хлеб и, к немалому изумлению и облегчению Реми, в мгновение ока сожрали все до крошки.

— Ну вот, — сказал Реми, невесело усмехнувшись, — я разделил с вами кров, хоть и не по своей воле, а вы поделили со мной хлеб, и теперь не можете слопать меня так просто, без угрызений совести. А сейчас, пожалуйста, дайте мне немного поспать. У меня был очень трудный день. Я обещаю, что не потревожу вас своим храпом.

Волки глухо, угрожающе зарычали, за все это время они ни на шаг не отошли от Реми, карауля каждый его жест. И теперь совсем не собирались оставлять его, но прекратили попытки вцепиться ему в горло или мгновенно схватить за голую лодыжку, попавшую в пределы досягаемости.

— Какие вы упрямые ребята, — вздохнул Реми. Он, сохраняя между ними прежнее расстояние, проверяя его по натянутой цепи, медленно и осторожно опустился на пол, лицом к волкам, и обессиленно закрыл глаза.

Глава 24 Тучи сгущаются

— Отец, тетя Ануш, — сказала Эйфория, заметно нервничая, но не в силах сдержать счастливой улыбки при мысли о Реми, — я хотела сегодня пригласить к нам на обед одного очень хорошего человека.

Они сидели в просторной светлой комнате за накрытым к завтраку обширным столом, где на белоснежной скатерти из дорогого, дарренского полотна возвышались на серебряном блюде пухлые, спелые персики, матово-синие сливы, гроздья сочного, янтарного винограда и даже, редкая в это время года, клубника, источавшая нежный аромат. В изящных чашечках из тонкого, почти прозрачного, костяного фарфора с золотой окаемкой, был налит ароматный чай, на таких же тарелочках лежали горками печенье, тосты с маслом и джемом, отдельно ломтики ноздреватого, спелого сыра с прозрачными каплями росы на срезе, а кроме того, омлет из перепелиных яиц с ветчиной, приправленный пряными травами и порезанный на аккуратные доли. Мужчину, в чьих волнистых, седых волосах еще сохранился рыжеватый оттенок, звали Джоэл Лэптон-старший. Он поднял от газеты свою крупную голову и переглянулся с немолодой, худощавой женщиной, чьи волосы также тускло отливали медью. Она понимающе кивнула и спросила, ласково улыбнувшись, так что от ее светло-голубых глаз побежали к вискам тонкие лучики морщинок:

— И кто же он милая? Как зовут твоего молодого человека? Мы его знаем? Кто его родители?

Эйфория на мгновение смутилась, но потом произнесла как можно спокойнее, стараясь, чтобы голос ее от волнения не пресекался и звучал по-прежнему непринужденно.

— Его зовут Реми, — сказала она чуть веселей, чем нужно, и положила себе на тарелку кусочек сыра с общего блюда и два крохотных тоста.

— Так ты у дедушки с ним познакомилась? — доброжелательно спросил мужчина, но в его цепком взгляде мелькнула настороженность. — Ты еще не рассказала нам, как провела время у него на ферме. Чем занималась? Надеюсь, он не сажал тебя опять на ту бешенную кобылу, которая в прошлом году заставила нас изрядно поволноваться. Я до сих пор холодею от ужаса, когда вспоминаю, как она сбросила тебя, мчась во весь опор, и потом чуть не затоптала своими огромными копытами. Ужасное животное! Зря старый Айно не согласился усыпить ее тогда!

— Отец! — воскликнула возмущенно Эйфория. — Все было совсем не так! Она не мчалась, как ты говоришь во весь опор! А еле-еле плелась шагом. И я сама виновата, что не затянула как следует подпругу, не послушав дедушку. А кобылка очень хорошая и смиренная... И нет, он не сажал меня на нее.

Здесь кончики ушей у Эйфории слегка загорелись и покраснели, и она непроизвольно закрыла их ладонями.

— Мне кажется, детка, ты говоришь неправду, — мужчина с легкой, добродушной укоризной покачал головой. — Ты все-таки каталась на этой несносной и, я настаиваю, просто бешеной лошади.

— Нет, отец, — сказала Эйфория серьезно. Потом опустила взгляд и взяла в руки серебряную ложечку, окунула ее в чай и стала водить из стороны в сторону, с легким звоном задевая края чашки. — Мы познакомились с Реми не у дедушки. Он живет здесь в городе, в доме с оградой из дикого жасмина, на улице...

— Пстой-пстой, — перебил ее Лэптон-старший, ставшим вдруг неприятно резким, подозрительным голосом. — Ты про какого-такого Реми говоришь? Уж не про того ли чужака, что водит людей за живыми камнями?

— Да, — сказала Эйфория, поднимая на отца взгляд, в котором уже не было прежнего смущения и робости. Глаза ее загорелись вызовом и упрямством. — Именно про него.

Тетя Ануш издала громкое восклицание, которое можно было одновременно расценить как испуганное и как возмущенное, кому как больше нравилось. Эйфория предпочла вовсе не обратить на него никакого внимания, по-прежнему глядя на отца своим самым упрямым взглядом. Некоторое время отец и дочь не сводили друг с друга глаз, соревнуясь в выдержке и решимости. Наконец, Лэптон-старший произнес внушительно, насупив густые темно-рыжие брови:

— Ты не должна встречаться с этим человеком. И даже более того, с этого момента забудь о его существовании и больше никогда не упоминай его имя в приличном обществе. И это не просьба. Я запрещаю тебе...

— Почему? — голос девушки зазвенел от обиды. — Почему я не могу с ним встречаться? Он хороший человек. Он очень хороший человек!

— Эйфория! — вмешалась в начинавший разгораться скандал тетюшка. — Послушай, пожалуйста, своего отца!

Лэптон-старший одобрительно взглянул на сестру явно поощряя ее к более активной поддержке. Он хорошо знал по опыту, что с упрямством дочери, если она что-то вбила себе в эту хорошенькую головушку, справиться будет почти невозможно. И обычно, он шел ей на уступки, балуя любимую дочурку. Но сейчас все его естество гневно вскипело от одной только мысли, что его Эйфория могла связаться с каким-то презренным чужаком с окраины, нищим бродягой, которого и человеком то можно было считать с натяжкой. Голос его зазвучал сурово и значительно, взгляд налился холодом и потяжелел.

— Я думаю, достаточно того, что он из чужаков. Дочери советника не годится водить знакомство с подобного сорта отребьем...

— Но он не сделал ничего плохо, — от возмущения на щеках Эйфории запылали яркие пятна румянца. — Что с того, что он чужак. Он уже давно живет в городе. И не называй его отребьем, это нехорошо и несправедливо!

— Успокойся, Эйфория! — он решительно оборвал ее, слегка пристукнув ладонью по столу. — Я неоднократно говорил тебе, чтобы ты обходила чужаков стороной. Сколько бы они здесь ни прожили от них никогда не знаешь, чего ожидать на самом деле. А этот Реми к тому же из племени Воронов, хоть и отрицает свою с ними связь. И пока он ведет себя смиренно и приносит пользу городу, мы позволяем ему здесь жить. Но он должен знать свое место. И место это, отнюдь, не рядом с моей дочерью. А тебе следует вести себя с подобающим нашему положению достоинством. Фамилия Лэптон одна из самых уважаемых в городе, и я не позволю бросить на нее тень какому-то, я подчеркиваю это, какому-то отребью.

Эйфория резко отодвинула от себя тарелку, порывисто встала и вышла из комнаты, громко хлопнув дверью. После ее ухода, в столовой несколько минут висела тяжелая, гнетущая тишина, которую не могли заполнить даже звонкие птичьи трели за окном особняка. Женщина с тревогой смотрела на потемневшее от гнева лицо брата, наконец решилась прервать неловкое молчание замечанием, произнесенным тихим, неуверенным голосом:

— Кажется наша девочка всерьез увлеклась этим Реми...

— Ах, сестра, не говори глупостей! — раздраженно прервал ее мрачный как грозовая туча Джоэл. — Просто очередная блажь! Я должен узнать, где этот наглец ее подкараулил и чем сумел так обольстить. Мне кажется, этого ворона пора посадить в клетку и подрезать ему крылья, он слишком много стал себе позволять...

...

Эйфория бегом поднялась к себе в комнату, прыгая через ступеньки, закрыла на ключ дверь и принялась быстро ходить из угла в угол, время от времени, потирая горевшие от возмущения и досады щеки руками, в надежде немного успокоиться. Ей очень хотелось вернуться в столовую и наговорить отцу кучу неприятных, но, по ее мнению, справедливых вещей. И тем самым окончательно все испортить.

Накануне вечером она переступила порог родного дома после трудного и опасного путешествия за живыми камнями, с губами, еще хранящими на себе сладость долгих, прощальных поцелуев, переполненная радостными надеждами и невероятными впечатлениями, которыми, к ее огромному сожалению, не могла поделиться с домашними.

Для них она провела все эти дни за городом, у деда, старого ворчуна и сумасброда, по мнению Джоэла Лэптона. Старик тоже недолюбливал высокопоставленного зятя, считая индюком надутым, а иногда и просто болваном, но благоразумно молчал, чтобы не ранить чувства своей обожаемой внучки. После смерти семь лет назад единственной дочери и матери Эйфории, он и вовсе замкнулся в себе и удалился на ферму, где стал заниматься разведением лошадей. С годами так и не перестал скорбеть о своей потере, и только Эйфория неизменно вызывала у него на лице прежнюю светлую, лучистую, улыбку. Живостью и даже своенравным упрямством, отзывчивым, искренним сердцем, она напоминала ему юную Иви, чьи яркие серые глаза, сиявшие словно звездочки, в окружении длинных, темных ресниц, она унаследовала.

Эйфория знала, что дедушка, несмотря всю свою к ней любовь, не одобрил бы обмана, поэтому и хотела как можно быстрее открыться отцу и тете, чтобы свободно, ни от кого не таясь, наслаждаться счастьем вместе с Реми. Она только немного боялась, как отец воспримет ее желание встречаться с кем-то вне узкого круга их знакомых. Как оказалось, опасения были не напрасны. Но Эйфи верила, что Лэптон-старший в конце концов смирится и все как-нибудь образуется, еще не подозревая тогда, какие тучи начали сгущаться над их жизнями, предвещая приход жестокой, страшной бури и какую роковую роль уже сыграли в их судьбах ее слова, с таким радостным волнением произнесенные ею за завтраком. Она полагала, что все самое страшное для них с Реми уже позади, ведь они смогли пережить ту длинную и черную ночь.

Тогда на лесной поляне, после битвы с нирлунгами, где Реми едва не обратился в ворона, а потом долго приходил в себя на каменном помосте, защищенном древней благодатью, лежал обессиленный и такой слабый, что с трудом мог двинуть рукой, весь в своей и чужой крови, в отметилах от волчьих когтей, она поняла, что сделает все возможное и невозможное для того, чтобы подарить ему хоть немного счастья и облегчить то тяжелое бремя, что он в себе нес.

Они просидели в убежище всю ночь до рассвета. И эта ночь показалась Эйфории невероятно долгой и мрачной, несмотря на то, что усыпанное звездами небо лило на землю потоки серебряного света, а луна с равнодушной улыбкой еще долго освещала место побоища, рассыпая тусклые блики в лужах застывшей крови. Эйфория не отходила от Реми

ни на минуту, всматриваясь с острой, болезненной тревогой в его бледное, осунувшееся лицо с глубоко запавшими глазами. Время от времени она смачивала свой платок и протирала ему лоб и руки, давала напиток из почти опустевшей фляжки.

Иногда с другого края поляны, где отчетливо видные с платформы, чернели в серой, ночной траве огромные туши нирлунгов, до них доносилось слабое, глухое подвывание, похожее на тоскливый стон. Тогда Реми с усилием открывал глаза и с надеждой вслушивался в эти жуткие звуки, заставлявшие сжиматься от страха сердце Эйфории.

— Если они не доживут до рассвета, — Реми посмотрел на нее странным, тусклым взглядом, который напугал Эйфи больше, чем даже кошмарный вой волков, — для меня не будет дороги назад. Следующее преобразование станет последним. Я чувствую темное пламя в своем сердце, оно не гаснет, оно ждет. Ждет, чтобы пересечь черту и выйти на свободу. Если это случится, Джой, — он возвысил голос, — вы должны будете сразу уйти отсюда как можно быстрее. Оставьте все, кроме живых камней. Ты ведь не растерял их, когда бежал?

— Нет, — хмуро буркнул Джой. Он сидел на краю платформы, свесив ноги, повернувшись к ним устало сгорбленной спиной и безвольно опустив на колени руки.

— Мы не бросим тебя здесь, Реми! — горячо заговорила Эйфория. — Нет-нет! Даже не надейся. Я никуда не уйду, ни за что! Ты же знаешь, от меня не так легко отделаться.

Он только слабо улыбнулся ей в ответ и произнес так тихо, что она едва смогла разобрать: «И что мне теперь делать с этой несносной девчонкой!»

Эйфория, не в силах сдержать набегающие на глаза слезы, осторожно и нежно погладила его по щеке, склонилась и прижалась своими мягкими, прохладными губами к его горячим, в кровь искусанным, губам, покрыла поцелуями его лицо и сказала:

— Мне все равно, даже если ты станешь вороном. Я не оставлю тебя, Реми. Я пойду за тобой куда угодно.

Он покачал головой и ответил с глубокой печалью в голосе:

— Нет, Эйфи, ты не понимаешь. Это буду уже не я, темное пламя сожжет дотла мое сердце и разум. Ничего не будет, кроме черной ненависти и страшной ярости, кроме желания упиваться чей-то кровью и страданием. Это нельзя повернуть назад, как нельзя вернуть кому-то, однажды отнятую жизнь. Ты знаешь, как вороны проходят обряд, чтобы получить дар воплощения и другие темные дары. Они избирают себе жертву, чем выше жертва в их иерархии ценностей, тем более могучие дары ты можешь получить. Но даже одна отнятая жизнь навсегда меняет твою душу... Тот, кто проходит обряд, должен принести скаргу еще живое, трепещущее сердце жертвы. И тогда он пронзает его особым кинжалом и окропляет его кровью будущего ворона, даруя своей властью способность обращаться. Только мне не нужно его разрешение для этого, моя последняя грань, отделяющая от этого безумия и без того слишком тонка. Каждый раз, когда я выпускаю темный огонь на свободу, он становится все сильнее и яростнее. И мне все труднее его усмирить потом. Боюсь, что когда-нибудь я не смогу совладать с его силой и тогда наступит конец.

Реми вновь замолчал, обратив свой взгляд в далекое, темное небо и, наконец, глухо произнес: «Лучше тебе оставить меня, Эйфория! Я не принесу тебе счастья.»

Эйфи взяла его бессильно лежащую на груди руку и поцеловала:

— Нет, Реми, это ты не понимаешь. Единственное для меня счастье — быть с тобой, а все остальное не имеет значения. И я верю, что ты справишься, что вместе мы справимся. Я в этом убеждена.

Никогда еще не ждала Эйфория рассвета с таким нетерпением и надеждой. И когда

небо над кронами деревьев посветлело и начало розоветь, она облегченно вздохнула и сказала:

— Реми, солнце встает.

— Да, — откликнулся он. — Я чувствую это, что-то меняется. Темный огонь уходит. Стало легче дышать и боль в груди стихает.

Он медленно сел, осмотрелся, взгляд его прояснился и посветлел. Потом взял руки Эйфории в свои и уткнулся в них лицом. Она ощутила ладонями жар его кожи, который быстро перешел в обычное живое тепло. Ей хотелось заплакать от радости, что эта страшная томительная ночь закончилась. Наконец Реми поднял голову, несколько раз шумно вздохнул, окончательно приходя в себя и сказал:

— Пожалуйста, разбуди Джоя, нам нужно уходить.

Потом поднялся, сделал несколько неуверенных шагов по платформе, на самом ее краю обернулся и негромко произнес:

— Я сейчас вернусь, Эйфи. Не ходи за мной.

Потом спрыгнул в густую, влажную от росы, траву и быстро зашагал к затихшим в отдалении волкам. Почуввав его приближение, звери попытались зарычать и подняться, но смогли только захрипеть, вздымая израненные бока, их лапы судорожно скребли по земле, выдирая острыми, торчащими когтями клочки дерна.

Сейчас в нежном, золотистом свете раннего утра, Реми заметил то, что было скрыто от него во время схватки мраком ночи, но о чем он уже догадывался. Могучие волчьи шеи обхватывали, сминая густую шерсть, узкие железные ошейники с клеймом скарга. Присмотревшись, он разобрал на их местах залитой кровью поверхности знаки древнего заклятия воронов.

— Я не могу освободить вас, — сказал Реми опускаясь на колени рядом с нирлунгами. — Если я сниму ошейники, заклятье, наложенное на них скаргом, убьет вас. Я знаю, что оно же заставит вас вернуться в крепость, в прежнее рабство к воронам, чтобы и дальше служить им в их черных делах и вести жалкую, недостойную могучих, благородных волков жизнь цепных псов Морриса. Я не хотел и не хочу вашей смерти, не только потому что она принесла бы мне гибель. Но ради вас самих. Быть может, и для вас придет час освобождения, и вы еще сможете найти дорогу к свету. Вы помните мальчика, который разделил с вами хлеб? Может и нет, но я почему-то думаю, что все же помните. И еще я почему-то чувствую свое родство с вами. Может потому, что наши судьбы так похожи. Я вас прощаю, черные волки Черных утесов. И вы простите меня. Я лишь защищал то, что мне дороже жизни.

С этими словами Реми наклонился и поцеловал волков в огромные лбы, жесткая шерсть которых была покрыта запекшейся кровью. Потом он легко поднялся и не оборачиваясь ушел, чтобы вернуться в мир, где надеялся найти свое предназначение и где уже нашел ту, что покорила его сердце с первого взгляда. А вслед ему еще долго раздавался протяжный, тоскливый вой нирлунгов, будя воспоминания о прошлом.

Глава 25 Подозрения Моргота

Нарг Моргот в мрачных раздумьях поднимался по щербатым, гранитным ступеням парадной лестницы крепости в покои Верховного ворона. Этот мальчишка, племянник Морриса, выродок предателя Реннера, он начал все сильнее беспокоить его, особенно после того, как стал участвовать в поединках. Лживый, дерзкий, грязный щенок с позорной белой отметиной, он что-то задумал. Тяжелые, смутные подозрения отравляли наргу ночи и дни, заставляя пристально следить за каждым движением Реми на ристалище.

Нарга и раньше не покидало чувство, что тот только прикидывается, что участвует в боях, используя всю свою силу. Этот поединок со скрогом, нарг очень надеялся, что могучий противник прихлопнет Реми как гнусного таракана. Он вынудил грязное отродье открыться и показал всю недооцененную ими опасность. Скарг был прав, то, что скрывалось в этом тощем теле превосходило все, с чем до сих пор приходилось сталкиваться наргу, а он знал немало сильных бойцов. С этим скрогом и взрослому ворону пришлось бы повозиться, прежде чем прикончить, а гаденьши справился с ним играючи.

Моргот бы не поверил, если бы не увидел своими глазами, как на краткое время мальчишка обрел крылья из темного пламени, которое вдруг опалило душу нарга страхом. Этого он тоже не мог ему простить, как и того, что Реми открыто пошел против его воли. При этом Моргот ясно различил еще полыхающий в его глазах яростный, сумрачный огонь. Возможно, нирлунги уже этой ночью помогут ему избавиться от выродка, но не следовало полагаться на такую призрачную удачу. Поэтому Моргот решил, что пришло время поговорить с Верховным вороном...

— Я знаю, что ты хочешь мне сказать, — промолвил скарг восседая за столом, уставленном кушаньями. Он сделал плоток вина из большого золотого кубка, отделанного черным ониксом. — Я видел поединок. И я впечатлен. Этот тупица Отрис не соврал, сказав, что Реми едва не обернулся вороном, когда чуть не убил Фрая голыми руками.

— Я тоже видел на что он способен. И он становится опасен. Его сила будет прибывать, сейчас ему только шестнадцать. А что будет, когда он вступит в возраст?

— Я все продумал, Моргот. Не нужно больше поединков, мы выяснили все, что хотели. До обряда у него не будет возможности использовать свою силу, железо не даст ему это сделать, даже если он попытается.

— Ты думаешь, этого будет достаточно? — Моргот с сомнением покачал головой.

— Пока он не пройдет обряд — да, вполне. А потом я смогу удержать его на цепи своей власти. Но если он станет для нас бесполезен, мы его казним. Мы должны получить эту силу Моргот, она должна принадлежать нам целиком и полностью. Реми должен понять, что единственный путь для него подчиниться нашей воле, чтобы исполнять ее. И мы найдем способ добиться этого.

— Как скажешь, Верховный!

Моргот низко поклонился и вышел ничуть не успокоенный...

...Первые лучи восходящего солнца озарили нежным, розовым светом темные, угрюмые углы волчьей клетки, позолотили толстые, черные прутья решетки. Ее грубая тень накрыла собой черноволосого юношу, почти мальчика, крепко спящего на грязном каменном полу. От прочного кожаного ошейника, сжимавшего ему горло, к большому железному кольцу тянулась короткая, туго натянутая цепь. По обе стороны кольца, вделанного в пол, на

огромных, вытянутых лапах с кривыми торчащими когтями, покоились страшные, словно ночной кошмар, волчьи головы. Глаза нирлунгов были закрыты, бока вздымались равномерно и едва заметно, но хвосты были напряженно выпрямлены, а уши чутко подрагивали, ловя каждый, даже самый незначительный шорох, слушая глубокое, спокойное дыхание лежавшего почти у самых их пастей, существа, в котором было что-то настолько странное, что свирепые, голодные волки, не решились будить его своим рычанием. И остаток ночи провели рядом, иногда погружаясь в неглубокую, настороженную дрему. Такими и застали их вронги, когда пришли за Реми.

В руках у воронов были длинные, прочные дубинки, достаточно тяжелые, чтобы с одного удара проломить даже самый твердый череп. Укоротив цепи, они загнали злобно рычащих нирлунгов в пещеру и закрыли их там, после чего вошли в клетку, храня на лицах мрачное и суровое выражение. Один из вронгов ткнул дубинкой в Реми, которого не разбудила даже их возня с волками, он спал, крепко сомкнув веки. Тогда другой ворон несколько раз сильно пнул его в бок. И когда Реми наконец с усилием открыл глаза, резко прокаркал:

— Поднимайся. Быстро.

Он молча сел, охваченный мгновенно пробудившимся волнением, после чего один из вронгов разомкнул цепь у кольца и скрутил ей руки Реми. Его удивило их поведение, они бросали на него короткие, быстрые взгляды, полные острой неприязни и какой-то непонятной Реми опаски, держа наготове дубинки, словно имели дело с диким, хищным зверем, а не с вронгом, который едва начал входить в возраст. Эти меры предосторожности с их стороны показались ему странными, ведь он никогда прежде не проявлял агрессии вне поединков, кроме случая с Фраем. Реми давно уже понял, насколько это бесполезно. Бессмысленным сопротивлением он только ухудшал свое и без того непростое существование.

Подталкивая дубинками, вронги повели его на верхние ярусы крепости, и он понял, что его ведут к Моррису. Значит, Верховный решил заняться им сам, что, впрочем, было не удивительно, после того, что Реми натворил, осмелившись возразить Морготу, да еще и при старших воронах. Несмотря на ранний, утренний час, у Морриса горел в камине огонь, на окнах драпировались плотные шторы, спадавшие на пол тяжелыми складками, а по углам большой, роскошно обставленной залы прятались ночные тени, было сумрачно и душно. Скарг подошел к Реми, несколько секунд внимательно его рассматривал и, словно выполняя какую-то скучную обязанность, влепил ему две увесистые пощечины, процедив сквозь зубы:

— Опусти взгляд. И утри кровь. Ты забываешься. Ты смеешь поднимать глаза не только на нарга Моргота, но и на меня.

— Да, скарг Моррис. Простите, — сказал Реми ровным голосом. Он покорно склонил голову и попытался унять связанными цепью руками кровь, текущую по подбородку из разбитых губ.

Скарг удовлетворенно кивнул и уселся в свое золоченое кресло, на вершине высокой спинки которого красовался эбеново-черный ворон, распростерший огромные крылья, вместо глаз у него горели зловещим красным цветом крупные дымчатые рубины.

— Теперь ответь мне, — проронил скарг, не сводя с Реми тяжелого, пристального взгляда, — почему вчера на поединке ты не добил своего противника? Ведь, ты слышал, что приказал Моргот.

Реми с трудом сглотнул вязкую, соленую от крови, слюну, тесный, кожаный ошейник,

который вронги так и не сняли с него, вдруг сдавил ему горло с новой силой. Он тяжело, сокрушенно вздохнул, стараясь, чтобы голос его при ответе звучал как можно более искренне.

— Простите, Верховный ворон, я... Я не смог. Я оказался не готов и проявил слабость...

— Скажи мне, Реми, — сказал скарг вкрадчиво, выдержав по своему обыкновению многозначительную паузу, — ты все еще хочешь пройти обряд, чтобы стать настоящим вороном?

— Да, скарг Моррис, я хочу пройти обряд. С вашего милосердного позволения.

— И ты знаешь, какое тебя ждет наказание, если ты не выполнишь все его условия?

Реми побледнел, но ответил решительно и без колебаний:

— Да, я знаю это.

— Хорошо, я окажу тебе такую милость, — скарг не смог сдержать самодовольной улыбки. — И вот еще что!.. Ты, очевидно, полагаешь, что проведя ночь в клетке с нирлунгами, ты искупил свою вину. Не тешь себя напрасной надеждой. Ты был наказан всего лишь за дерзость и неуважение, которые проявил к своему достойному учителю.

— Достойному мучителю, — не удержавшись, подумал Реми, но на лице его при этом отразилась только заученная почтительность.

— Твой проступок гораздо серьезней, — продолжал между тем Моррис. — И ты знаешь об этом. Ты выказал неповиновение, наглое, недопустимое неповиновение. Ты — грязное, презренное отродье низкого предателя, тебе гнусному выродку из милосердия позволили жить, а ты посмел возвысить голос и проявить непокорность. Я не могу оставить этот гнилой росток бунтарства без внимания и вынужден принять меры, чтобы искоренить его из твоего сердца. Так вот, ты должен был прикончить этого жалкого скрога. Но ты не сделал этого, а значит, займешь его место в общей яме среди рабов, этих презренных отбросов, до тех пор, пока я не решу, что пришло время проходить обряд. И ты получишь все, что им причитается: удары плетью, оковы, железное кольцо на шею. Ты знаешь, для чего оно? Скоро узнаешь. И ты должен будешь усердно трудиться, Реми, чтобы заслужить себе кусок плесневелого хлеба и поток гнилой воды. Надеюсь, это научит тебя благодарной покорности и укрепит в решении поступать впредь правильно.

Тут Моррис вновь ненадолго замолчал, буравя Реми тяжелым взглядом. Затем тонко улыбнулся и произнес с оттенком злорадства в голосе.

— Но я решил оказать тебе еще и особую милость.

При этих словах Реми невольно содрогнулся. Он предпочел бы совсем не знать милостей скарга, не суливших ему ничего хорошего. А уж особая милость и вовсе обещала быть особенно недоброй. Скарг снова довольно ощерился, обнажив по-волчьи острые зубы, и произнес:

— Ты не лишишься своих прекрасных, черных волос, которые я мог бы назвать великолепными, если бы не эта безобразная белая отметина, которая напоминает о той дурной крови, что течет в твоих жилах.

При этих словах Реми захотелось обреченно вздохнуть. Он не ошибся, милость скарга на самом деле означала, что скроги будут считать его вороном, что сильно осложнит ему пребывание среди них. Теперь каждый из скрогов будет стараться выместить на нем общую ненависть этих несчастных созданий, оказавшихся в цепких когтях черного племени. Но Реми лишь сказал:

— Я благодарен вам за оказанное мне милосердие.

— А теперь, — произнес Моррис повелительно возвысив голос, — поблагодари меня так, как подобает в твоём новом положении. На колени!

Чуть помедлив, Реми опустился на колени и низко склонив голову произнес все тем же ровным голосом:

— Благодарю господина за милость, оказанную мне, недостойному рабу.

Моррис стремительно поднялся, в глазах его блеснул тусклый, багровый пламень, он быстро приблизился к Реми и сильно ударил его по лицу, так, что он едва устоял на коленях.

— Ты должен был сказать моего господина, неблагодарный раб! Усвой, наконец, я — твой хозяин и повелитель! И хорошо запомни еще несколько несложных правил. Отныне ты не смеешь заговорить по своей воле в присутствии свободных воронов без разрешения хозяина. Тебе запрещено поднимать взгляд на любого свободного ворона, а также дерзко стоять. Ты должен выражать свою покорность и свое рабское состояние, опускаясь на колени в присутствии любого из нашего племени и оставаться так, пока тебе не позволят встать. И пока я не решу по-другому, ты будешь рабом, для которого есть только воля хозяина. Ты меня понял?

— Да, мой господин, — глухо промолвил Реми, не поднимая низко опущенной головы, угрюмо глядя как на серые мраморные плитки пола капает его кровь с кровоточащих губ, собираясь в темную, блестящую лужицу. Моррис не пожалел усилий в стремлении вколотить в Реми новые правила покорности. — Я вас понял.

— Ну вот, — удовлетворенно прокаркал скарг, усаживаясь обратно в кресло и неторопливо расправляя складки своего черного плаща. — Ты, начинаешь понимать, как должен вести себя. Я доволен. Уверен, пребывание среди скрогов пойдет тебе на пользу.

Он громко хлопнул в ладоши и в зал вошли два прежних вронга с дубинками.

— Разрешаю тебе встать, — сказал Моррис, изобразив при этом на лице отеческую улыбку. И обращаясь к воронам добавил своим самым веселым тоном. — В яму его, к скрогам. И заковать.

Глава 26 Среди скрогов

Прежде чем отправить Реми к другим рабам, его отвели в кузницу, где скрог из местных, незаметно усмехаясь в черную окладистую бороду и бросая на него осторожные, любопытные взгляды, сковал ему цепью руки и ноги, а кожаный ошейник заменил на железный с клеймом самого скарга. Это означало, что отныне Реми является личным рабом Морриса и скарг имеет право не только делать с ним все, что захочет, но и лишить его жизни, когда заблагорассудится. К ошейнику крепилась еще одна цепь, которая могла быть использована как поводок, если раб сопровождал своего хозяина, или для других не менее практических целей. А кроме того, железная табличка на которой надзиравший за рабами ворон выцарапывал особые отметки, если был чем-то недоволен. По ним стража определяла какому наказанию подвергнуть после заката провинившегося невольника, днем ему полагалось трудиться, не отвлекаясь ни на что другое. Табличка Реми быстро заполнялась.

Яма была довольно тесной и глубокой, со стенами из грубого, холодного камня, поверхность которого изобиловала острыми изломами и бугрилась выступами. В этом был особый, воспитательный смысл, который Реми постиг на собственной спине, когда в первую же ночь его приковали к ввинченному в стену кольцу, укоротив цепь на железном ошейнике так, что он не мог ни встать, ни лечь, ни отодвинуться подалеже от стены, и был вынужден провести ночь пытаясь хоть как-то устроиться на неровностях камня. К утру его обнаженная спина была покрыта синяками и кровоточащими ссадинами.

Вместе с Реми в яме находилось еще около сорока скрогов, большей частью крепких, здоровых мужчин, вернее некогда крепких и здоровых. Сейчас это были изможденные, со следами страдания на лице люди. После нескольких лет, проведенных в неволе у воронов, моральные и физические силы пленников истощались, они уже не могли работать как прежде, а значит становились бесполезны. Тогда их отправляли либо в клетку к нирлунгам, либо на потеху к вронгам. А вороны отправлялись в людские селения за новой добычей.

Цепи на узниках никогда не снимались, по утрам в яму опускали шаткую деревянную лестницу, по которой рабы, подгоняемые плеткой, выбирались наружу, где, встав на колени, ждали пока их не соединят общей цепью, чтобы бодрой трусцой гнать на работы, в каменоломни, на рудники, копать землю, чистить ров, окружающий крепость, или валить деревья и таскать бревна. Кормили два раза в день: в полдень и вечером, перед тем как отправить в яму. В подставленные рабами ладони кухонный скрог звучно шлепал ложкой из грязного закопченного котла полусырое варево из старых овощей и залежалой крупы, которое готовил тут же на костре. Пить из узкого, деревянного корыта, стоявшего на земле, можно было только с позволения вронга, выполнявшего обязанности надсмотрщика. В день на всех полагалось около ведра воды, что было явно недостаточно при тяжелом, изнурительном труде, поэтому скроги не брезговали лужами, когда могли до них добраться.

На ночь яму закрывали решеткой, которую запирали на замок, а если хотели наказать рабов, то сверху еще и деревянным щитом с плотно подогнанными досками, тогда в яме воцарялась могильная тьма и очень быстро становилось нестерпимо душно.

К появлению среди них Реми, скроги-рабы отнеслись с враждебной настороженностью. Реми слышал, как они шептались между собой ночью: «Что делает здесь этот чужак? Он слишком похож на ворона. Он точно из их проклятого племени. Посмотрите, ему даже не сбрили волосы. Они черны как ночь. Хорошо бы прикончить хотя бы этого выродка». Они

бросали на Реми полные застарелой ненависти и злобы взгляды. Если он пытался заговорить с ними, плевали ему в лицо. Как-то раз под покровом ночи, несколько скрогов набросились на него с кулаками и долго били. Когда в яме рабы устраивались на ночлег, устало валясь вповалку на пол, где было слишком мало места для всех, Реми неизменно оттесняли в ноги, к самой стене, где ему приходилось лежать, вжимаясь в острые камни. При этом кто-нибудь из скрогов старался пнуть его побольнее. Они ругали и поносили его постоянно, так словно он не разделял с ними все тяготы и невзгоды рабского состояния, а наказаниям подвергался даже чаще, чем они. Это не отменяло того, что он был для них вороном, на котором они могли выместить свою бессильную ненависть. Но постепенно к нему привыкали и отношение менялось не на дружелюбное, но хотя бы менее враждебное. Тогда Реми, по распоряжению Морриса, переводили в другое место, у воронов была не одна такая яма. И все начиналось с начала.

Реми стойко переносил выпадающие на его долю испытания, кротко сносил все издевательства как от воронов, так и от товарищей по несчастью. Никогда не отвечал на оскорбления, молчал, когда другие принимались роптать и громко жаловаться на судьбу. Он понимал, что скарг неспроста отправил его к рабам, где мог держать Реми в оковах сколько угодно долго, не боясь, что тот захочет применить свою силу, так неосторожно раскрытую им в поединке. И Реми знал, что не сможет этого сделать, даже если бы захотел, железо мешало воронам обращаться. Порой при виде чужих страданий, в нем поднималось мрачное, темное пламя, грозя всесокрушающей вспышкой, но железо держало в оковах не только Реми. И он стал опасаться, что когда-нибудь это пламя выжжет его изнутри.

Проходили неделя за неделей, казалось Верховный ворон, отправив его к рабам, забыл про Реми, но это было не так. Скарг внимательно слушал, все, что каждый день доносил ему Раггис — ворон-надсмотрщик, часто недовольно хмурился при этом и коротко бросал со злобой:

— Никакого снисхождения...

Зато наведаясь Фрай, он не мог упустить такого приятного зрелища, как сидящий в яме среди рабов Реми, надежно закованный в цепи. Фрай упивался этим зрелищем, льющим целебный бальзам на незаживающие и кровоточащие раны его самолюбия. Он долго насмехался над тем, кто однажды преподал ему хороший урок, и стоя на краю ямы кидал в Реми камни, целясь большей частью в голову. Он развлекался так, пока не пришло время закрывать отверстие решеткой. Да и потом не забывал про своего бывшего подопечного, донимая издевками.

В один из дней рабов отправили трудиться над укреплением рва вокруг крепости, где они обтесывали огромные черные валуны, добывая их на каменоломне поблизости. Волоком, через лес, тащили к месту, чтобы затем выкладывать из них толстую, прочную стену над глубокой и широкой канавой, заполненной мутной водой, такого нездорового цвета, что даже мучимые жаждой скроги не решались сделать плоток, боясь усилить свои страдания еще и нестерпимой болью от кишечного отравления. Сами вороны опасаясь попусту потерять партию работоспособных невольников, пригрозили, что утопят в ней любого, кто посмеет лишь прикоснуться к воде. День был жаркий, все выбивались из сил. Реми и еще несколько скрогов только что приволокли, используя прочные, толстые канаты и деревянные жерди, большой неровный формы камень, с которым им пришлось изрядно повозиться, с огромным трудом двигая его под гневные окрики ворона Раггиса, который без усталости размахивал плетью, хлесткими ударами подгоняя «этих копошащихся бездельников».

От воды поднимался тяжелый, гнилостный запах, от него было трудно дышать и делалась мутной голова. Притомившись орудовать плетью Раггис отошел подальше от вони, в тени, под раскидистый куст орешника, где с удобством расположился и принялся закусывать, попутно услаждая и подкрепляя себя глотком-другим можжевельного вина. Реми, пользуясь минутой, устало прислонился к камню, чтобы хоть немного перевести дух, и прижался горячим, влажным лбом к его твердой поверхности, чувствуя, как исполосованную хлыстом спину немилосердно жгут лучи полуденного солнца.

— Эй ты, фарга, опять бездельничаешь. А ну, подойди сюда, ленивая скотина! — услышал он позади себя до тошноты знакомый голос. Реми медленно обернулся. Так и есть, Фрай стоял неподалеку на лесной просеке, самодовольно и нагло усмехаясь. — Я тебе говорю, белая падаль.

Реми пришлось повиноваться. Он склонил голову и, привычно придерживая руками цепь, чтобы ее тяжелые звенья не били его по ногам, двинулся к Фраю. Остановился в паре шагов от него, и стал ждать, что будет дальше, не надеясь, впрочем, ни на что хорошее.

— Ты, что, — разгневано закричал вдруг Фрай, подскочив к нему. — Забыл кто ты есть? Забыл, как должен стоять перед свободным вороном?

Реми покорно опустил на колени, желая лишь одного, чтобы Фрай, вволю натешившись, быстрее убрался отсюда подобру-поздорову, и не появлялся как можно дольше, а еще лучше совсем. При этих мыслях Реми почувствовал, как от внутреннего жара стало трудно дышать, как напряглись мышцы в стремлении удержать пробуждающееся пламя. Он глубоко вздохнул, и тут Фрай, размахнувшись, сильно ударил его по лицу. Голова Реми дернулась, он пошатнулся, на смятую, пожухлую траву брызнула кровь, а левый висок запульсировал болью. Фрай снова неторопливо, с удовольствием размахнулся, чтобы вмазать как следует еще раз, но тут Реми внезапно поднял голову и в упор посмотрел на него пристальным, сумрачным взглядом. Рука Фрая, занесенная для удара, замерла в воздухе, он вдруг застыл, не смея отвести глаза. Потом медленно опустил руку, судорожно моргнул, отступил на несколько шагов и завопил, как будто даже заикаясь:

— С-стража! Эй-эй, с-стража, сюда!

И Реми понял, что Фрай боится его. Боится, пожалуй, также сильно, как и ненавидит. Его, стоящего перед ним на коленях, в оковах, и все равно боится. Он опустил взгляд только, когда позади раздались торопливые шаги и Раггис, недовольный тем, что его потревожили, ворчливо произнес:

— Ну, что за вопли. Фрай, ты переполошил всех жаб в этом болоте. Что еще случилось?

— Эта белая падаль осмелилась дерзко смотреть на меня! Он угрожал мне, свободному ворону! Этот раб! Он грозился мне темным огнем! — возбужденно закричал Фрай. Он потрясал в воздухе руками, брызгая в негодование слюной, но не приближался к Реми, продолжавшему безучастно стоять на коленях и размышлять про себя: надолго ли удалось отвадить Фрая и чем придется заплатить за возможность обходиться какое-то время без его утомительных визитов.

— Ладно, ладно, не шуми, он будет наказан, — сказал ворон, зевая. И выцарапывая на табличке Реми очередную метку, пробурчал. — Вечно с этим грязным, ленивым скотом покоя нет.

Потом пнул Реми в спину коленом, и проорал: А ну, хватит прохлаждаться, поднимайся. Живо за работу.

Вставая, Реми скосил глаза и посмотрел, что за метку поставил Раггис, потом тяжело

вздыхнул про себя: ему предстояло получить еще десять ударов плетью и провести ночь, прикованным к стене с плотным мешком на голове. Ну что ж, уныло подумал Реми, могло быть и хуже...

...Прошло несколько месяцев, население ямы за это время сильно поредело, кого-то доконал непосильный труд, кого-то жестокие наказания, еще десяток скрогов умерли от истощения и болезней, подхваченных в сырой, промозглой яме, по которой беспрепятственно хлестали холодные, осенние дожди. Так бывало и раньше, никто из рабов не жил здесь долго, самые выносливые могли продержаться от силы лет пять, если не часто подвергались наказаниям, а также имели крепость духа, помогавшую переносить страдания и не сойти с ума, что нередко случалось среди рабов. Но в этот раз они решили, что это Реми, будучи вороном, навлек на них мор и усугубил их несчастья. Его нечеловеческие стойкость и терпение, вызывали у скрогов изумление и зависть, а еще суеверный страх и новые приступы ненависти. «Конечно, — говорили они, — он же из другого теста. Он из этого черного племени, проклятый ворон. Наверняка, ему помогает какая-то дьявольская, воронья сила, иначе он давно бы сдох.» Они громко проклинали и ругали его, не упуская повода ударить из-под тишка. Реми ничего не отвечал на это, он всем сердцем жалел несчастных, замученных рабов. У него была надежда выбраться отсюда, у этих людей не было даже надежды. Они могли обрести свободу от тяжких, опостылевших оков, только покинув свое брренное тело.

Как-то ночью, Реми проснулся от чьих-то мучительных, полузадушенных стонов. Он открыл глаза и своим обостренным зрением разглядел висящего на цепи скрога, которого недавно бросили к ним в яму. Это был еще молодой парень, здоровый, но сильно напуганный и потому неуклюжий. Он чем-то провинился днем и ему назначили наказание, которое здесь называлось «счастливый сон висельника», когда раба на продолжительное время подвешивали за цепь на ошейнике к решетке, так что он касался пола только кончиками пальцев. И был вынужден стоять так в мучительном напряжении, не имея возможности помочь себе даже руками, заключенными в оковы. Сам Реми не один час провел в таком положении. Он приподнял голову и всмотрелся, парень явно простоял так уже долго и силы его были на исходе. Ноги у него дрожали и подгибались, несколько раз он оступался и повисал всей тяжестью на цепи, начиная хрипеть и задыхаться. По лицу его катились слезы отчаянья, снова и снова он пытался устоять на трясущихся от напряжения ногах, и что-то шептал в перерывах между стонами. Проснулся кто-то из скрогов и начал ворчать, что своими воплями он мешает им спать, а чуть свет их снова погонят на работы. Но парень ничего не слышал, он был готов лишиться чувств, чем, возможно, подписал бы себе смертный приговор.

Реми приподнялся и осторожно, стараясь не греметь цепями и не привлекать к себе внимания, стал пробираться между крепко спящими скрогами к парню. Приблизившись, он опустил на четвереньки, тронул его за ноги и подставил свою спину, чтобы тот мог опереться на нее. И когда тот встал ему на спину, тихо охнул от навалившейся тяжести.

— Спасибо, — едва слышно прохрипел парень, переводя дух. — Кто ты? Я тебя не вижу, проклятый ошейник мешает. Как тебя зовут, друг?

— Это неважно, — тихо ответил Реми. — Как отдохнешь, продолжай иногда стонать, чтобы страж тебя слышал. Иначе он решит, что ты освободился и укоротит цепь.

— Хорошо, — прошептал парень. — Ты ведь не бросишь меня.

— Нет, — ответил Реми, чувствуя, как хрустит позвоночник под бременем крупного

тела, — не брошу.

Когда парень отбыл наказание, то увидев, кто ему помогал, в испуге отшатнулся. Смущенно отвел глаза, не сказав Реми ни слова, отполз в сторону и отвернулся от него. Реми не винил его за это, он понимал, что даже этот человек, разделяя общую ненависть, не мог не видеть в нем ворона, но на душе у него стало очень горько...

Зиму Реми вместе с другими рабами провел в руднике. В открытых ямах, ни один из них не встретил бы весну. Там, запертые в глубоких шахтах, они при тусклом, чадном свете масляных ламп, а чаще всего в кромешной тьме, по несколько недель прикованные к одному месту, с ногами, забитыми в колодки, почти на ощупь дробили кирками золотоносную породу, которую поднимали наружу.

Наверх он вышел в начале весны, по особому распоряжению скарга. И хотя была глухая, безлунная ночь, Реми едва не ослеп от света звезд, он показался ему нестерпимо ярким. От свежего, влажного воздуха, еще пахнувшего недавним снегом, внезапно закружилась голова, он несколько раз споткнулся и едва не упал. На глазах у него заблестели слезы, он уже не чаял ощутить на своем лице дуновение ветра. И хотя было оно еще по зимнему обжигающе-холодным, после мрачной духоты рудника и того, что ему довелось там пережить, оно показалось Реми нежным и ласковым, как прикосновение материнской ладони. Когда тащившие его на цепи вронги, свернул к крепости, Реми понял — время пришло, и душа его затрепетала от волнения. А сердце в предчувствии того, что предстояло, зашлось одновременно от радости и от боли.

Глава 27 Реми исчез

Эйфория присела на кровать, в волнении стиснув руки, и задумалась. После неудачного разговора с отцом за завтраком, она все никак не могла успокоиться. Лэптон-старший редко выходил из себя и даже втайне немало гордился своей железной выдержкой, снискавшей ему среди подчиненных репутацию человека холодного и жестокого, способного, не моргнув глазом окончательно и бесповоротно решить чью-то судьбу, невзирая на мольбы и слезы, при этом не меняя ровного, равнодушного тона голоса. Только с любимой дочерью он позволял себе такую слабость как ласковая улыбка и приветливый, добродушный тон, уступая ее капризам и прихотям. Но сейчас Эйфория уловила в его глазах ледяной, суровый блеск и была неприятно поражена резким тоном, обидными, несправедливыми словами и тем, как гневно исказилось и покраснело, обычно невозмутимое лицо отца. Забыть о Реми! Да разве такое возможно даже и представить, особенно после всего что было с ними в этом удивительном походе.

Эйфории нестерпимо захотелось сейчас же вновь увидеть его, обнять, заглянуть в лицо и услышать его голос, вдохнуть его запах, ощутить силу и надежность его объятий. Она уже вскочила, чтобы тут же отправиться в старый дом на Тенистой улице, но в дверь негромко, уверенно постучали и, когда Эйфи открыла, в комнату вошел, сохраняя гордую осанку, Джоэл Лептон.

— Эйфория, милая, я бы хотел с тобой поговорить, — начал он, осторожно примостившись в мягкое кресло, с нежно-зеленой шелковой оббивкой, стоявшее напротив ее кровати. Этот изящный предмет мебели, привыкший к более утонченным фигурам, недовольно затрепал под его тяжестью. — Ты поступила невежливо, не дослушав и не приняв во внимание мои доводы против этого знакомства. Но я тебя вполне понимаю. Ты еще очень молода, не знаешь жизни и потому легкомысленно относишься к таким серьезным вещам. Ты хочешь ввести к нам в дом этого молодого, гхм... человека. Но что ты знаешь о нем? Где ты с ним познакомилась? Вас кто-то представил друг другу? Расскажи мне, дорогая, чем так привлек тебя этот юноша, что он тебе наобещал?

Эйфория недоверчиво посмотрела на отца, пытаюсь понять, что скрывается за этим любезным тоном и маской заботливого внимания. Ей очень хотелось облегчить себе душу, все рассказав, и тем самым убедив отца изменить отношение к Реми, но ее останавливал холодный блеск его глаз. Она медлила с ответом и поэтому Джоэл, вздохнув, заговорил снова.

— Мне неприятно и больно сознавать, Эйфория, что ты не хочешь открыть мне, твоему отцу, свое сердечко. Ты знаешь, как я люблю тебя, дорогая, и все, что я хочу — это видеть тебя счастливой, довольной и радостной. После смерти мамы ты отдалилась от меня, завела новых друзей, с которыми проводишь время, не ставя меня в известность. Я с терпением отношусь к этому, милая. Я понимаю, что сам виноват, что уделяю тебе не все свое внимание, но поверь, ты — самое дорогое, что у меня есть. И ради твоего счастья и благополучия я готов на многое.

— Отец, — воскликнула Эйфория, растроганная проникновенной речью Лэптона-старшего. Не часто она слышала от отца, постоянно занятого делами и сдержанного в проявлении чувств, такие откровенные слова. В ее сердце запылал яркий огонек надежды. — Я тоже очень тебя люблю и так рада, что ты решил меня все же выслушать и понять. Как

только ты узнаешь Реми поближе, узнаешь какой он отважный, добрый и заботливый, ты полюбишь его также как и я. И если ты хочешь видеть меня счастливой, то не буду скрывать: все мои мечты о счастье связаны с только с ним. Он...

— Довольно, Эйфория, — внезапно прервал ее изливания Джоэл, с неудовольствием наблюдая, как загорелись восторгом глаза дочери, а щеки запылали румянцем восхищения. — Я вижу, что ты всерьез очарована этим... юношей. Мой долг отца заботиться о твоём благополучии и безопасности. Это тяжелая ноша, но я готов ее нести. И готов оберегать свою дочь даже от нее самой. Боюсь, что сейчас ты не можешь оценить своего блага, но со временем будешь мне только благодарна.

С этими словами он поднялся и быстро вышел. Эйфория успела заметить гневную складку у него между бровей и услышала, как он пробормотал со злостью: «Какой прохвост!» Она тоже вскочила и бросилась к двери, но было уже поздно. Несколько раз повернулся в замке ключ и шаги отца стали удаляться. Эйфи забарабанила в дверь кулачками и закричала:

— Сейчас же выпусти меня! Отец! Ты все равно не сможешь держать меня здесь вечно!

Лептон-старший, услышав эти крики, остановился на лестнице, ведущей со второго этажа дома, и мрачно пробормотал, стиснув в руке ключи от комнаты дочери: «Так долго и не понадобится, милая.» Потом угрюмая, гневная складка между бровями разгладилась, лицо его обрело прежнее невозмутимое выражение, он спустился на первый этаж, в просторный, отделанный светлыми деревянными панелями, холл, дал распоряжения прислуге и сестре, затем собрался и вышел из дома, лишь на секунду помедлив на крыльце от внезапного помутнения в глазах, словно перед его взором мелькнула чья-то черная тень...

... Первый час Эйфория в ярости металась по комнате, колотила в дверь руками и ногами, кричала, чтобы ее немедленно выпустили или она сотворит, что-то ужасное, подбегала к окну и высунувшись долго изучала расстояние до земли, прикидывая, хватит ли ей простыней, чтобы выбраться из собственной комнаты, где она внезапно стала самой настоящей узницей. Ах, если бы перед ее окном росло высокое, раскидистое дерево, с крепкими, толстыми ветвями, самые надежные из которых проходили бы как раз вровень с подоконником, чтобы она могла подобно юркой белке соскочить с него и бежать туда, куда так стремилось ее сердце и где были все ее помыслы. Но деревья, старые, умело обрезанные садовником, яблони и несколько черемух, росли с другой стороны дома и никак не могли быть ей полезны в данный момент. Окно же ее комнаты выходило на восточную сторону, где открывался прелестный вид на крыши соседних домов и кусочек улицы за ажурным кованым забором. Под самым окном была разбита большая клумба с чайными розами, аромат которых будил ее по утрам вместе с первыми солнечными лучами.

Эта нарядная комнатка, под самой крышей их большого дома, такая всегда уютная и любимая, сейчас показалась Эйфории тесной, душной ловушкой из которой она непременно должна выбраться, даже рискуя сломать себе шею. Отец не имел никакого права запираť ее так бесцеремонно, она совершеннолетняя и может делать все, что хочет, не спрашивая на то, его позволения. Конечно, как любящая дочь она должна почитать своего отца и все такое, но как, скажите на милость, это сделать, когда с тобой поступают так несправедливо, так вопиюще несправедливо. Так обмануть ее доверие. А ведь она была готова уже все рассказать ему о походе, и о живых камнях, и о том, что собирается пройти Посвящение. Она видела чудо рождения живых камней, держала их в своих ладонях, а Реми держал ее руки в своих ладонях, и от этого сердце Эйфи билось сильнее, чем от всех чудес Благословенного

края. И живые камни не навредили ей, напротив, они подарили ей мгновения такого невероятного счастья, что Эйфория порой сомневалась, что это было на самом деле.

Все эти мысли крутились в голове девушки, пока она кромсала крошечными серебряными ножничками свою белоснежную батистовую простынь, жалея, что под рукой нет более прочного полотна, чтобы сплести веревочную лестницу достаточной длины. Эйфория провозилась с этой затеей довольно долго и наконец соорудила нечто, по ее представлениям похожее на средство призванное выволить ее из заточения. Закончив, она подбежала к окну и сбросила смотанную в клубок лестницу вниз. Потом разочаровано вздохнула, простыни хватило только на половину пути к прекрасным, но очень колючим кустам. И выглядел результат ее стараний как-то до обидного жалко и совершенно ненадежно. Эйфория смотала обратно лестницу и осмотрелась в поисках чего-нибудь подходящего, чтобы проложить себе путь к свободе. Она распахнула шкаф и стала увлеченно рыться на полках, выбирая что еще можно пустить в расход, как вдруг позади нее раздался встревоженный голос тети:

— Эйфория! Что ты делаешь, милая?

— Ах, тетя Ануш, — отмахнулась раздраженно Эйфи, — не мешай, пожалуйста. Мне нужно что-нибудь такое...

Тут она обернулась и увидев открытую дверь, не говоря больше ни слова, выбежала прочь. Тетушка только покачала головой глядя ей вслед...

... Завидев в конце длинной Тенистой улицы знакомую красную крышу, крытую старой черепицей, Эйфория ускорила шаг, предвкушая скорую встречу. Затем остановилась, пригладила руками волосы, жалея, что впопыхах не прихватила расческу, отряхнула пыль с длинной светлой юбки и постаралась успокоить дыхание, заставлявшее, в сердечном, радостном волнении, часто вздыматься ее высокую грудь. Калитка была распахнута настежь и висела на одной петле, печально поскрипывая под порывами свежего ветра, словно откинута грубой, сильной рукой. Это показалось Эйфории странным, но торопясь увидеть Реми она не придавала тому должного значения. Легко взбежав на крыльцо, она постучала в дверь, нетерпеливо приплясывая на месте и вглядываясь в тускло блестящие цветные стеклышки, ожидая его появления. Не сразу за дверью послышались неуверенные шаги и за стеклом замаячила чья-то тень. Человек подошел к двери, но не спешил открывать.

— Реми, — закричала Эйфория, снова постучав. — Это я, открой, пожалуйста.

Наконец, дверь распахнулась и на пороге возник Джой, красный и почему-то сильно смущенный. Он молча втащил ее в дом и закрыл за ней дверь. Потом также ни слова ни говоря, опустив голову и как-то странно сгорбив плечи, пошел по коридору в комнату. Эйфории не понравилось, как выглядела его спина, как у сильно виноватого или расстроенного человека. Ее мгновенно окатило тревожным холодом.

— Джой, — позвала она, следуя за ним по пятам. — Что ты здесь делаешь? А где Реми? У тебя все в порядке? Почему ты молчишь?

Они вошли в комнату, и Эйфория остановилась, пораженная до глубины души. Обычно у Реми было очень чисто и прибрано, на подоконниках и столе высились аккуратные стопки книг, в старомодном шкафу хранились его скудный гардероб и походное снаряжение, на полках стояло несколько цветочных горшков и снова книжные томики. Сейчас все это было сброшено на пол, разорвано и растоптано, тетрадные страницы, исписанные знакомым ей почерком засыпаны землей и залиты чернилами, карандаши переломаны, его любимые книги разорваны по корешкам и ветер, залетавший в открытое окно, шевелил на полу

обрывки страниц, на которых виднелись чьи-то пыльные следы. Эйфория в ужасе посмотрела на Джоя и прошептала побелевшими губами:

— Где Реми? Это сделали вороны? Да, Джой? Они напали на него здесь? Но как?

Джой тяжело вздохнул, отвернулся и отошел к окну, еще больше поникнув плечами. Потом произнес не поворачиваясь, глухим, несчастным голосом:

— Нет, не вороны. Его забрала утром городская стража. Я знал, что ты придешь, поэтому решил дожидаться тебя здесь.

— Но что случилось, Джой? — голос ее задрожал от близко подступивших слез, готовых вот-вот прорваться. Эйфория продолжала с недоумением и ужасом рассматривать учиненный стражами разгром. — Почему его забрали? За что?

— Я не знаю, — Джой развернулся, перестав наконец созерцать за окном все тот же безмятежный пейзаж, очарование которого без Реми значительно поблекло. — Он отдал мне вчера живые камни, и как мы договорились я отнес их к источнику Посвящения, чтобы сдать на хранение и сегодня получить в городской управе оплату. Вот, кстати, возьми. Здесь твоя доля. Реми сказал, чтобы я разделил на всех троих поровну, хотя он и добыл почти все камни. Ну так ему и труда нет их ловить. Ты ведь заметила, что они сами к нему липнут.

Джой протянул ей небольшой полотняный мешочек, по виду довольно тяжелый, где что-то негромко брякало. Но Эйфи отшатнулась от него, взглянув на Джоя так, словно он совал ей не деньги, а змею, по меньшей мере ядовитую гадюку с распахнутой в оскале пастью. Джой смущенно кашлянул, покраснел и положил мешочек на стол, потом продолжил:

— А Брант, ну тот, что заведует казной, он и говорит, что видел, как Реми вели в городскую каталажку. Он тоже не знает, что случилось и спрашивал меня. Я ответил ему, что мы только вернулись из похода и все прошло благополучно. Я не стал им говорить, Эйфория, что было там на самом деле. Ведь все вроде обошлось и живых камней теперь у города достаточно, чтобы Посвящение состоялось. Может это какая-то ошибка.

Эйфория молча опустила на стул, тот, что не так сильно скрипел, и прикусила в волнении палец. Мысли ее металась как раненые птицы, сердце билось в тревожном болезненном ритме. Она покачала головой, пробормотав:

— Нет, это просто невозможно. Он не мог так поступить. Никогда...

Потом смахнула набежавшие слезы и произнесла решительно:

— Я должна увидеть Реми.

— Нет, Эйфи! Нет, подумай, как это будет выглядеть. Что скажет твой отец, когда узнает!

— Отец! — воскликнула Эйфория, лицо ее запылало, а в глазах зажегся очень злой, нехороший огонек. — Что ж, он что-то скажет, наверное. Вот только буду ли я его теперь слушать. Все, Джой, пропусти меня.

Но Джой, заступив ей дорогу, не спешил отходить в сторону, схватил за руки и сам не свой от беспокойства, забормотал:

— Нет-нет, Эйфория! Пожалуйста, будет лучше, если я сам схожу, узнаю в чем там дело. Тебе не нужно идти, послушай меня.

Но Эйфория с упрямым, сердитым выражением лица, молча стряхнула его руки, обошла стороной и быстрыми шагами направилась к выходу, но у самой двери задержалась, подобрала грязную, порванную тетрадь с записями Реми, собрав все до единого листочки, и только после этого ушла. Джой с досадой пристукнул по столу крепко сжатым кулаком и,

немного постояв в тяжелом напряженном раздумье, двинулся вслед за Эйфорией, не забыв плотно прикрыть дверь в разгромленное жилище.

...В узкое, забранное решеткой окно, лился неяркий вечерний свет, бросая на противоположную стену красноватый отблеск, с каждой минутой все больше тускневший. Реми лежал на голой, каменной скамье, закинув руки за голову и наблюдал, как гаснет день. Час назад его посетил человек из управы и сообщил, что Город больше не нуждается в его услугах и завтра на рассвете он, по распоряжению губернатора, должен покинуть пределы этих земель без права на возвращение. Ему также запретили перед уходом куда-либо заходить и с кем-либо видаться. До границы края его доставят стражи, а пока ему надлежит находиться под замком, как лицу, чья благонадежность вызывает серьезные сомнения. Посетивший его чиновник также добавил внушительно, что в случае, если после выдворения, он будет вновь замечен на территории города или в окрестностях, его объявят опасным для общества преступником, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В чем заключалась вина Реми, человек из управы не считал нужным ответить.

И теперь Реми в сотый раз перебирал в уме, что из событий последних недель могло послужить поводом для изгнания. Но вместо ответа, каждый раз перед его мысленным взором вставал образ Эйфории. С тоской и печалью он думал, что вряд ли им суждено увидаться хотя бы еще раз, что чувства их едва зародившись уже должны быть убиты разлукой. И что вспыхнувшая в нем надежда на счастье оказалась всего лишь мимолетной улыбкой судьбы, а радостные ожидания сгорев, рассыпались пеплом.

За дверью его темницы послышались чьи-то приглушенные голоса, затем в замок вставили ключ и со скрипом повернули. Реми приподнялся, гадая кому в такой поздний час он обязан визитом. Дверь медленно приоткрылась и в помещение, уже погруженное в сумерки, скользнула невысокая, закутанная в темный плащ фигура, а следом страж. Он зыркнул на Реми глазами, искривив в усмешке губы, затем негромко произнес, обращаясь к посетителю и одновременно заталкивая себе за пазуху что-то похожее на пухлый кошелек, с характерным звяканьем монет: «Пять минут, дамочка. Дальше нельзя». Потом неслышно выскользнул за дверь.

— Реми! — Эйфория, а это была она, не стала терять ни секунды и первым делом кинулась ему на шею, заключив в крепкие объятия. И половину отведенного времени они без сожаления потратили на долгий, жаркий поцелуй. Наконец, оторвавшись от ее сладко дурманявших сознание губ, он произнес озабочено:

— Эйфи, тебе не следовало приходить сюда.

— Так ты не рад меня видеть? — она вскинула на него ярко блестящие от слез глаза.

— Нет-нет, что ты! Очень рад. Я уж и не мечтал увидеть тебя еще раз. Боюсь только, что у меня плохие новости. Не понимаю, как так вышло, но на рассвете мне предписано покинуть Город и эти земли без права на возвращение.

— Я знаю, Реми, милый. Я что-нибудь придумаю, обязательно что-нибудь придумаю, — она снова обняла его, прижавшись к груди и порывисто вздохнула. — Он еще пожалеет об этом.

— Кто он, Эйфи? — Реми слегка отстранился и внимательно взглянул ей в глаза. — О ком ты говоришь?

— Об отце, — Эйфория вновь спрятала лицо у него на груди. — Это из-за него ты сейчас здесь, но...

— Нет, стой, — Реми вновь уклонился от объятий и взяв ее обеими руками за плечи

пристально посмотрел в глаза. — Ты же рассказывала, что живешь на ферме с дедушкой, что у тебя больше нет родных. А сейчас ты утверждаешь, что твой отец виноват в том, что я здесь. Как это понимать? Почему ты раньше ничего о нем не говорила? Кто твой отец Эйфория? И почему он хочет выдворить меня из города?

— Советник Лэптон, — опустив голову, едва слышно прошептала Эйфи, стремительно покрываясь краской. — Он считает, что мы не должны быть вместе, что чужаку не место рядом с его дочерью.

— Советник Лэптон, — растерянно пробормотал Реми, отступая от девушки. — Ну, конечно. Близкий друг губернатора и мэра города, среди первых людей городской управы... Да как же ты могла, Эйфория.

Он смотрел на нее потрясенным взглядом, в котором смешались горечь внезапного понимания, боль и разочарование.

— Так значит, все это время ты лгала мне? Зачем?.. Зачем, Эйфи? Ответь мне, пожалуйста. А впрочем, нетрудно догадаться. Чтобы я взял тебя в поход за живыми камнями, чтобы исполнил твой каприз? Ты ведь не привыкла к отказам, верно? И жизнь других не имеет при этом для тебя значения, особенно таких как я, пришлых чужаков. Ведь так, Эйфория? Тебе, наверное, стало скучно в твоём благополучном мире. Ты получила, что хотела, ты довольна?

— Реми, прости меня, — Эйфория не в силах вынести этот его взгляд, опустила голову и спрятав лицо в ладонях, горестно зарыдала. Глубокий стыд и раскаянье охватили ее в один момент. Он снова отступил от нее и сказал потерянно:

— Иди домой, Эйфория. Тебе здесь не место.

Отворилась со скрежетом дверь и стражник, просунув в проем голову, пробурчал торопливо:

— Все, дамочка, вам пора! Не ровен час, кто из начальства заглянет.

Эйфи всхлипнула и умоляюще взглянула на Реми:

— Пожалуйста, прости меня. Я не могу тебя потерять. Только не это. Я так люблю тебя.

Он посмотрел на нетерпеливо переминавшегося в дверях стражника и сказал с глубоким, тяжелым вздохом:

— Да есть ли в твоих словах хоть доля правды... Если тебе нужно мое прощение, Эйфория, то не волнуйся. Я прощаю тебя. А сейчас иди домой, пожалуйста.

Но Эйфи стремительно приблизившись к нему, порывисто обняла и горячо зашептала на ухо, не обращая внимания на недовольное ворчание стражника:

— Да, Реми! Да, я врала тебе, потому что боялась. Боялась, что ты не захочешь иметь со мной дела. Но то, что я люблю тебя всем своим сердцем, всей своей душой — это самая настоящая, истинная правда. Вспомни, я была с тобой в стране мечты, а ведь это должно что-то значить. И в поход я пошла только потому, что хотела быть к тебе ближе. И мне все равно, что другие называют тебя чужаком, для меня нет никого ближе и лучше тебя. Теперь ты можешь презирать меня за обман, и за то, что я разрушила сама того не желая, твою жизнь. Но я не перестану любить тебя никогда. И я обязательно, что-нибудь придумаю, Реми, чтобы все исправить. Вот увидишь! Пожалуйста, поверь мне! Пожалуйста! А иначе, я не знаю зачем мне тогда жить.

— Ох, Эйфи! — только и смог сказать он в ответ, не в силах противиться искреннему порыву девушки. — Несносная ты девчонка.

Когда Эйфория ушла, на прощанье закрепив примирение торопливым, но очень пылким

поцелуем, Реми вновь опустился на узкую, неудобную скамью. Он ничего не мог предпринять до утра, а значит следовало набраться терпения, все хорошо обдумать и найти какой-то выход из этой непростой ситуации. Так, в раздумьях он и задремал, уже глубокой ночью. Но сон его был тревожен, в него проникало далекое воронье карканье, заставлявшее его беспокойно метаться на жестком, каменном ложе. Ему опять снилась воронья цитадель, прошлое не отпускало своего пленника.

Глава 28 Последнее испытание

В крепости Реми отвели в большой каменный сарай, где вороны иногда держали пленных, прежде чем определить их дальнейшую судьбу: обычно тех, кто покрепче отправляли в ямы, чтобы затем использовать как рабов, кого-то могли прикончить сразу, просто за дерзкий взгляд, молодых женщин отделяли и уводили в купальни, где по несколько дней затем шли игрища для взрослых воронов. Тех, кто не пригождался в купальнях ждала тяжелая, черная работа на кухне и в прачечных. Также отдельно содержали тех, с кем можно было позабавиться, устроив представление в клетке. Как правило, это были опытные в военном деле скроги. Их закрывали поодиночке в небольших помещениях с прочными засовами на дверях. В одну из таких клетушек, где не было ничего кроме голых каменных стен, стражи и засунули Реми. Приковав его к кольцу в стене, они вышли, заперли крепкую железную дверь и унесли с собой огарок свечи, погрузив помещение во тьму. Реми был даже рад, что вронги и не подумали оставить ему свет, причинявший нестерпимую, резкую боль глазам, привыкшим к могильной тьме рудников, где царила вечная ночь, и неделю за неделей он проводил в сплошном мраке, вращая вместе с другими рабами тяжелый деревянный барабан механизма, поднимавшего наверх руду или отбивая ее киркой в глубоких штольнях, действуя почти на ощупь.

Оставшись один, Реми встал с колен и подошел к маленькому, не больше двух его ладоней окошку, прорубленному под низким потолком, радуясь, что длины цепи хватает это сделать. Закрыв глаза, он с наслаждением вдыхал холодный, свежий воздух, пил его всей своей душой, истомленной теснотой штолен, где рабы, запертые в каменных норах глубоко под землей, порой едва могли дышать. Потом осторожно открыл глаза и прищурившись с жадностью стал всматриваться в клочок темно-синего, бархатного неба с двумя крохотными звездными блестками, чувствуя томительную тоску по его безбрежному простору. Он так засмотрелся, что когда услышал скрип отворяющейся железной двери, не сразу смог оторваться. Потом обернулся и увидев входящего в клетушку скарга, опустил голову и снова встал на колени, с невольным трепетом ожидая, что тот ему скажет.

Моррис подошел к Реми, на котором кроме цепей были только похожие на лохмотья штаны, и не скрывая удовлетворения, оглядел его. Заметив покрывавшие истощенное, грязное тело рубцы и кровоподтеки, среди которых было немало свежих, довольно ухмыльнулся и произнес:

— Я вижу, что не зря отправил тебя к скрогам. Надеюсь, это краткое время послужило исправлению твоего характера, и ты как следует усвоил все преподанные тебе уроки.

Реми молча склонил в поклоне голову, не поднимая взгляда, его ослепил свет, принесенной скаргом толстой свечи в большом медном подсвечнике, вновь вызвав нестерпимое жжение и резь в глазах. Он знал, что с наступлением утра и восходом солнца, боль усилится и он скорее всего совсем ослепнет на какое-то время, пока воспаленные от напряжения глаза не привыкнут к яркости дня. Но если его хоть немного оставят в покое, он мог бы держать их плотно закрытыми в самые светлые, дневные часы, спрятав под густыми прядями отросших волос.

— Я полагаю ты догадываешься, — заговорил Моррис, закончив осмотр, — зачем я распорядился перевести тебя сюда. Через два дня, вместе с другими ронгонками, вам предстоит пройти обряд, чтобы стать воронами. До тех пор побудешь здесь, чтобы

подготовиться. Тебя Реми, не буду скрывать, ждет особая судьба, особое предназначение, которые я для тебя определил. Оковы перед прохождением обряда с тебя снимут, но железное кольцо останется, чтобы ты не забывался. После обряда получишь новое с моим знаком Верховного ворона, которое и будешь носить постоянно, в залог твоей преданности мне и в определении твоего особого статуса, который я тебе милосердно дарую.

Здесь скарг сделал многозначительную паузу и Реми вновь покорно склонил голову в благодарном поклоне, сдержав закипающий в нем гнев, который будил темное пламя. Он уже давно догадался какую особую судьбу предназначил для него Моррис и что ждет его после прохождения обряда. Скаргу никогда не нужен был свободный Реми-ворон, он не для того сохранил ему жизнь. Ему нужен был рабски покорный ему Реми-ворон, которого он бы мог держать на цепи, выпуская лишь для того, чтобы тот исполнял черную волю своего господина. Дальнейшая речь скарга только подтвердила его догадку.

— После обращения, Реми, ты будешь подчиняться мне, как твоему хозяину, и никому больше. И только в моем присутствии ты должен будешь вставать на колени, пока я не разрешу тебе подняться. И тебе также следует хранить молчание, пока я не распорядюсь по-другому. Ты все понял?

Реми кивнул. Глаза скарга полыхнули алчным, тусклым пламенем, он растянул в хищной ухмылке тонкие синеватые губы, обнажив острые волчьи клыки и произнес с наигранным добродушием:

— Если у тебя есть какое-нибудь желание или ты хочешь поблагодарить меня, твоего господина, за оказанную милость, можешь сказать. Я разрешаю. Только будь краток.

Реми открыл рот и сначала не смог произнести ни звука. За прошедшие месяцы он едва ли сказал вслух более десяти слов, и гортань его также отвыкла от речи, как глаза от света. Он с горечью подумал, что скарг постарался лишить его даже этого. Наконец, сделав болезненное усилие, он смог заговорить, не сразу овладев голосом, который с непривычки показался ему чужим и нестерпимо хриплым.

— Я недостоин милостей моего господина, — смиренно проговорил Реми, не поднимая, склоненной в поклоне головы. — Но прошу позволить мне перед прохождением обряда омыть свое тело водой, чтобы, очистившись от грязи прошлого, приступить к таинству обращения.

Скарг подозрительно уставился на коленопреклонного юношу, чье лицо скрывали длинные черные волосы с белой сияющей прядью.

— Это все чего ты хочешь? — с сомнением спросил он, несколько удивленный странной просьбой.

— Да, мой господин, — ответил Реми, сердце у него в ожидании ответа стучало быстро и тревожно.

Моррис надолго замер в раздумье, размышляя, что могло скрываться за этой на первый взгляд невинной просьбой, потом вкрадчиво произнес:

— Посмотри на меня, Реми.

— Я не смею, мой господин, — ответил он.

Тогда скарг приподнял за подбородок его голову, вынудив откинуть волосы. И приблизив к нему горящую свечу, внимательно, с пристрастием всмотрелся в его серое, изможденное лицо, с воспаленными, красными веками. Реми невольно зажмурился. От яркого пламени свечи глаза заломило болью, из-под сомкнутых ресниц потекли ручейки слез, оставляя в каменной пыли, вьющейся в кожу, светлую дорожку. Несмотря на мучения,

которые причинял ему свет, Реми немного приоткрыл глаза, сохраняя на лице выражение обреченной покорности. Наконец, удовлетворившись осмотром, скарг проронил:

— Хорошо, я окажу тебе милость. Перед прохождением обряда ты получишь такую возможность. Ты сказал, что хотел, теперь вновь держи рот закрытым. И запомни как следует, на колени ты должен вставать сразу, как заслышишь мои шаги, а не когда уже видишь меня. Ты понял? А чтобы ты лучше усвоил новое правило, я разрешаю тебя подняться только, когда эта свеча догорит до конца. Крат проследит за тобой.

Моррис поставил свечу напротив Реми и вышел, отдав распоряжение стоявшему у двери вороноу, вооруженному тяжелой, длинной дубинкой. Свеча погасла лишь через несколько часов, когда утро было уже в разгаре и солнечные лучи, пробившись в маленькое окошко, принялись выжигать ему глаза сквозь плотно зажмуренные веки. Тогда Реми опустил на пол, забившись в самый темный угол и отвернувшись к стене, уснул.

К удивлению Реми, скарг сдержал обещание, и когда истекли два дня, которые узник провел взаперти, постепенно привыкая вновь смотреть на мир широко открытыми глазами, ранним утром его отвели к колодцу, где сняли оковы и под бдительным надзором стража, не выпускавшего из рук цепь от железного ошейника, ему позволили вымыться. Он сделал это с давно забытым наслаждением, смывая с себя грязь рудников, пот и кровь, очищая тело от нечистоты и мрака прошедших в рабстве месяцев, готовя его к предстоящему испытанию. Вода всегда давала ему силы, омывала своей чистотой и прохладой его душу, укрепляла и вселяла надежду, помогала хранить воспоминания о белоснежных ледниках и сияющей снежной вершине Одинокой горы, его колыбели. Она оживила в его памяти светлый образ матери и укрепила в намерении идти до конца, чтобы вырваться из цепкой, удушающей хватки воронов. И был только один путь на свободу, страшный, темный, узкий и опасный, как лезвие ножа, и лежал он через Обряд обращения в ворона.

Он не знал откуда пришли к нему эти мысли, может из тех странных снов, что иногда ему снились. В них он снова был ребенком, в их старом доме на склоне Одинокой горы, сидел за светлым сосновым столом и читал какую-то черную книгу. От нее веяло злом, древним злом и вместе с тем необъяснимой, суровой силой. Он страшился ее читать, и когда переворачивал очередную страницу, душу его охватывал сильный трепет, заставлявший пресекаться дыхание и замирать сердце. Но тот, кто был с ним в комнате, Реми никогда не мог потом, после пробуждения, вспомнить, кто это был, побуждал его читать дальше. Перевернув последнюю страницу, он просыпался в холодном поту с сильно бьющимся сердцем и долго лежал без сна. Он никогда не помнил ничего из того, что прочел в этой черной книге, лишь одна страница ярко пламенела в его памяти, каждым своим словом причиняя боль. Именно она подсказала ему путь, следуя которому он мог обрести свободу, но чем оканчивался этот путь было скрыто от него тьмой неизвестности. Но Реми не видел для себя другого выхода. И какой бы исход не ждал его на этом пути, то что готовил для него Моррис было во сто крат ужасней.

Для исполнения задуманного Реми нужны были все силы, которые он мог собрать в своем измученном теле и возможность хоть ненадолго укрыться от недоброго, пристального надзора воронов. И он надеялся, что такая возможность у него будет.

Солнце высоко поднялось в небе, осветив своим ликующим светом опущенный первой, весенней зеленью лес. Раскидистые, древние дубы, окружавшие крепость Воронов, посвежели после зимнего сна и казались уже не такими угрюмыми и мрачными, солнечные зайчики скакали по их морщинистым шкурам, расцветивая золотистыми пятнами.

Протянутые во все стороны словно в немой мольбе, черные, скрюченные ветви с юной, неудержимо рвущейся в рост листвой, тихо покачивались под порывами свежего западного ветра. Этот же ветер доносил до Реми запахи влажной земли, прелой лесной подстилки из прошлогодних листьев, аромат молодой травы, устилавшей поляну пока еще редкими, невысокими куртинками. Солнечные лучи ласкали нежным теплом его лицо, плечи и грудь, омывали и согревали своим сиянием, но внутри у него все словно смерзлось в сплошной ледяной ком.

Он и другие ронги, те кому предстояло пройти обряд обращения в воронов, стояли на лесной опушке в глубине колдовского бора в ожидании начала охоты. Все были сосредоточены и серьезны, без обычных задиристых криков и выходок. Под грозным взглядом Моргота ронгонки, а всего их, не считая Реми, было тринадцать, выстроились в ряд. С самого начала нарг приказал Реми отойти в сторону к низкому, каменному столбу на котором лежали узкий, костяной кинжал похожий на длинный вороний коготь с нанесенными на него знаками обращения, и железный ошейник с клеймом скарга и высеченными по окружности словами древнего заклятья подчинения. От него исходило едва заметное зеленоватое свечение, того неприятного, мертвенного оттенка, какой можно увидеть у болотных огней, что пляшут в ненастные ночи над гибельной трясиной, заманивая путников. Реми знал, кому скарг предназначил этот подарок, и при взгляде на него, ощутил, как вновь окрепла его решимость пойти наперекор определенной ему Моррисом участи. Уж лучше рискнуть, испытав судьбу, чем провести остаток жалкой жизни подобно свирепому, кровожадному зверю, в клетке на цепи, не имея своей воли.

Наконец, Моргот, закончив осмотр подопечных обратился к ним с традиционной речью, напомнив, что все они обязаны явиться сюда не позднее полуночи с живой жертвой, чтобы здесь на поляне извлечь из ее груди еще трепещущее сердце для завершения обряда обращения. Каждый должен был избрать себе цель, достойную будущего ворона, это могло быть крупное животное — медведь, взрослый самец-олень, кабан, но самой ценной жертвой, дававшей наибольшую силу при воплощении в ворона, был человек, мужчина или женщина.

— Тот, кто опоздает, вернется без жертвы или упустит ее, будет казнен, — зловеще прокаркал Моргот, бросив при этом на Реми многозначительный взгляд, на губах его заиграла жестокая, злорадная усмешка. Реми быстро опустил глаза и склонил голову в знак покорности, длинные волосы скрыли его побледневшее от волнения лицо.

Он долго не поднимал головы, чувствуя на себе прожигающий, подозрительный взгляд нарга, а потом двинулся вслед за остальными ронгонками в глубь дремучей чащи. Его путь лежал к уступам Черных утесов и следовало поторопиться, чтобы успеть до полуночи вернуться обратно. Но сначала он немного покругил по лесу, кидаясь то в одну, то в другую сторону, чтобы запутать возможных соглядатаев, а когда убедился, что никого из черного племени поблизости нет, поспешил в нужном направлении.

Он шел без отдыха несколько часов, потом обдирая руки, ежеминутно рискуя сорваться в пропасть, на острые как пики камни, карабкался по отвесной скале к маленькой темной точке у самой ее вершины. Там, в такой узкой расщелине, что едва можно было протиснуться, пряталась небольшая пещера, в глубине которой бил из стены родник, стекая в каменную чашу в центре грота. Сверху, через отверстие, пробивавшее потолок пещеры насквозь, лился поток солнечного света, уже изрядно потускневшего, когда Реми достиг наконец цели своего трудного путешествия. Здесь он опустился на колени и припал к роднику, восполняя силы и утоляя жажду, затем сел и какое время задумавшись смотрел как

играют на дне чаши серые каменные песчинки, крутятся и подсакивая. После чего вырвал из белой, мерцающей пряди один волос и провел ладонью правой руки по острому каменному выступу, как ножом рассекая свою плоть, пока не потек из ранки тонкий ручеек крови.

Он собрал эту кровь в ладонь словно в чашу, окунул в нее волос и крепко сжал. А когда разжал руку, волос вобрав в себя кровь, засветился, будто в нем разгорелось яркое, чистое пламя. Тогда Реми опустил его в родниковую купель, и вода в ней вскипела, забурлила и поток, переливавшийся через край каменной чаши, унес приношение дальше вглубь пещеры. *(Продолжение следует).*

Глава 29 Последнее испытание (продолжение)

На лес опустились нежные весенние сумерки, отчасти скрасив неприглядную и страшную картину бойни, что развернулась на мирной до того поляне, трава которой теперь стала черной от пролитой на нее жертвенной крови. Тринадцать черных фигур поочередно преклоняли колени перед скаргом Моррисом, принося клятву верности. Не хватало еще одного, чтобы восполнить число тех, кто сегодня должен был пройти обряд обращения в ворона.

— Думаешь, он вернется? — спросил Моргот скарга, чьи руки были за последний час тринадцать раз обагрены кровью, которую исторгли в последнем своем судорожном биении сердца, извлеченные из обездвиженных тел.

— Вернется? Ты сомневаешься в этом, нарг? — прокаркал Моррис со злобной усмешкой на лице, густо забрызганном кровью. — Конечно, он вернется. Он знает, что ему не скрыться, куда бы он не пошел, где бы не схоронился. Даже если он зароется глубоко под землю, мы найдем его. Высоко в горах — мы найдем его, среди большой воды — мы найдем его. Он наш, Моргот, и он знает об этом. Поэтому, да. Я уверен — он вернется, до полуночи еще есть время.

— Хорошо, — мрачно пробормотал недовольный Моргот, — Но, если опоздает, я пушу по его следу наших новых вронгов. Они с ним разберутся, так как он того заслуживает. Я видел его взгляд перед тем, как все они отправились на охоту. И скажу тебе откровенно, Верховный, он не понравился мне. Очень не понравился. Помяни мое слово, этот гаденыш что-то задумал. Меня ни на миг не обманули его показное смирение и лицемерная покорность.

Нарг еще много, что имел добавить, чтобы излить свое раздражение и неудовольствие тем, что ненавистного выродка допустили до обряда. И хотя его ждал крепкий поводок и надежная клетка, Моргот больше доверял своей интуиции, которая терзала его недобрым предчувствием, чем благодушию и уверенности скарга в том, что месяцы, проведенные в невыносимых условиях рабства, сломили волю гнусного ублюдка и его силу удастся обуздать. Он слишком хорошо помнил дерзкий, непокорный взгляд, в котором полыхало грозное, темное пламя, обжигая страхом. Взгляд, который даже он, самый могучий ворон крепости, конечно, после Морриса, мог вынести с трудом, изнемогая от желания отвести глаза и отступить, признав свое поражение. Но приходилось молчать и скрипеть от ярости зубами, видя, как утекает время в ожидании изгоя. И вместо того, чтобы начать пировать над телами жертв, они вынуждены томиться от жажды и голода, словно тот, кого они ждут, такой важный гость, что без него Верховный не смеет дать сигнал к началу празднества. Моргот стоял, чувствуя, как постепенно нетерпение и бешенство овладевают им.

Между тем заметно стемнело, воздух загустел и налился синевой, а деревья черными, суровыми великанами обступили поляну, утомленно поскрипывая ветвями. Но небо было еще светлым, с редкими, сизыми облаками, между которыми начали проблескивать кое-где мелкие звезды.

— Верховный! — Моргот склонился в почтительном поклоне перед темной фигурой неподвижно застывшего скарга. — Пора...

— Тише, — прервал его Моррис. — Слушай...

Нарг послушно напряг слух и уловил доносившийся из небесной вышины едва

различимый звук. Похоже, какая-то огромная птица стремительно приближалась, тяжело рассекая воздух своими мощными крыльями. Все вороны на поляне, словно повинувшись сигналу, подняли головы и всмотрелись в темнеющее небо. Вот, там показалась черная точка и до слуха вронгов теперь уже явственно донесся пронзительный клич. Точка быстро приближалась и вскоре их взорам предстало удивительное зрелище летящего горного орла гигантских размеров, на котором, вцепившись в когтистые лапы, висел человек. Это был Реми, он крепко сжал ладони, побуждая орла опуститься ниже, пока, наконец босые, израненные об острые камни ущелья, ступни юноши не коснулись травы. Тогда он разжал руки, и орел с оглушительным клекотом взмыл вверх, обдав стоящих в неподвижности воронов горячим ветром. Когда орел улетел и в воздухе стих шум его крыльев, черные фигуры окружили неподвижно стоящего Реми.

— Где твоя жертва? — от хриплого голоса нарга веяло ледяной стужей.

— Ты видел ее только что, — Реми не стал опускать взгляд и становиться на колени, его время пришло и час наконец пробил. Отступить было некуда и голос его прозвучал громко и уверенно, словно блеснул в ночи светлый, стальной клинок.

— Где ее сердце, щенок? — на плечах нарга ощетинились острые черные пики, складки плаща ожили, начиная превращаться в грозные, колдовские крылья, готовые поразить ненавистного выродка.

— Сердце орла осталось в его благородной груди, его не коснутся ничьи нечистые руки. — Реми огляделся, душу ему стеснили горечь и боль при виде бездыханных тел на поляне: среди оленей и медведей он заметил растерзанную человеческую фигуру, в груди которой чернела глубокая рваная рана, а на лице мужчины застыло выражение муки и ужаса. Рядом стоял Фрай, его глаза потускнели, а лицо, окропленное кровью жертвы, потемнело и преобразилось в страшную маску. Он стоял, испепеляя Реми голодным, жадным взглядом, острый, раздвоенный на конце язык то и дело пробегал по губам, которые кривились в недоброй усмешке.

— Ты упустил жертву и будешь казнен, — негромко произнес Моррис, до этого хранивший тяжелое молчание. — Приготовься принять свою смерть.

Он поднял руку, чтобы дать сигнал к расправе, когда Реми заговорил снова, возвысив голос так, чтобы его услышали все вороны, стоявшие на поляне.

— Ты не можешь казнить меня за неисполнение обряда. Во мне течет кровь воронов царского рода, такая же, как и в твоих жилах. Ты ведь знаешь это, скарг. Ты должен поступить со мной, как того требует наш древний Кодекс. Даже ты, Верховный ворон, не можешь не подчиниться ему, иначе твоя власть может быть оспорена. По праву своей крови я требую, чтобы ты исполнил написанное в черной книге.

На мгновение скарг остолбенел, а потом опустил руку и рассмеялся громким, каркающим смехом, но в глазах его забушевало пламя дикой злобы и ярости:

— Откуда тебе, выродку, знать про древний Кодекс воронов. Твоя кровь — грязная кровь предателя, наррага, казненного за свое отступничество.

— Какой бы грязной она не была, — возразил Реми уверенным голосом, в котором Моррис тщетно пытался расслышать нотки нерешительности и страха. — Она дает мне основание требовать соблюдения законного права выбора.

— Выбора? — Скарг расхохотался. Он смотрел на Реми с ненавистью и каким-то злобным изумлением и даже любопытством. — Ты думаешь у тебя есть выбор?

— Да, — сказал Реми. — И я выбираю обряд изгнания.

— Глупец, — голос Морриса загрохотал в ночи. — Ты не знаешь, чего хочешь! Это та же казнь, только более долгая и мучительная. Ты надеешься после этого выжить и стать свободным? Напрасно. Я бы проявил милосердие, которого ты, гнусное, неблагодарное отребье, не заслуживаешь, когда бы позволил достойному наругу Морготу казнить тебя быстро. Но если ты хочешь, перед тем как испустить дух, как следует пострадать, не буду препятствовать. Пусть будет так... Своей властью Верховного ворона за попрание священного Обряда обращения, я приговариваю тебя к изгнанию, согласно древнему Кодексу воронов и твоему собственному праву выбора. Ты доволен?

Реми ничего не ответил, он был бледен, но весь облик его говорил о решимости идти до конца, каким он не был. По знаку Морриса Реми связали за спиной руки и, под надзором двух новоиспеченных вронгов, одним из которых был Фрай, оставили под деревом, дожидаться пока шли приготовления к обряду изгнания.

Для его исполнения принесли четыре крепкие веревки с железными крючьями на концах, перекинули через толстую дубовую ветвь и подвели к ним Реми, после чего связали ему ноги, а шею освободили от железного ошейника. От волнения грудь его часто вздымалась, дыхание стало прерывистым и неглубоким, а все помыслы занимала одна мысль: «только бы выдержать». Моргот, не скрывая удовольствия, ухватил его рукой за горло, и резким, сильным движением другой руки вонзил крюк ему в грудь, повернул, подцепив ребро. Брызнула кровь и раздался треск разрываемой плоти. Затем он проделал то же самое другим крюком. Реми глухо застонал от невыносимой боли, едва удержав полный муки крик, когда еще два железных крюка вонзились ему в спину, и натянув веревки вороны стали поднимать его над землей. Он почувствовал, как затрещали кости, соприкоснувшись с железом, от нестерпимой боли у него помутилось в глазах, и он начал терять сознание, но Моргот, силой открыв ему рот, влил туда настой травы аронита, не дающий прийти спасительному забытию. Зелье обожгло гортань едкой горечью, огнем растеклось по желудку, усугубив мучения и обострив восприятие до такой пронзительной остроты, что на глазах у него сами собой выступили слезы.

Моррис приблизился к низко висевшему на крючьях Реми и, заглянув ему в лицо, произнес с насмешливой издевкой:

— Помнишь, я говорил, что у тебя нет выбора: ты станешь либо вороном, либо падалью. Ты не захотел стать вороном, к утру ты будешь падалью.

— У меня есть выбор, — прохрипел Реми, с трудом собрав для этого силы и преодолевая путавшую мысли боль. — Выбор не стать зверем и не быть рабом. Это хороший выбор. И ты мне больше не хозяин, скарг.

— Я всегда буду твоим хозяином, изгой, — проронил тот, злобно усмехнувшись.

— Над изгоями нет господина, — прошептал Реми, сдерживая рвущийся наружу мучительный стон.

Но Моррис лишь хищно ощерился в непонятной усмешке и отошел. Реми окружили тринадцать вронгов, Фрай, плотоядно облизываясь, держал в руке острый костяной кинжал, черный от крови жертв. Его острием им предстояло начертать на теле Реми тринадцать знаков отречения. И Фрай готовился сделать это первым, как получивший наибольшее могущество среди новообращенных воронов. Он единственный смог принести человеческую жертву, и горделивая радость переполняла его черное сердце. Растянув в довольной усмешке губы, он вонзил кончик кинжала в грудь своего врага и не спеша, погружая его все глубже, провел первую, извилистую линию знака отверженности. Реми закрыл глаза и стиснул зубы,

теперь его сознанием владела только боль.

Они истязали его всю ночь и лишь перед рассветом ушли, оставив висеть на крючьях, измученного, истекающего кровью, едва живого. Когда небо окрасили первые проблески зари и первый солнечный луч, коснулся его лица, Реми из последних сил приоткрыл глаза, но не увидел света. Взор застилала черная пелена, жизнь покидала его тело. Ему стало так горько, что в свою последнюю минуту он не увидит ничего, кроме все того же ночного мрака, что он заплакал. Залитые кровью глаза омылись слезами и ярко заблестели в лучах утреннего солнца, а пересохшие, почерневшие губы прошептали неслышно дорогое имя. Он подумал, что хотя бы дух его возможно обретет вскоре свободу, как вдруг почувствовал чье-то прикосновение к своему лицу, такое мягкое и нежное, что поначалу принял его за нечаянное дуновение ветра, потом пришли в движения веревки, опуская на землю его тело. Та же рука коснулась глаз, и темная завеса немного рассеялась, боль, немилосердно терзавшая его стала отступать, а сознание погружаться в спасительное беспамятство.

Реми попытался рассмотреть того, кто делал это, но смог увидеть только светлое, мерцающее сияние, сквозь него неотчетливо виднелись где-то в необъятной вышине коричневые ветви дуба, на которых трепетала юная листва, за ними пробивалась пронзительная голубизна неба. Он еще успел почувствовать, как кто-то распутал узлы на веревке, стянувшей руки, и освободил их, после чего сознание покинуло его, а душа отправилась блуждать по темным дорогам боли и страха, пока не пришла пора вновь вернуться в тело в пропахшей травами и диковинными снадобьями хижине деревенской знахарки.

... - Ничего-ничего, — сказал Моррис, созерцая веревки с окровавленными крючьями, лежащие под дубом на залитой кровью траве. Тело изгоя так и не нашли, как и следов того, кто помог ему освободиться. — Пусть себе погуляет. Пусть убедится, что у него нет иного пути, нет выбора, кем ему быть. А мы подождем. Да, Моргот, мы подождем. Вороны умеют ждать...

Глава 30 Похищение Эйфории

Спящий город окутало черное, ночное покрывало. Было душно как перед близкой грозой, которая никак не может разразиться освежающим ливнем, а все томит и томит предчувствием беды, не давая дышать свободно, нагоняя тяжелую дрему, больше похожую на морок. Небо сплошь закрыли плотные тучи, в которых с глухим, неясным ропотом кое-где проблескивали жаркие, сухие молнии. Редкие фонари на улицах словно задохнулись, окруженные непроглядной тьмой, светили тускло, нервно моргали и временами гасли. А может их накрывали на миг мрачные тени, что бесшумно носились между домами, сливаясь с ночью и заглядывая в темные, зашторенные окна, заставляя жителей беспокойно метаться в постелях и видеть свои худшие кошмары, от которых тело покрывалось холодным, липким потом.

Надежно запертый в городской каталажке Реми, после долгих, бесплодных раздумий, погрузился на своем жестком, каменном ложе в тревожный сон, где в мучительных видениях вновь оживало прошлое, звучали грубые голоса, воронье карканье и помощь все никак не приходила. Шрамы, оставленные крючьями, вдруг налились болью, будто снова закровоточили и открылись ранами. Он начал стонать сквозь стиснутые зубы, пытаясь вырваться из цепких, паучих объятий сна, но тень, что лежала на его глазах не давала ему сделать это.

Особняк Лэптонов, также как и все в эту ночь в городе, был погружен в душную мглу. Было необыкновенно тихо, мир будто разом оглох и онемел. Даже листья на деревьях поникли и замерли, не смея своим шелестом нарушить молчание, в котором было что-то настолько зловещее, что пташки, внезапно пробудившись, испуганно вжимались в гнезда, а мелкие зверушки забивались глубже в щели и норы, забывая дышать.

Лишь в окне под самой крышей виднелся слабый свет лампы, стоящей в глубине комнаты. Этот робкий огонек был единственным светлым пятнышком на черном, грубом полотне ночи.

После бурного объяснения с отцом, закончившегося скандалом, Эйфория провела не один час в раздумьях, придя к выводу, что единственная возможность для нее остаться с Реми, уйти вместе с ним на рассвете этого дня. Препятствием могло стать то, что она вновь была предусмотрительно закрыта отцом в своей комнате. Но предвидя такой поворот, загодя запаслась крепкой, длинной веревкой, потихоньку утащив ее из сарая и спрятав в шкафу за корзиной со своими старыми игрушками. Она собиралась не спать всю ночь, и как только пение пробудившихся птиц подскажет ей близость рассветного часа, выбравшись из дома, бежать к зданию городского суда, где, запертый в комнате для нарушителей порядка, томился Реми. Она собрала в рюкзак вещи, которые могли им понадобиться в первое время, а также, опустошила шкатулку, переложив деньги и золотое кольцо матери в маленький кошелек. После чего убрала его в карман куртки, переделав в удобную для побега одежду: штаны и майку, что были на ней в памятном походе, и наконец, присела отдохнуть в кресло, которое мягко обхватило ее, пригласив немного расслабиться. И как только нервное напряжение начало отпускать, Эйфория почувствовала, что сознание стало охватывать сонное оцепенение. Она вдруг заметила, какая необычная тишина разливалась в ночи, без шелеста листьев и стрекота цикад, без песен хмельных, припозднившихся гуляк, лаянья псов, колотушки сторожа, словно город накрыло глухое, черное одеяло. Это показалось ей

странным, но увлеченная собственными мыслями и заботами Эйфория не придавала тому значения. К тому же, ее все больше и больше охватывало странное дремотное состояние, она безуспешно пыталась стряхнуть навалившуюся сонливость, хотела пошевелить рукой или встать, но вместо этого продолжала неподвижно сидеть в кресле уже не понимая спит она или бодрствует.

— Наверное, я все ж таки уснула, — как-то отстраненно подумала Эйфи, безучастно наблюдая как сами собой, видимо от поднявшегося ветра, раздвинулись легкие занавески, распахнулись настежь створки окна и на подоконник вползла тень, чьи очертания напоминали поначалу змею, которая становилась все больше и плотнее, превращаясь во что-то иное, более мрачное, более черное. И вскоре с подоконника на пол ее комнаты соскочил огромный ворон, посмотрел на нее искоса, наклонив голову с большим острым клювом. Его глаза в отличии от обычных птичьих глаз не блестели, отражая свет лампы, были тусклыми и отливали красным. Взгляд был недобрый, и у Эйфории где-то в глубине сознания начала биться испуганная мысль, что нужно скорее бежать, закричать, позвать на помощь, разбудить весь дом, но она продолжала зачарованно смотреть на страшного гостя, не в силах пошевелиться. Ворон негромко каркнул, и в голове Эйфории зазвучал голос, как будто ее собственный и в то же время чужой. Он начал со змеиным присвистом шептать ей, что ничего ужасного не происходит, что он, ворон, — мудрая птица, ей нужно только слушать его и выполнять все, что он скажет, что это для ее же блага. Здесь ей показалось, что ворон почему-то заговорил голосом ее отца. Она попыталась возразить ему, но вместо этого зачем-то согласно кивнула головой.

— Это всего лишь сон, кошмарный сон. И мне нужно проснуться, непременно нужно. Иначе будет поздно, я не успею, — вновь неотчетливо подумалось ей. Правда, для чего ей нужно непременно проснуться, почему будет поздно и куда ей так нужно успеть, она уже не могла сказать. Мысли все больше путались, слабели и словно тоже засыпали, пока не уснули окончательно. Последнее что Эйфория помнила, как она по приказу ворона поднялась с кресла и подошла к открытому окну, после чего в ее памяти наступил провал...

Реми проснулся на рассвете от сознания что случилось что-то дурное, он резко открыл глаза и некоторое время лежал и прислушивался, стараясь понять, чем вызвана охватившая его душу тревога. Но было тихо, где-то далеко едва слышно пропел петух, за окном щебетали птицы, сумрак в месте его заточения светлел с каждой минутой, небо на востоке заалело и поднявшийся ветер, стал раскачивать верхушки деревьев, окружавших здание городского судилища. Скоро за ним должны были прийти, чтобы выпроводить из города, но не это заставляло сжиматься в смятении его сердце. Всю ночь его мучили кошмары, от которых никак не получалось проснуться, и даже сейчас он чувствовал, как продолжали ныть шрамы на теле, отдаваясь болезненным эхом в его душе.

Реми встал и подошел к высоко расположенному окну, вцепившись руками в решетку, приподнялся и попытался через частый переплет разглядеть, что творится снаружи, но увидел только бледно-голубой кусочек неба с безмятежными, утренними облаками, которые восходящее солнце окрасило нежно-розовым цветом. Как будто все было спокойно, но тревога у него в груди не унималась, напротив стала только отчетливей. В нем отчего то все больше крепло убеждение, что произошло что-то по-настоящему плохое. Он отпустил прутья решетки, спрыгнул на пол и, склонив голову, застыл в задумчивости. Очнуться его заставил скрежет ключа в замке и протяжный скрип открывающейся двери, за ним пришли стражники, чтобы согласно распоряжению городской управы выдворить за пределы города.

Реми облегченно вздохнул, его хотя бы выведут наконец из этой каменной клетки и он, освободившись на границе края от провожатых, сможет незаметно вернуться и выяснить в чем дело, что за темные дела творились этой ночью, отзвук которых не давал ему даже сейчас свободно дышать.

Два дюжих парня в кожаных латах стражей, с головами покрытыми тесными круглыми шапочками из такой же как латы толстой дубленой кожи, с оттиснутыми на них знаками городского охранного отряда, не особенно церемонясь связали ему позади руки, крепко-накрепко затянув узлы, и повели наружу. Здесь их ждали два оседланных коня, нетерпеливо перебиравших лохматыми ногами с большими черными копытами, подковы которых глухо звякали о мощеную неровным, белым камнем мостовую. Стражники, привязав длинный конец веревки, стянувшей руки Реми, к стремени, вскочили в седла, и один из них небрежно ткнул его в спину острием копья, безмолвно приказывая двигаться вперед. Его провожатые были молчаливы и угрюмы, с лицами, заросшими неопрятной, лохматой порослью, где гнездились подсохшие хлебные крошки. Время от времени они шумно зевали, и до Реми долетал ядреный аромат вчерашней попойки сдобренной острой луковой закуской.

На городских улицах, несмотря на ранний рассветный час было уже оживленно, торговый люд поднимался чуть свет, чтобы встретить первых покупателей в полной готовности. Зеленщики раскладывали «по холодку» свой товар на обширных прилавках, вынесенных прямо к дороге, перепирались с поставщиками-фермерами, чьи повозки еще затемно начинали грохотать по пыльным окрестным трактам, не давая спать подзаборным шавкам.

Зычно покрякивая на мальчишек, тех еще помощников, лавочники привычно торговались с крестьянами, пытаясь сбить цену на свежий, нежный товар, пряные травы и овощи, за которыми совсем скоро потянутся хозяйки из окрестных домов, да с большими плетеными корзинами кухарки из усадеб богатых горожан. Недовольно морщась, будут придирчиво перебирать краснобокие помидоры и пупырчатые огурцы, мять руками салат и петрушку, подозрительно принюхиваться к укропу и кинзе, тыкать толстыми пальцами в упругие, хрустящие кочаны капусты.

Мясники хлопали ставнями на витринах, открывая взору утреннего солнца гроздь аппетитных копченых сарделек и крутые бока солидных свиных окороков. Пекари, вытирая пот у жарких печей, доставали из них поддоны с выпечкой, рабочий день здесь начинался глубокой ночью. А с рассветом горячие буханки, кренделя и караваи уже красовались на прилавках булочных, ожидая первых посетителей.

Реми многие узнавали, провожая процессию любопытными взглядами и начиная удивленно шушукаться за спиной, но мало кто решался поприветствовать его хотя бы кивком под высокомерным, бдительным взором вооруженных всадников, сопровождавших юношу. Реми видел на лицах знакомых большей частью сочувствие. Но были и кривые, злорадные усмешки, тех кто считал, что чужак наконец-то показал свое подлое нутро и теперь закономерно получит по заслугам. Хорошо бы его публично выпороли на городской площади, в назидание другим залетным молодчикам. Занятное вышло бы зрелище, отличный повод посудачить вечером с приятелями за кружечкой холодного пивка в таверне «Соляная пристань». И тех, кто считал так, тоже было немало.

— Почему вы ведете меня словно преступника? Какой закон я нарушил? — заговорил Реми, чувствуя закипающий в груди гнев. — Разве я мало принес пользы городу, сохраняя жизни ваших охотников за живыми камнями, на которых наживается городская управа,

продавая право на Посвящение втридорога. Разве я требовал лишнего за свою работу, когда не получал даже то, что положено, когда вы обсчитывали меня на каждом шагу. А теперь выкидываете вон из города без суда, не предъявив обвинения, не дав возможности попрощаться с друзьями, собрать свои вещи. Вы даже не сочли нужным за целый день, заперев человека в каталажке, дать ему кружку воды, не говоря уже о хлебе.

— Заткнись, воронье отребье, — один из стражей сильно пнул его ногой в спину, вынудив споткнуться. — Какой ты человек? Пес паршивый. Небось шпионил для своих, из черного племени, поганый чужак. Подожди, будет тебе хлеб, каменными лепешками, дай только дойти до границы, напьешься вдоволь своей кровушки.

Они пустили коней легкой рысью, заставив Реми двигаться быстрее и не давая ему остановиться, чтобы перевести дух, подгоняя остриями своих копий.

Наконец городские мостовые сменились пыльным проселком, солнце выше поднялось по небосклону, расцветные краски которого растворились в блеклой синеве. Начало припекать и в воздухе засновали вездесущие стрижи, оглашая окрестности свистом. По сторонам дороги раскинулись заросшие бурьяном пастбища, вдалеке у березовой рощи завиднелось большое пестрое стадо, вокруг которого, невидимые в густой, высокой траве, с громким лаем метались сторожевые псы, доносились голоса пастухов, шелканье бичей, протяжное мычание. Вскоре пастбище осталось позади, не стало слышно рева коров, только дробный перестук копыт да трели жаворонков с высоты нарушали воцарившуюся на дороге тишину. Стражи, разморенные теплом, убаюканные мерным покачиванием в удобных седлах, стали клевать носом, время от времени пытаясь взбодриться, припадали к фляжкам, где в тайне от начальства плескалась жидкость повеселее колодезной воды. Но эта мера возымела почему-то обратный эффект, и вскоре Реми стал различать странный звук, издаваемый этими доблестными мужами, подозрительно похожий на легкое похрапывание.

Он не возражал, чтобы утомленные тяготами службы стражи немного отдохнули, ослабив поводья и перестав подгонять его ударами в спину. Низко наклонив голову, Реми попытался вытереть плечом заливавший глаза пот, пошевелил затекшими руками, стараясь ослабить веревку, туго стянувшую запястья, и тяжело вздохнул, размышляя какое злодеяние ему измыслит задним числом судейская коллегия города, в лице ее самых почетных и уважаемых граждан, вершивших правосудие настолько беспристрастно насколько это совпадало с их интересами, и чья компетентность была прямо пропорциональна количеству годового дохода. Он не сомневался, что ему припишут шпионаж в пользу воронов, враждебные намерения и еще какое-нибудь особо злостное вредительство, о чем непременно будет сообщено в листовках, расклеенных по всем столбам и заборам, чтобы в случае его нечаянного появления в здешних местах каждый добропорядочный гражданин мог исполнить свой долг добропорядочности и подтвердить свою лояльность городу и его законам, а заодно заработать немного монет. Преданность граждан тоже имела свою цену, как и все в этом мире людей.

Они уже довольно долго брели по дороге, все дальше уходя от города, как вдруг Реми различил пока еще не слышный обычным ухом, частый перестук копыт, их нагонял, мчась бешеным галопом, какой-то всадник. Он обернулся и в самом деле разглядел позади на тракте крохотное, серое облачко пыли, которое росло с каждой минутой, приобретая очертания стремительно приближавшегося к ним путника на резвом скакуне. Завидев их, всадник начал кричать и махать рукой, призывая остановиться. От этих криков встрепнулись стражи, очнувшись от сна, и не разобрав спросонок в чем дело, на всякий

случай хорошенько огрели Реми древками копий, запоздало сообразив, что порученный их заботам преступник мог давно уже сбежать, пока они предавались сну. И чтобы очистить свою совесть и скрыть испуг, добавили еще по пинку, целясь тяжелыми сапогами в голову проклятому чужаку. Потом все-таки остановились, разглядев, что всадник мчится на породистом дорогом скакуне, похвастаться которым могла не каждая конюшня в городе, а значит и наездник мог иметь весомое значение, а непослушание ему неприятные последствия.

Глава 31 Посланник рока

Всадник стремительно приближался, и шум от частого стука копыт породистого скакуна по наезженному тракту нарастал с каждой минутой. И также с каждым мгновением росло беспокойство Реми. Он почему-то был уверен, что ничего хорошего эта спешка не предвещала. Ему вдруг захотелось, чтобы этот человек на коне, настигавший их словно посланник рока, промчался мимо. Недовольные заминкой стражи ворчали вполголоса, гадая «какого файдука еще несет нелегкая». Потом с надеждой предположили, что «их судейшество» передумало, решив, на радость добрым гражданам, заменить чужаку высылку показательной поркой, «чтоб неповадно было», а значит «потеха выйдет знатная и, главное, что ни гроша не будет стоить». Они стали радостно похохатывать в предвкушении, награждая Реми тычками и приговаривая:

— Ты, воронье отребье, не переживай. Если что, мы тебе и сами бока намнем. Небось долго помнить будешь, как к честным людям соваться.

Но Реми было не до них, от волнения и тревоги, охватившей его, он едва ли слышал, что болтают стражники, с напряженным вниманием всматриваясь в растущее облако пыли. Видя, что процессия остановилась, всадник прищорил коня, прильнув к его взмыленной шее, так что не разглядеть было лица. Но Реми и без того уже понял, что человек, догонявший их, был ему незнаком. Он мог поклясться, что никогда прежде его не видел и потому не мог даже предположить, что за нужда погнала этого горожанина вдогонку за неугодным чужаком.

Недоумению его, однако, суждено было вскоре разрешиться. Поравнявшись с ними, всадник резко осадил коня, подняв его на дыбы. Благородное, гнедой масти, животное с пронзительным ржанием взметнулось вверх, взмахнув копытами у самого лица Реми и вынудив его отшатнуться. По тому, как резво спешили с коней и склонились в подобострастном поклоне его провожатые, мгновенно утратив свое игривое настроение, Реми догадался, что человек этот из тех, кто в городе имеет большой вес и состояние. Вот только сейчас вид у него был совсем не респектабельный: седые, всклокоченные ветром волосы обрамляли красное от напряжения лицо, искаженное каким-то видимо глубоким чувством, съехавший набок шейный платок, расстегнутая жилетка, брюки, все было в дорожной пыли. Соскочив с коня, мужчина устремил на юношу свирепый взгляд, с хриплым, нечленораздельным воплем бросился на него и схватив одной рукой за грудки, другой принялся что есть мочи хлестать по лицу, норовя ударить побольнее. От неожиданности, оглушенный, растерянный Реми не сразу смог разобрать, что кричал ему этот человек, пока наконец не расслышал среди полубезумных криков и града сыпавшихся пощечин:

— Где моя дочь, проклятый ворон! Где Эйфория! Отвечай пока я тебя не убил!

И тут внезапно все встало на свои места, словно с глаз его упала пелена, до того мешавшая соединить в единую зловещую цепь разрозненные и вроде бы не связанные друг с другом звенья: недобрая встреча со скаргом возле убежища, предостережение и огненный знак, стычка с Фраем на границе Вороньего края, ночные кошмары, в которых явственно звучало гнетущее, жуткое карканье, грызущие душу тревога и предчувствие большой беды, с самого первого дня похода не дававшие ему покоя. Все это слилось воедино и сложилось в ясную картину понимания, пронзившую его ужасом до самого сердца. На несколько минут белый, дневной свет в его глазах стал черным, а когда возможность видеть вернулась, Реми

обнаружил, что стоит, сжимая за горло отца Эйфории, на дороге валялись обрывки веревки, рядом скорчились и тихо хрипели стражи, орошая дорожную пыль кровью из разбитых лбов и носов, громко ржали кони, сбившись поодаль в кучу. Он тут же разжал пальцы и едва успел подхватить безжизненное тело советника Лэптона, не давая ему упасть. Потом оттащил на обочину и, с облегчением, убедившись, что тот не утратил способность дышать, принялся приводить его в чувство. Едва открыв глаза, Джоэл простонал:

— Где моя девочка? Что ты с ней сделал, злодей?

Сейчас он меньше всего походил на того советника Лэптона каким его знали окружающие, холодного и лишенного, казалось, всяких человеческих чувств и слабостей. Реми видел перед собой пожилого мужчину, которого в одночасье состарило внезапное горе и который разом утратил все свое хладнокровие и показную невозмутимость.

— Расскажите мне, что произошло, — попросил Реми. Он старался говорить спокойно, хотя внутри него, обжигая болью, полыхало пламя, норовя вырваться в безумной вспышке, вызванной отчаяньем. — Я не хотел причинять вам вреда, но мне нужно знать, что случилось. Пожалуйста, отвечайте мне, если хотите вновь увидеть свою дочь.

— Ты еще спрашиваешь, мерзавец! — закричал Лэптон-старший срывающимся голосом, и схватившись за горло, где виднелись багровые следы от пальцев Реми, зашелся в продолжительном, надсадном кашле. Потом, неловко двигаясь, поспешно поднялся и отошел подальше от юноши, с опаской и отвращением поглядывая на него. — Кому как не тебе, собака, знать, что с ней. Вот, смотри! Смотри, что я нашел сегодня утром в комнате вместо моей дочери! В запертой мной комнате. В комнате, где был учинен настоящий погром. Все разбито, переломано и растерзано. О, проклятье! Скажешь, это не твоих грязных рук дело!

И он с негодованием швырнул в лицо Реми угольно-черное воронье перо, резким, судорожным движением достав его из кармана. Перо было необыкновенно большим и таким непроницаемо черным, что казалось поглощало свет, пожирало его, хороня в бесконечном мраке. От него веяло злом и проклятием, мрачным, темным колдовством, способным свести человека с ума.

— Это не мог быть я, — произнес Реми, едва двигая побелевшими губами. Затем, с трудом держа себя в руках, поднял перо и внимательно осмотрел его. Он мгновенно понял, что случилось, и черное, безнадежное отчаянье охватило его. Но не время было сейчас предаваться унынию, ему надлежало действовать. И действовать следовало быстро. И если его предположение верно, а он не сомневался, что так оно и есть, то возможно было еще не поздно предотвратить самое страшное, что могло случиться с девушкой. В памяти его, до содрогания ясно, встали ненавистные купальни, мрачные застенки вороньей крепости, ее глубокие подвалы, темницы и ямы, где томились в ожидании своей участи те, кому не посчастливилось оказаться в цепких вороньих когтях.

Мысли о том, что его Эйфория, такая нежная и ранимая, такая беззащитная и невинная, может быть заточена в одной из этих ужасных клеток были мучительны. Предположения, что ее постигнет участь стать игрушкой воронов, сводили с ума и вызывали нестерпимое желание выплеснуть на свободу весь гнев и всю владевшую им ярость, чтобы обрушить их на тех, кто покусился на самое дорогое что у него было, и растерзать вместилища их черных душ, выпустив из них всю кровь до самой капли. Вот только не этого ли они и ждали от него. В том, что им был нужен он, а не девушка, Реми не сомневался. Он проявил непростительную беспечность и преступное легкомыслие, позволив себе поверить, что вороны не посмеют напасть на них в Городе, что они оставят его в покое, разрешив

наслаждаться счастьем и свободой. И теперь ему придется заплатить за это очень дорогую цену.

Он знал, что Моррис будет ждать его прихода до утра следующего дня, он понял это по засечкам на острие пера, когда оглядел его, и до тех пор не тронет девушку. Это перо было знаком ему, изгою, посланием от скарга с приказом прийти и покориться, наконец, своей участи. И Реми знал, что он явится, ему придется это сделать. Придется сделать так, чтобы навсегда обезопасить от посягательств черного племени ту, что стала для него дороже самой жизни. И сделать это можно было только отдав им наконец самого себя.

Он принял это решение, и приняв его внезапно ощутил глубокое спокойствие, сознание очистилось, обретя поразительную ясность, все в нем пришло в равновесие. И хотя душа его была полна боли, в сердце крепла решимость исполнить предначертанное. Перед его внутренним взором возникли как никогда отчетливо лица его отца и матери. Они смотрели на него чуть печально и ласково улыбались, словно желая подбодрить, стояли рядом, держась за руки, такие молодые, такие красивые.

— Простите меня, — неслышно прошептал он им. — Я не могу поступить иначе. Я должен это сделать.

Сердце его рвалось на части от боли, но разум был ясен, а воля тверда. Реми еще раз внимательно осмотрел перо, потом убрал его в карман своей куртки и снова произнес. — Это был не я. Вы сами знаете где я был в эту ночь.

— И я тебе обещаю, — советник с ненавистью смотрел на Реми, сжав кулаки в бессильном гневе, — что ты туда и вернешься. Ненадолго, пока мы не решим какой казни тебя предать. Но перед этим ты все мне расскажешь, все раскроешь, до самого последнего, гнусного секрета вашего проклятого племени. Говоришь, это был не ты. Ну-ну. Посмотрим, что ты запоешь под пытками. Эй, вы, — прикрикнул он на поверженных стражей, продолжавших валяться посреди иссеченной следами копыт дороги, скорее из осторожности, не так уж эти доблестные мужи и пострадали. — Живей поднимайтесь. Схватите и свяжите покрепче этого проклятого оборотня-душегуба.

Не спеша, с тяжелыми стонами и причитаниями, стражи нехотя поднялись и, потирая бока, двинулись на Реми, опасливо выставив копья.

— Да послушайте меня, наконец, советник! — Реми предостерегающе поднял руки, предупреждая намерения стражников вновь скрутить его веревками. Под его суровым, полыхающим взглядом их служебное рвение значительно поугасло. — Да. Я знаю где ваша дочь. И моя вина в этом тоже есть, но я никогда, клянусь своей жизнью, не причинил бы ей зла и не позволил никому это сделать. Если бы я только мог быть рядом в эту ночь! Но сейчас не время сожалеть о том, что упущено. Эйфория в большой, очень большой опасности. И я не меньше вашего хочу, чтобы она вернулась домой живой и невредимой, чтобы с ней все было в порядке. И я единственный кто может вам ее вернуть. Поэтому, если вы попытаетесь посадить меня под замок, вы можете никогда больше не увидеть свою дочь. А сейчас мне нужно добраться как можно быстрее до города, поэтому прошу вас, не мешайте.

— Тебе не обмануть меня, проклятый ворон, — проскрежетал советник. — Я знаю, что ты задумал. Сначала твои дружки по твоему наущению похитили мою бедную девочку, а сейчас ты сам пытаешься улизнуть. Ничего у тебя не выйдет, негодяй! Презренный выродок, я прикажу насадить твою голову на кол на площади, чтобы люди могли плевать на нее, а тело бросим псам на городской свалке, где такому отбросу как ты самое место. Гнусный вор!

Он бросил негодующий взгляд на мнущихся в нерешительности стражников и закричал: — Что медлите? Или вы с ним заодно? Помогаете скрыться государственному преступнику, злодею-убийце? В арестанты захотели? Я вам устрою!

Лица стражников побагровели, глаза выпучились, они запыхтели шумно и обреченно, но добавили прыти. Разбитые носы и головы были забыты ими под угрозами советника, о крутом нраве которого ходили легенды. Доблестные вояки сами не поняли как в одно мгновение их пленник вдруг освободился, словно полыхнуло что-то обжигающее, и они оказались на земле в страхе и недоумении. Держа перед собой копьё, стражники двинулись на Реми, грозно покрикивая. Он понял, что только потеряет драгоценное время, пытаясь достучаться до советника, одержимого ненавистью и гордыней, и стал медленно отступать, пока спина его не уперлась в круп стоявшего посреди дороги лучшего рысака из конюшни Лэптона.

— Жаль, что вы не хотите мне поверить, советник, — произнес Реми. — Вам все равно не удержать меня. Обещаю, что верну вам дочь. А когда я сделаю это, постарайтесь быть более справедливым и милосердным судьей поступкам простых людей, не таких как вы и ваши дружки из мэрии.

С этими словами Реми вскочил на коня и ухватив поводья, пустил его вскачь. Он неплохо держался в седле, привыкнув иметь дело с крепкими, крестьянскими лошадьми, которых разводили местные фермеры. В его памяти остались уже смутные воспоминания о детстве в горном приюте и о том, как отец сажал его на необъятно широкую спину лошади, чья теплая, шелковистая шкура отливала тусклым серебром и ее было так приятно гладить ладонями, вдыхая чуть острый запах конского пота.

Реми мчался на рысаке обратно по направлению к Городу, а вслед ему летели проклятья и угрозы, где-то уже далеко позади звонко тюкнуло о дорогу пущенное ему вдогонку копьё. Ветер свистел в ушах у наездника, без устали погонявшего коня, и в этом свисте ему слышался чей-то тонкий, далекий плач и мольба. Мимо проносились поля и перелески, блеснула и мгновенно пропала из вида тихая речка с пологими, сонными берегами, вот позади остались березовая роща и пастбище, а впереди замаячили ветхие домишки городской окраины. Лишь на несколько минут Реми навестил свой дом, в который, он знал, ему не суждено больше вернуться. И забрав из тайника за потолочной балкой золотую цепочку с пластиной, где были начертаны слова на позабытом им языке, тут же отправился дальше, оставив слишком приметного коня у калитки, крепко-накрепко привязав его к ней поводьями. Он был уверен, что конь совсем скоро вернется в свое родное стойло.

Следующий кого Реми навестил был Джой, семья которого жила в небольшом, но уютном особнячке в той зеленой и спокойной части города, где селились мелкие конторские служащие и ничем особо не занятые обыватели, чье недостаточно высокое происхождение и скромный достаток не позволяли рассчитывать на более престижные жилища и участки. Реми, перемахнув через ограду на задворках дома, осторожно пробрался к задней двери, ведущей в пустую и до блеска вычищенную кухню, где еще витали запахи недавнего обеда: картофель с тушеной капустой и мясной подливкой. Он бесшумно и быстро пересек просторное помещение с большим деревенским столом для семейных трапез посередине и на выходе наткнулся на Джоя в одежде для работы в саду. Тот уставился на него удивленно и забормотал растеряно:

— Ох, Реми! Ты откуда? Тебя отпустили? Все в порядке?

— Джой, — сказал Реми сурово. — Все совсем не в порядке. И нет, меня не отпустили.

я сбежал. Поэтому не нужно, чтобы меня здесь видели.

И когда Син Джой, вытаращив глаза, испуганно охнул, добавил нетерпеливо.

— Мне пришлось это сделать. У нас беда, друг. Большая беда. Эйфория у воронов и мне нужна твоя помощь. Очень нужна, Джой.

Джой пошатнулся и закрыл смертельно побледневшее лицо руками, переживая страшное потрясение. А когда опустил ладони на глазах его блеснули слезы.

— Да, Реми, хорошо. Конечно. Что я должен делать?

Голос его дрожал и прерывался. Реми положил ему на плечо свою руку и крепко сжал, потом встряхнул хорошенько и строго сказал:

— Соберись, Джой. Я верну ее, мы вернем ее. Мне нужно, чтобы ты пошел со мной. Я не буду подвергать тебя опасности, но ты понадобишься ей там.

— Да-да, конечно. Можешь на меня рассчитывать. — Джой осушил глаза и, не глядя на Реми, несколько раз глубоко вздохнул. Ужасная новость оглушила его, но он постарался взять себя в руки. Потом посмотрел на товарища и спросил с надеждой, от которой сердце Реми болезненно сжалось. — Ты ведь справишься с ними? Верно? Ты ведь сможешь это сделать?

— Послушай меня, Джой, — Реми вновь крепко сжал его плечи и заглянул в глаза, чтобы убедиться, что Джой его слышит и понимает. — Я буду ждать тебя в течение часа и не минутой больше на нашем старом месте у моста. Постарайся не опоздать, иначе мне придется уйти без тебя. Возьми с собой провизии на три дня и найди лошадей, поедем верхом. У нас очень мало времени. И Джой... Приходи один. Ты знаешь, о чем я. Если меня схватят, Эйфория погибла.

Глава 32 Высшая клятва

Первые проблески зари высветлили небо, когда Реми и Джой вступили под сень колдовской дубовой рощи, окружавшей Воронью крепость. Всю ночь они, не давая минуты отдыха ни себе, ни коням, спешили навстречу судьбе с единственным желанием вырвать из жестоких вороньих когтей беззащитную девушку.

На землях Воронов дорог было немного, мало кто рисковал без особой нужды путешествовать по этим опасным местам, с незапамятных времен снискавших себе с дурную, кровавую славу. Кое-где путникам приходилось спешившись, осторожным шагом, при тусклом свете щербатой луны, пробираться узкими тропами по уступам скалистых, горных отрогов. Там, на мрачных, каменных утесах, воздвигли, руками захваченных ими рабов, свою цитадель вороны, положив в ее основание немало человеческих жизней. Когда вдали над верхушками деревьев стали видны в свете восходящего солнца огромные черные стены и башни крепости, сердце Реми зашлось от боли и забилося с внезапной, неистовой силой, так что, показалось ему, не выдержит напора охвативших его чувств и горьких воспоминаний. Вновь ужасы прошлого встали у него перед глазами, заслонив на мгновение свет пробуждающегося дня. Он глубоко вздохнул, остановился и обернувшись к Син Джюю, который неотступно следовал за ним с мрачным сосредоточенным видом, произнес негромко, чувствуя в груди стеснение скорби и вместе с тем решимость:

— Дальше я пойду один...

Джой сразу вскинул до того понуро поникшую голову и вперил в него подозрительный, пристальный взгляд:

— Ну уж нет. Я тоже иду и это совершенно точно. Ты можешь один не справиться, а у меня есть...

Тут он внезапно смутился и замолчал.

— У тебя есть оружие против них, — продолжил Реми. — Или против меня, если мои намерения окажутся не совсем такими какими нужно. Я знаю, Джой. И я понимаю тебя и твои опасения. Но прошу, поверь мне, пожалуйста. А если ты еще сомневаешься, то подумай сам: я бы давно мог сбежать, если бы захотел, если бы вдруг заимел такое желание. И ни ты, ни ваша стража, никто не помешали бы мне сделать это. Даже сейчас, Джой, я прошу тебя доверять, потому что мне нужна твоя помощь, чтобы вернуть Эйфорию домой. Именно поэтому я и позвал тебя. Но к воронам я пойду один, иначе никто из нас больше не увидит света.

Странная тишина царила в этот предутренний час в Колдовском бору, не слышно было здесь ни беспечного щебета птиц, что переливами звонких трелей встречают новую зарю, ни свежего, безмятежного шелеста листьев, разбуженных дыханием прохладного ветра с гор, лишь сухое, змеиное шуршание травы под ногами усталых путников. Джой достал из кармана платок и обстоятельно вытер обильно выступивший на лице и шее пот, уголки его губ опустились, выражая уныние и безнадежность.

— Хорошо, — наконец неохотно обронил он, так и не разгладив хмурую складку между бровями. Он пытался прочесть в ярко блестящих глазах Реми ответы на свои вопросы, но не смог проникнуть за их непроницаемо-темную завесу. Лицо его товарища было серьезным и строгим, без тени сомнений или страха, как у воина перед неизбежной, грядущей битвой. — Ты уверен, что справишься с воронами и при этом сможешь сдержать этот свой дар?

— Это не дар, Джой, — тяжело вздохнул Реми. — Это — проклятие, но не волнуйся, я смогу забрать Эйфорию. А теперь, слушай меня внимательно: верхом здесь уже не пройти. Есть, правда, старый тракт по которому местные доставляют в крепость дань, но он лежит в стороне отсюда. Да нам туда и не нужно. Я быстрее доберусь пешком, через утесы, а ты должен будешь ждать меня вот под этим деревом. Именно здесь, Джой. Это важно, потому что, когда я вернусь с Эйфорией, на счету будет каждая минута, и я не хочу потерять время разыскивая тебя по этому проклятому лесу. Не отходи от дуба, — тут Реми дотронулся рукой до шершавой коры старого, искореженного временем и непогодой великана с раскидистой кроной, жухлая трава под которым была усыпана крупными, спелыми желудями. — Не дальше его тени в полдень. Здесь легко заблудиться.

— Я помню, как матушка говорила, раз войдя в Темный бор — уже не выйдешь, черное, воронье колдовство не позволит.

— Да, верно, — ответил Реми, доставая из седельной сумки уже наполовину осушенную фляжку с водой и крепкую веревку. — Если бы нас не защищал Знак, то так и было бы. Ну все, пожелай мне удачи, друг.

— Ты не сказал, сколько мне ждать.

— До первой, вечерней звезды, но мы придем раньше.

С этими словами Реми кивнул на прощание Джою, который стоял, крепко сжимая в руках поводья двух лошадей, чьи шкуры были темны от пота, потом развернулся и, вскинув на плечо моток веревки, быстро зашагал прочь и вскоре скрылся за деревьями в едва начинавшем брезжить свете утра...

...Крепость Воронов окружали четыре стены, которые поднимались неровными уступами к ее мрачной громаде, ощерившейся острыми пиками черных башен в небо. И в каждой стене — только одни ворота: северные, восточные, южные и западные, через которые в крепость могли, с ведома и разрешения воронов, пройти визитеры: откупщики с данью, собранной у местных крестьян и торговцев, да и не только местных. Все окрестные поселения на границе Вороньего края несли это ярмо, не рискуя ослушаться, в вечном страхе перед лихими, разбойничьими набегами черного племени, после которых на месте человеческого жилья оставалось лишь смердевшее гарью пепелище, а рудники и ямы крепости наполнялись новыми невольниками.

Сами вороны, прошедшие обряд посвящения и обретшие способность обращаться, покидали крепость и возвращались в нее по воздуху, в своем вороньем обличе. Никто из них не стал бы ронять достоинства пользуясь нижними воротами, предназначенными исключительно для этого сброда, скрогов, словно земляные черви, ползающих у них под ногами, годных лишь для рабского труда и кровавых утех. Ронгонки не часто выходили до Обряда за крепостные стены, проводя время в поединках и упражнениях на выносливость и силу, в прислуживании старшим воронам и редких, особенно нелюбимых ими, занятиях по ученым книгам. В Колдовской бор они отправлялись, когда наступало время обучаться выслеживать и настигать добычу, готовиться стать полноправными членами стаи. Для этого существовал особый ход из крепости, о котором никто из посторонних не знал, он шел каменным, извилистым туннелем под землей. Сначала Реми хотел воспользоваться им, чтобы быстрее проникнуть в крепость, но поразмыслив, передумал.

Преодолев череду крутых уступов, он обмотал вокруг пояса веревку, спрятав ее под рубашкой, и отправился к первым на своем пути в крепость, северным, воротам. Перед забранным решеткой угрюмым провалом, похожим на жадно оскаленную пасть, он

остановился и решительно постучал, со всей силы опуская огромное, чугунное кольцо на толстые прутья. Звук ударов, глухой и напряженный, поплыл медленным гулом, тяжело осел на землю, придавленный душным, плотным воздухом, и скоро угас, потерялся в толще крепостной стены из черного камня. Никто не откликнулся на стук, стояла обманчивая, недобрая тишина, крепость казалась вымершей. Но Реми знал, что это было не так, в этой настороженной, зловещей тишине таилась насмешка и угроза, тому кто осмелился прийти к железным воротам.

Реми постучал снова, вкладывая в каждый удар частицу темного пламени, так, что скоро решетка ворот начала неистово гудеть, отзываясь на его настойчивость. И все равно прошло довольно много времени, пока на крепостной стене, высоко над его головой не показался страж, один из вронгов, словно в броню, закутанный в черный плащ.

— Чего тебе нужно, изгой? Как смеешь ты, презренный отступник-нарраг, тревожить своим назойливым стуком эти врата.

В голосе стража слышалась издевка и любопытство, он посматривал на Реми свысока, небрежно опершись на тонкое, черное копьё.

— Я хочу видеть скарга, — крикнул ему Реми. — Передай ему, что пришел тот, кого он ждет.

В ответ, с крепостной стены послышался злобный смех, больше похожий на хриплый клетот:

— Да видно ты совсем ополоумел, изгой, если вообразил, что я буду куда-то бегать, подчиняясь приказам такой падали как ты. Но если очень хорошо попросишь, я могу передать скаргу твою печень, чтобы он оценил ее вкус.

И ворон громко захохотал, придя в восторг от своего остроумия, но Реми было совсем не до смеха. Солнце всходило, с каждой минутой приближая роковой, назначенный час. Скрепя сердце он смиренно произнес, думая лишь о том, как быстрее проникнуть в крепость.

— Прости. Я вовсе не хотел утруждать тебя своей ничтожной просьбой. Но может ты пропустишь меня, чтобы я мог сам доставить свою печень скаргу Моррису. Уверен, он будет тобой доволен. Тем более, что у меня есть вот это приглашение от него.

И Реми достал из кармана воронье перо, увидев которое страж перестал смеяться и что-то недовольно прокаркал, но все же дал сигнал чуть-чуть приподнять ворота, предоставив Реми возможность, под непрерывные насмешки, протиснуться ползком под острыми зубьями решетки, норовящими впиться ему в спину своими смертоносными жалами.

Та же история повторилась и у других ворот. Реми был убежден, что скарг, еще на подходе к крепости уже был осведомлен о его приходе, что за ним пристально следили едва он пересек границу Вороньего края, а возможно и раньше. И что скарг не мог отказать себе в удовольствии понаблюдать за его попытками проникнуть в крепость, за его возвращением, обставив все так, чтобы лишний раз напомнить Реми, о его положении изгоя и утвердить свою власть над ним.

Реми не мог без содрогания смотреть на крепостные стены, преодолевая неблизкий путь между воротами. Ему казалось, что черные каменные преграды, между которыми он шел по узкой тропе вот-вот сомкнутся у него над головой. Он задыхался в их мрачной тени, где казалось совсем не осталось воздуха, а тот что был, настолько пропитался темным колдовством и жестокостью, что сам стал отравой. Ему стало казаться, что он уже целую вечность идет по этому лабиринту, которому нет конца, что теперь он до скончания дней так

и будет кружить между черных стен в тщетной попытке достичь своей цели.

Не давая этому мороку лишиться себя сил, зная, что он лишь действие вороньих чар, Реми упрямо продвигался вперед, стремясь навстречу своей судьбе, от которой сжималось в безысходной тоске его сердце. И только мысли о девушке, ее горячем, любящем сердце, теплых, нежных губах и сладких поцелуях, ясных, серых глазах, согревали и поддерживали его в этом пути к страшной Вороньей крепости, из которой он когда то чудом вырвался и в которую теперь вынужден был вернуться, чтобы покорившись неизбежному, предстать перед скаргом. Он знал, что Моррис постарается отомстить ему за побег из-под его тяжелой длани, но все это уже не имело для него значения, главное было вернуть Эйфорию, вырвать ее из когтей вороньей стаи.

Скарг встретил его у последних, западных ворот, недалеко от ристалища так памятного Реми, пролившего здесь немало своей крови. На его темном, сумеречном лице застыло выражение жестокой радости. Он стоял посреди мощеной камнем площадки величаво выпрямившись, как высеченный из черного гранита монумент, возвышаясь перед Реми мрачным порождением ночных кошмаров. За спиной скарга, застыли, угрюмо насупившись, с десятков вронгов среди которых выделялся горделивой статью Фрай, не сводивший с Реми глаз, то и дело злорадно выпускавший наружу свой змеинный, раздвоенный на конце язык.

— Зачем ты явился, изгой? — сурово произнес Моррис.

— Я пришел к тебе с просьбой, — ответил Реми. — Прошу тебя, пожалуйста, отпусти девушку, позволь ей вернуться к своим родным, не губи ее жизнь.

Скарг хищно ощерился, показав острые волчьи клыки, в глазах его вспыхнул тусклый, багровый пламень. Он окинул стоявшего перед ним юношу быстрым, пронзительным взглядом и произнес с усмешкой:

— Ты просишь меня отпустить твою скра, чтобы она могла вернуться в свой хорошенький домик, к своему великодушному, милостивому папаше и дальше жить своей пустой, благополучной жизнью? В самом деле?.. Не уверен, что это разумно. Я предназначил ей более достойное будущее, хотя и не такое беспечное как ее прошлое. Эта скра хороша собой, молода и здорова. Она крепкая и выносливая, поэтому может принести пользу нашему племени, послужив своим нежным телом вместилищем для будущих воронов. Что скажешь, изгой?

При этих словах по лицу Реми разлилась смертельная бледность, он тяжело, мучительно сглотнул, но промолчал, опустив на мгновение взгляд, чтобы совладать с яростью темного огня, норовившего помутить его разум и затмить его взор, ослепить его безумием гнева и отчаяния, чтобы в конечном итоге уничтожить, не дав исполнить задуманное. Не дождавшись ответа скарг продолжил, не переставая сверлить юношу злобным, пронизательным взглядом, испытывая на прочность его выдержку и про себя досадуя на стойкость ненавистного изгоя.

— Вот, Фрай жаждет поделиться с ней своим славным семенем, чтобы она могла дать нам много маленьких скреджечь, юных воронов, прежде чем ее тело истощится и зачахнет. И я с удовольствием предоставлю ему такую возможность как моему лучшему вронгу в награду за преданность и усердие.

— Ты знаешь, скарг, — заговорил тут Реми голосом, в спокойном тоне которого таилась угроза и решимость. — Что я не допущу такого. Ты, знаешь, что темный огонь всегда со мной, всегда настороже и лучше не будить его, чтобы не пострадали многие из черного племени, прежде чем ты сможешь остановить меня.

— Тогда твоя скра умрет. — На плечах скарга ошетились острия перьев, лицо исказила безобразная, гневная гримаса, руки взметнулись вверх в проклинающем жесте. — Не думай, что можешь угрожать мне своей силой, тебе не совладать со мной, жалкое, предательское отродье. Я здесь хозяин и повелитель. И в стенах этой крепости, и за ее пределами я решаю кому жить и как жить, а кому пришла пора стать падалью.

— Я не хочу кровопролития, — сказал примирительно Реми. Он отчетливо понимал, что развязав бойню, никак не поможет Эйфории, только погубит и себя, и ее. Поэтому следовало быть терпеливым и сдержанным. Лишь дав Моррису то, что он хочет, можно было спасти девушку. — Я обращаюсь к тебе с просьбой, смиренной просьбой. Я признаю твое могущество и власть. И надеюсь на твое великодушие, Верховный ворон.

Скарг медленно опустил руки с хищно скрюченными пальцами, сделал несколько шагов, почти вплотную приблизившись к Реми, и склонившись к его лицу прошипел, указывая на стоявших у стен крепостной башни вронгов:

— Посмотри! Посмотри внимательно на того, кто все прошлые годы в этой крепости опекал тебя, неблагодарного ублюдка, и кому ты отплатил так низко и вероломно. Я уже не говорю о том, как ты отблагодарил меня за мою заботу о тебе и за то, что я сохранил тебе твою никчемную жизнь, которую ты трапишь на то, чтобы гнуть спину на фермеров, на этих скотов и сам уподобляешься им. Посмотри на Фрая! Он стал за эти годы гордостью нашего народа, он скоро станет наргом, заступив на место доблестного Моргота, павшего в неравной схватке с орлом. А кем стал ты, Реми-отступник? Белой падалью, презренным чужаком-изгоем, которого отовсюду гонят как паршивого, бродячего пса. Я предупреждал тебя. Ты помнишь? Но ты не внял моей мудрости и доброму совету. Я больше не хочу растрчивать их понапрасну. Что ты можешь мне предложить в обмен на эту скра, которая так дорога тебе, а значит имеет немалую цену. Также как и мое великодушие.

Реми поднял голову и посмотрел на скарга, выдержав его тяжелый, горящий вечным подозрением взгляд:

— Отпусти девушку и позволь мне сопроводить ее до границы края. И я вернусь к тебе с сердцем жертвы. Я предлагаю тебе жизнь за жизнь и душу за душу. В этот раз я принесу тебе сердце жертвы, скарг.

Скарг сделал вид, что задумался, скрывая ликование. Потом растянув в довольной ухмылке губы, произнес роняя каждое слово весомо и значительно:

— Это должно быть человеческое сердце, изгой. Дорогое тебе человеческое сердце. Есть у тебя такое на примете?

— Да, — без колебания ответил Реми, но взгляд его при этом затуманился, а из груди едва не вырвался тяжелый вздох.

— И ты придешь без защиты Знака. Только тогда я завершу обряд и сочту, что мы квиты.

— Я согласен, — ответил Реми и голос его не дрогнул.

— Поклянись высшей клятвой, что исполнишь сказанное.

Реми поднял левую руку, соединив в кольцо большой палец и мизинец, устремив три других, крепко сжатых между собой, в ясное, утреннее небо, затем достал, притороченный к ремню нож и быстро взмахнув, рассек крест-накрест запястье. Брызнула кровь, окропив траву под его ногами. Солнечный свет на мгновение померк, как будто на солнце легла мимолетная тень. В ту же минуту душу Реми пронзил незримый клинок, поразив ее болезненной мукой, а лица коснулось жаркое дыхание невидимых хранителей клятв и обетов, которым он отдал в залог свою кровь. Она уже спеклась и почернела, а на руке

остался ярко пламеневший след, означавший, что клятва принята и союз заключен. Пути назад больше не было.

Глава 33 Освобождение

— Клянусь, — сказал Реми, глядя в глаза Верховному ворону, взглядом истинное выражение которого пряталось за непроницаемо-темной завесой. — Клянусь высшей нерушимой клятвой, что исполню сказанное и вернусь в крепость в назначенный час с сердцем жертвы для завершения Священного обряда обращения. Клянусь, что это будет человеческое сердце, того кто мне по-настоящему дорог. Но поклянись и ты, скарг Моррис, властитель Края Воронов, что примешь эту жертву в исполнение клятвы и не будешь в дальнейшем преследовать скра, которую я заберу, девушку по имени Эйфория и ее родных.

Лицо юноши, казалось изваянным из белого мрамора, на который бросали синеватые тени пряди густых эбеново-черных волос, обрамлявших его, среди них одна выделялась своей сияющей белизной. И почему-то скарг не мог смотреть на нее, ему представлялось, что если он подольше задержит взгляд на этой ненавистной отметине, свидетельстве иного, чуждого ему мира, то ее нестерпимый свет выжжет ему глаза. В его насквозь пропитанной мраком душе словно змеи постоянно копошились подозрения и недобрые помыслы. Вот и сейчас скарг никак не мог отделаться от гнетущего чувства сомнения, отравлявшего ему миг торжества.

Он долго ждал возможности заполучить силу злополучного выродка, и тем укрепить свое иссякающее могущество и власть. И наконец, этот час пробил, они нашли его слабое место. Эта девчонка, наивная и пугливая, она оказала им большую услугу, пробудив в душе изгоя сильные чувства. Он совершил ту же ошибку, что и его отец, проклятый отступник Реннер, который вероломно променял служение черному племени на скра. Он посмел полюбить. А потом предал свой род, взбунтовался и пошел против его воли Верховного ворона, не захотел признать его главенство, не пожелал подчиниться установленному порядку и поплатился за это.

Но Реннер слишком легко отделался, его смерть была быстрой. Он даже не дал Моррису насладиться видом своих мучений, когда они на его глазах начали убивать нечестивую скра. Скаргу очень хотелось бы упиться этими его страданиями, но он не мог так рисковать. Реннер был предателем, отступником, он отрекся от своего рода, но не перестал при этом быть Вороном, могучим Вороном, чья сила была почти равно силе скарга.

Его сын, грязный выродок, ответит за все, его страданиями он насладится в полной мере. Но этот щенок хитер, он слишком легко сдался, здесь что-то не так. Как не хватало сейчас скаргу его верного Моргота, чутье которого не раз предупреждало их об опасности. Он и тогда не доверял щенку и оказался прав. Но Моргота нет, его кости погребены на дне глубокого Орлиного ущелья, а скарг не может упустить свой шанс прибрать к рукам силу, равной которой он еще не встречал среди Воронов.

Он снова обратил свой взор на Реми, но сколько не вглядывался, ничего не мог прочитать в чертах его лица, хранящих суровое выражение, и после недолгого раздумья произнес так, словно выплюнул:

— Клянусь. На сей раз ты не отвертишься, изгой. Ты заглянул в Черный Кодекс, и знаешь, чем грозит нарушение Высшей клятвы, а значит, теперь ты в полной моей власти.

«Посмотрим, — подумал про себя Реми. — Как далеко простирается твоя власть и много ли ты извлечешь пользы из своего коварства.» Но мысли эти так и остались в тайнике его души, в ответ на слова скарга, он лишь склонил в согласии голову.

— Приведите девчонку, — скарг сделал знак рукой и несколько воронов скрылись за прочной, сделанной из дерева столетнего дуба, дверью черной башни. — Я буду ждать тебя на рассвете следующего за этим дня, на поляне Священного обряда обращения. Смотри не опоздай.

Губы скарга искривились в злобной ухмылке. Он не сводил с Реми алчного, пристального взгляда. Доселе ясное утро внезапно померкло, солнечный диск укрыла тусклая, серая дымка, ветер переменился и усилился, его холодное дыхание напомнило о скором приближении осенней непогоды.

— Я приду, — сказал Реми, в ожидании встречи с девушкой грудь его стала часто вздыматься от едва сдерживаемого волнения. И когда в темном дверном проеме, ведущем в подземелье башни показалась тонкая и на фоне черных, крепостных стен особенно хрупкая и беззащитная фигура Эйфории, дыхание его пресеклось, а глаза засияли нежностью, которая смягчила их суровый блеск. Тревога за судьбу девушки сменилась радостью.

— Эйфи, — позвал он ее и сделал несколько шагов навстречу, глядя как она беспомощно озирается, ослепленная после мрака темницы солнечным светом, потом подбежал и крепко обнял. Сначала Эйфория ничего не могла сказать, испуганно прижавшись к юноше, она крепко обхватила его руками. Он почувствовал трепет ее тела, тяжелое, прерывистое дыхание, из глаз Эйфории внезапно полились потоки слез, таких горячих, что жар их дошел до самого его сердца. Она едва слышно прошептала, спрятав лицо у него на груди, боясь взглянуть по сторонам, чтобы не видеть стоящих вокруг них зловещих, черных фигур:

— Реми, это же сон, правда? Просто страшный сон и мы сейчас проснемся. Ты пришел разбудить меня?

— Эйфи, — мягко сказал он ей на ухо. — Все в порядке, не бойся. Я пришел, чтобы защитить тебя, чтобы увести из этого недоброго места. Никто не причинит тебе вреда. Я же сказал, что не дам тебя в обиду. И я сдержу свое слово. Пойдем.

Реми огляделся вокруг и объявил, стараясь чтобы голос его звучал громко и уверенно, хотя совсем не испытывал никакой уверенности, зная коварство и мстительность Морриса. Тот мог в любой момент передумать, несмотря на принесенную клятву. И кто ведает тогда, что еще могло произойти. Реми хотелось быстрее оказаться с Эйфорией за крепостными стенами, увести, дрожащую от страха девушку подальше от жадных, черных глаз. Реми видел, как изменилось лицо Фрая, его обезобразила досадливая гримаса, заставившая любимого вронга Морриса обнажить в злобной ухмылке кривые, черные клыки, и сжать в бессильной ярости кулаки, провожая голодным взглядом ускользнувший лакомый кусочек.

Когда Реми и Эйфория скрылись за воротами крепости, скарг еще какое-то время стоял, неподвижно застыв в тяжелых раздумьях, не обращая внимания на почтительно вззирающих на него вронгов. Никто из его окружения не решался нарушить молчания, ожидая распоряжений Верховного ворона. Наконец, Моррис жестом подозвал к себе Фрая и Норрда, своих ближайших помощников и прокаркал:

— Приготовьте клетку, цепи и ошейник. На сей раз он от нас не уйдет...

...День перевалил далеко за полдень, на солнце, высоко стоявшем в небе, то и дело набегали пухлые облака, заставляя его меркнуть, а на лесной опушке в тени старого дуба, паслись, лениво пощипывая редкую, невысокую травку, две лошади, неброской гнедой масти. Джой сидел под деревом, между выступающих корней и смотрел как лошади захватывают мягкими губами пучки травы, старательно выбирая самые сочные стебли. Ему

хотелось пить и есть, но Джой знал, что не сможет сделать ни глотка воды, съесть ни кусочка хлеба, он словно застыл в тревожном оцепенении, загадав про себя, что не притронется к воде и еде до назначенного Реми срока возвращения. Так ему было легче ждать, Джою было невыносимо сознавать, что он сидит здесь праздно, как нерадивый пастух, охраняя двух смиренных кобылок, тогда как Эйфория в смертельной опасности. Прошло уже много часов с тех пор, как спина Реми скрылась за стволами деревьев, и каждый час казался Син Джою поистине бесконечным. Время от времени он слышал далекий вороний грей, и каждый раз сердце его при этом сжимал своей колючей рукой страх. Он начал опасаться, что этот поход приведет их только к гибели, что вот-вот мелькнут среди колдовского бора черные тени и придет ему здесь конец.

В полуденной тишине назойливо зудели комары, какие-то мошки то и дело мелькали перед глазами, бурые корни дерева в остатках прелой листвы походили на змей, ныряющих в землю, чтобы изнутри пожрать ее. Джой оперся затылком о шершавый, жесткий ствол, ему почудилось, что он расслышал какой-то шорох, как будто чьи-то тяжелые шаги, шоркали устало по траве «шшшурхх-шшуурхх», и снова «шшшурхх-шшуурхх». Он хотел было встать и затаиться за громадой древесного ствола, но не смог даже пошевелиться. Тело его застыло, став частью дуба, прислонившись к которому он сидел. С нарастающим ужасом он увидел, как из-за соседнего корявого остова еще одного лесного великана, выступила знакомая фигура Реми в сполохах темного пламени, лицо ворона казалось черным от закрывавших его волос. В руках он держал, что-то маленькое и живое, пламенно-алого цвета, будто горсть живых камней. Это что-то билось ритмично и часто, озаряя ладони Реми огненным светом. Но когда он приблизился, не поднимая низко опущенной головы, то Джой заметил, что руки Реми были обагрены кровью, и кровь эта закричала вдруг тонким голосом Эйфории:

— Джой! Джой! Помоги же мне!

Тут Реми расхохотался странным, диким смехом, похожим на конское ржание и швырнул сердце Эйфории ему на колени. Джой громко вскрикнул и внезапно очнулся. Он увидел, еще не совсем придя в себя от сонного морока, лица склонившихся над ним Эйфории и Реми. Рядом снова негромко заржала лошадь, радуясь приходу людей. Видя, что он открыл глаза Эйфи облегченно вздохнула и воскликнула:

— Ох, Джой, как же ты крепко спишь! Мы еле добудились. И как же я рада тебя видеть.

Она порывисто обняла его, а Джой забормотал смущенно и обрадовано:

— Эйфи, ты жива, ты здесь. Ну наконец-то!

Он тоже крепко, от всей души, обнял ее, потом поднял взгляд на Реми, отметив про себя его осунувшееся лицо с глубокими, темными тенями. Он глядел на них с какой-то болезненной улыбкой, а в глазах была печаль, которая гасила их блеск подобно темному пламени, призрачные сполохи которого еще не покинули сознание Джоя, видение из сна стояло перед ним с пугающей ясностью. Он торопливо поднялся и с удивлением отметил, день клонился к вечеру и по колдовскому бору начали расплываться синеватые сумерки

— Как тебе удалось, — спросил он, недоверчиво оглядывая товарища и не замечая признаков, того, что ему пришлось выдержать бой с воронами.

— Мы заключили сделку, — тихо ответил Реми, голос его звучал устало и глухо. Он обнял прильнувшую к нему Эйфорию, и она со счастливой улыбкой, озарившей теплым светом ее бледное, измученное лицо, обвила руками его шею. — Нужно поесть и двигаться дальше. Надеюсь, лошади сыты и хорошо отдохнули, им предстоит неблизкий путь.

— И что это за сделка? — Джой подозрительно уставился на Реми. Но тот лишь

покачал в ответ головой и попросил негромко:

— Не сейчас, Джой.

Они наскоро перекусили и, оседлав лошадей, двинулись в дорогу, следуя по направлению к границе Края. Эйфория сидела на кобылке позади Реми. Обхватив его руками, она утомленно опустила ему на спину голову и незаметно задремала. Лошади шли быстрым, мерным шагом, унося своих всадников все дальше и дальше от Черной вороньей крепости и Колдовского бора, где было неуютно и тревожно не только людям. На землю опустилась ночь, а в небе засияли звезды, украсив его прихотливыми гирляндами сверкающих искр.

— Послушай, — Джой, пришпорив лошадь, приблизился к Реми, чтобы ехать с ним вровень. — Так расскажи мне, что за сделку ты заключил с врагами.

— Расскажу, Джой. Обязательно расскажу, только, когда мы будем на месте.

Реми, молчавший всю дорогу, тяжело вздохнул, потом не глядя на Джоя произнес:

— Доверься мне, хорошо.

— Я-то доверяю, — ответил Джой не совсем уверенно. — Но ты мне так ничего и не объяснил. Быть может, это ты не хочешь мне довериться. Скажи, сейчас мы возвращаемся домой, но я не узнаю дороги. Куда мы едем?

— Мы едем к мьюми, — едва слышно ответил Реми. — Но я прошу тебя, не говори ни слова больше. Здесь даже у травы есть уши, не нужно привлекать внимание лишней болтовней. Ты все узнаешь в свое время.

Джой, который полагал, что они движутся к другой границе, был неприятно поражен известием, но замолчал, обдумывая ситуацию. Его распирало от вопросов, но понимая опасения Реми, он не решился их задать, настороженно поглядывая по сторонам. Вскоре впереди, облитые лунным светом, показались скалы перевала, здесь тропа как будто стала более торной, и они пустили лошадей рысью, стремительно приближаясь к Благословенным землям. У самой границы Реми остановился. Он помог Эйфории спешиться и усадил девушку на камень, отдохнуть от долгой скачки. Потом жестом пригласил Джоя следовать за ним.

Глава 34 Сердце жертвы

Реми усадил Эйфорию на большой валун у приграничной скалы и хорошенько укутал девушку своей курткой, чтобы защитить от ночной прохлады. Потом что-то шепнул ей на ухо. Она нерешительно кивнула, и Реми, чуть помедлив, выпрямился, посмотрел на Джоя долгим, пристальным взглядом и поманил его за собой, сделав несколько шагов по тропе, ведущей за грудой огромных камней, которые рассыпал здесь давний оползень. Джою не понравилось выражение его лица, на нем не было радости, в лунном свете оно походило на маску с темными провалами глаз, напряженным изломом бровей, резкой, суровой линией губ. Он видел, что Реми что-то гнетет, словно на плечах его лежал тяжелый груз, и он никак не мог его скинуть. Этот договор, который он заключил с врагами, не в нем ли было дело. Неужели вороны потребовали выкуп? И какой?

— Постой, — сказал он, удерживая за узду свою лошадь, молодая, белолобая кобылка беспокойно перебирала ногами, испуганно прядая ушами. Ей будто передалось общее, беспокойное настроение или, внезапно подумал Джой, она чувствует кого-то еще, кого-то постороннего. — Куда ты собрался? Зачем?

— Идем со мной, — сказал Реми глухим и каким-то темным голосом. — Мы ненадолго.

— Но как же Эйфи! — спросил Джой. Ему стало не по себе, по спине пробежал неприятный холодок. Это место среди угрюмых скал, изломы которых напоминали ему скорчившихся в засаде злобных великанов, было Джою совсем не по душе, вызывало тревогу и желание побыстрее оказаться как можно дальше отсюда. Искореженные, сухие ветви кустарника издавали неприятный, таинственный скрип. Ключья тумана среди них легко можно было принять за призраков неуспокоенных душ, погибших здесь живых существ, а может это они и были. Бугристые валуны, что громоздились вокруг, походили на чьи-то огромные черепа, а сверху черной пропастью, нависало бездонное небо с колючими звездами. — Мы не можем оставить ее здесь одну.

— Я побуду с ней, — сказала королева Юта, внезапно показавшись из тени, и Джой вздрогнул от неожиданности, шумно переведя дух. Реми быстро приблизился в Королеве и приветствовал ее, преклонив колено, после чего сказал отрывисто:

— Ты очень рискуешь, находясь здесь, Королева.

— Я знаю, Реми, — ответила Юта. Ее фигуру скрывал темный плащ, но из-под низко опущенного капюшона, пробивался едва заметный теплый, мерцающий свет. Она дотронулась изящной, тонкой рукой до лица юноши. — Но ты просил, и я пришла.

— Спасибо, — произнес Реми дрогнувшим голосом. — Я бы не смел просить тебя об этом. Но мне хотелось...

Он поднял взгляд на королеву мьюми и они некоторое время так и смотрели в глаза друг другу, словно вели безмолвный диалог. Потом Реми поднялся и вновь поманил Джоя за собой, а Юта подошла к Эйфории, которая при виде Королевы встала с камня и склонила в поклоне голову.

Тусклой, щербатой монетой выкатилась на небосклон луна, высоко поднявшись над пиками гор. Равнодушный и давний свидетель темных ночных дел, она подслеповатым глазом нежити следила за всем происходящим на земле, и от ее недоброго взгляда было не укрыться. Реми и Джой поднялись на небольшую, скалистую площадку с которой открывался вид на лежавшую по ту сторону перевала долину Благословенных земель. Даже

сейчас во тьме полуночи она казалась чашей из драгоценного нефрита, мерцающей нежным, жемчужным светом. Этот свет манил усталых путников, обещая ночевку среди густой, душистой травы, где запах чабреца мешался бы с мятой, и теплый, ароматный ветер приносил чудесные сновидения, лаская своей мягкой рукой лица спящих.

— Как красиво, правда, Джой? Посмотри, — сказал Реми, замерев у края скалы. Он с тоской и грустью созерцал чудесное зрелище, понимая, что возможно видит его в последний раз.

— Зачем мы здесь? — спросил Джой, он вновь ощутил, как пробежал по спине холодок тревоги.

— Ты хотел знать, что за сделку я заключил с воронами. Я скажу тебе, — произнес Реми, не отрывая взгляда от сияющей Долины, голос его едва заметно дрогнул. — Им нужен был я, Джой, поэтому они не тронули, Эйфорию. Скарг знал, что я приду за ней, готовый заплатить любую цену. Он отдал мне ее в обмен на сердце жертвы, которое я должен принести ему на рассвете этого дня в знак исполнения обряда. И я поклялся нерушимой, высшей клятвой, что это будет человеческое сердце.

— Ты дал им клятву, что пройдешь обряд? Что принесешь им чье-то сердце? Принесешь жертву? — воскликнул пораженный Джой и невольно отступил, отшатнулся от Реми, не в силах скрыть испуг и смятение.

— Не бойся, — повернулся к нему Реми. Его лицо стало очень спокойным и печальным. — Есть только одно сердце, которое я могу принести скаргу в жертву. Мое собственное. И мне нужно, чтобы ты помог мне, Джой.

— Но что я могу сделать, — пробормотал тот растеряно, глядя на него во все глаза. Недоверие в его душе боролось с желанием отринуть опаску и предубеждения, впитанные с детских лет вместе со страшными рассказами матери о воронах.

— Ты отведешь Эйфорию домой, потому что я не вернусь. Но сейчас вам нужно побыть какое-то время под защитой друзей. Я не верю Моррису, а здесь они вас не достанут. И, Джой... — тут Реми замолчал и посмотрел на него ярко блестящими в лунном свете глазами. — Я прошу тебя, позаботься об Эйфи. Не говори ей ничего пока.

— Послушай... — начал было Джой, но Реми перебил его, настойчиво повторив:

— Позаботься о ней как следует, понимаешь. Постарайся, чтобы она была счастлива. По-настоящему счастлива. Пообещай мне это.

Джой покачал головой, он прислонился к каменной стене, отвесно уходившей ввысь, и горестно понурился, не удержавшись чтобы не вздохнуть. Потом сказал взволнованно, не поднимая взгляда:

— Боюсь, что без тебя здесь ничего не выйдет. Я не смогу, Реми, ей нужен ты. И я не знаю, что тут можно сделать. Ты просишь меня о том, что не в моих силах.

— Ты постарайся, Джой, — Реми приблизился к нему, схватил за плечи и легонько встряхнул, вынудив посмотреть ему в глаза. — Обещай, что постарайся.

Джой, наконец, поднял голову и посмотрел на Реми, так словно в первый раз его увидел, потом заговорил горячо:

— Нет, ты не знаешь, Эйфи. Совсем не знаешь. Она не смирится. Ни за что не смирится. И ты не можешь, не должен так поступать с ней. Она пойдет вслед за тобой, и ты напрасно думаешь, что сможешь удержать ее от безрассудства. Она не примет такой жертвы. Ни за что не примет! Ты хорошо подумал, Реми? Да неужели нет иного выхода?

— Нет, Джой, только так я и могу поступить. Так будет правильно, я чувствую это. Они

никогда не оставят меня в покое, уничтожая всех, кто мне дорог. Жить в вечном страхе за тех, кто мне близок, обречь их на страдания и муки, я не могу, Джой. Мне все равно нет места, ни в мире воронов, ни в вашем мире. Я везде буду изгоем. Пожалуй, здесь проклятый Моррис прав... Так, не забудь, о чем я попросил тебя. Теперь, пойдем, у меня осталось не так много времени.

Реми начал спускаться с площадки, но Джой торопливо окликнул его:

— Послушай! Подожди немного, я должен... Я хочу кое-что сказать тебе... Про себя...

Реми обернулся и посмотрел на неловко замолчавшего Джоя, потом дружески улыбнулся ему и произнес негромко:

— Что ты ходил со мной все это время не как товарищ, а как соглядатай от городской Управы. Я знаю, Джой. Я не в обиде. Ты все равно был для меня хорошим другом. И знаешь, я рад, что ты сейчас со мной.

Они вновь спустились на тропу, где их встретили Эйфория и Юта, с нетерпением и тревогой ожидавшие окончания трудного разговора, о содержании которого одна из них не имела представления, а другая догадывалась наверняка.

— Реми, — Эйфория подбежала к юноше и обняла его, не в силах сдержаться. После всего пережитого, даже несколько минут без своего защитника были для нее мучительны. Она не могла на него насмотреться, вбирая и сохраняя в сердце каждое его слово, каждый обращенный на нее взгляд, каждое прикосновение. Ей казалось, что никогда еще она не любила его так как сейчас, всей полнотой своей души и сердца, которое стучало в унисон с его сердцем, биение которого она слышала, обнимая Реми. И в целом мире не было для нее звука прекрасней этого.

— Реми, — повторила она, с тревогой заглянув ему в глаза, — когда мы двинемся дальше. Здесь так неудобно и немного страшно.

Реми ласково посмотрел на девушку, взгляд его сделался мягким и нежным, словно его озарил свет: «Уже скоро, Эйфи, но сначала нужно кое-что сделать.»

Он повернулся к мьюми и спросил:

— Ты ведь pomoжешь мне, Юта? Я принес все, что нужно.

Вместо ответа Юта протянула к нему руки, и когда Реми подошел к ней вместе с Эйфорией, она дотронулась до его груди и тяжело, прерывисто вздохнула. Потом слегка откинула капюшон, скрывавший ее лицо и произнесла:

— Все в моей душе противится этому, друг мой. Но мы не в силах изменить своей судьбы и того, что предначертано нам свыше. Я вижу этот путь как то, что было изначально, поэтому склоняю перед ним смиренно голову и говорю: я помогу тебе исполнить то, что ты задумал. Как и сохраню то, что тебе дорого, насколько это будет в моей власти.

Реми, не говоря больше ни слова, преклонил перед Ютой колени и Эйфория, повинувшись его знаку, сделала то же самое. Он снял рубашку и передал ее Джою, который взирал на все происходящее в скорбном молчании. Но перед этим Реми достал из-за пазухи небольшую, плоскую фляжку, которую бережно положил перед собой на каменистую почву, а после того, как разделся, вновь взял ее в руки и осторожно снял крышку. В ночном, холодном воздухе разлился странный, свежий и одновременно острый аромат, непохожий ни на что знакомое.

— Вода Источника Посвящения! — ахнул изумленно Джой.

Юта взяла из рук Реми сосуд с водой и кивнула ему, в ее глубоких глазах начали переливаться волны темно-фиолетового света, лицо приобрело сосредоточенное и

отрешенное выражение, прекрасные уста неслышно зашептали что-то на древнем языке.

— Я отрекаюсь от защиты Знака, — произнес вдруг Реми низким, приглушенным голосом и Эйфория вздрогнула, хотела заговорить, но Юта не дала ей сделать это, заставив одним только взглядом онеметь ее уста. На тыльных сторонах ладоней Реми, пронзая их насквозь, и между темными, четко очерченными бровями, появилось слабое, красноватое свечение, похожее на то, как просвечивает порой солнце через тонкую кожу век. Он поднял голову, закрыл глаза и произнес все тем же странно низким, будто идущим из глубины его существа, голосом:

— Я, тот кого называют Реми, отрекаюсь от защиты Знака.

Свечение на руках и лице стало ярче, как будто что-то двигалось под кожей, стремясь выйти наружу. По телу юноши прошла дрожь, дыхание участилось и стало видимым, теперь вместе со словами из его губ вырывались призрачные, белесые облачка пара и тут же таяли. Он произнес трудно, с усилием выталкивая каждое слово, от напряжения на его лице выступил горячий пот:

— Я, тот кого называют Реми, отрекаюсь от защиты Знака по своей и доброй воле окончательно и бесповоротно.

Свечение на лице и руках стало пронзительно-ярким и на поверхность кожи, озарив ее светом, выступили, три сияющих, огненно-золотых кольца, величиной как самая мелкая монета. Они плавно поднялись вверх, и в воздухе соединились в огненный цветок, в котором Эйфория с удивлением узнала очертания живого камня, который сначала сиял нестерпимо сильно, но быстро начал темнеть и угасать. Но, прежде чем он погас и обратился в прах, Юта поймала его в свою ладонь и тут же опустила в сосуд с водой Источника посвящения. И старая, оловянная фляжка засияла словно стенки ее все в царапинах и вмятинах стали вдруг хрустальными, и сама она наполнилась светом, сполохи которого заиграли на лицах, стоящих вокруг людей, волшебных существ и даже лошадей, которые забыв о страхе, замороженно смотрели на этот дивный свет большими, темно-лиловыми глазами. Юта передала сияющую фляжку Реми, и он поднес ее к губам Эйфории.

— Ты должна выпить и трижды произнести: «Я, Эйфория, принимаю защиту Знака». Только поторопись, пожалуйста.

Словно во сне, еще не веря в реальность происходящего, ошеломленная Эйфория сделала как велел ей Реми. По жилам ее словно пробежал огонь, ее окутало горячее и ароматное как дыхание летнего зноя облако, она ощутила легкое покалывание в ладонях и над переносицей, так что ей нестерпимо захотелось чихнуть, что она, не сдержавшись, и сделала. А потом еще и еще раз. Джой бросился к девушке и хотел помочь ей встать, но она уже поднялась сама, чувствуя во всем теле необыкновенную легкость.

— Зачем ты это сделал, Реми! — воскликнула она, обратив свой взор на юношу, продолжавшего стоять на коленях. Голова его бессильно поникла, спина сторбилась, а плечи опустились, рука была прижата к груди, на которой вновь явственно проступил, причиняя мучительную боль, кровотокающий знак, выжженный Верховным вороном. Реми с трудом разогнулся и медленно поднялся с колен, вытер пот с лица, мертвенная белизна которого не на шутку напугала Эйфорию, заставив ее испуганно вскрикнуть.

— Все в порядке Эйфи, — прохрипел Реми, пытаясь улыбнуться. — Мне пора. Проводи меня немного, хорошо.

Не отнимая от груди одной руки, он нашел, не глядя, другой рукой ее хрупкое плечо и тяжело оперся на него. Постоял, немного пошатываясь, сделал несколько неуверенных шагов

и тут почувствовал, как Джой, подставив свое плечо, поддержал его. На влажные от пота виски Реми легли прохладные и невесомые ладони Королевы мьюми, на кончиках пальцев которой плясали голубые огоньки. Они окутали сиянием его грудь, облегчая боль и, Реми смог перевести дух, прошептав едва слышно: «Прощай прекрасная Королева Юта. Благодарю тебя за все.»

Она коснулась поцелуем его лба и быстро отвернулась, скрывая заблестевшие на глазах слезы. Реми кивнул Джою и повернулся к Эйфории, не сводившей с него встревоженных глаз.

— Что это значит, Реми, — спросила она голосом дрожавшим от волнения и недоброго предчувствия. — Я не понимаю... Если тебе нужно уйти, я пойду с тобой. Все равно куда. Я ни за что здесь не останусь без тебя.

— Эйфи, милая, — он взял ее за руку и повел за собой, тихонько присвистнув. На его зов отозвалась негромким ржанием одна из гнедых кобылок, звонко зацокав по камням копытами вслед за ними. Какое-то время они шли молча в обратную от границы Края Воронов сторону. Вот скрылись за поворотом фигуры Джоя и Юты, которые смотрели им вслед, застыв на месте, думая каждый о своем. Эйфория шла молча, чувствуя жар его руки, она боялась заговорить, боялась услышать то, что может сказать Реми, и сердце ее замирало в предчувствии беды. Наконец, Реми остановился у невысокого чахлого дерева с тонким, причудливо искривленным стволом, корни которого кое-как находили себе пропитание в скудной почве горного перевала. Мелкие, круглые листья его едва заметно трепетали, хотя воздух был неподвижен и тих. Реми посмотрел на девушку долгим, затуманенным взглядом, произнес негромко:

— Эйфи, послушай меня, пожалуйста, и сделай так как я прошу. Хорошо?

— О чем ты хочешь меня попросить? — сказала она голосом полным тревоги.

Он помолчал, предвидя непростой, мучительный для них обоих разговор, потом сказал, придав голосу безмятежность, которой совсем не чувствовал:

— Мне нужно сейчас уйти. Вернуться к воронам, чтобы отдать им кое-что и освободиться окончательно. Мы так условились. Понимаешь? И тогда, они больше не станут преследовать тебя, а я смогу стать по настоящему свободным.

Он с надеждой взглянул ей в лицо, но Эйфи отрицательно помотала головой, на лице ее отразились тревога и страх. Она пристально заглянула ему в глаза:

— Я пойду с тобой. Не оставляй меня, пожалуйста.

Реми уловил в ее голосе знакомые упрямые нотки и вздохнул:

— Нет, Эйфи, тебе нельзя возвращаться. Тогда все окончательно погибнет. Я должен прийти один. Ты побудешь пока у мьюми, вместе с Джоем. Ты должна отпустить меня Эйфория, иначе они никогда не оставят меня в покое.

— Реми! — на глазах Эйфории показались слезы, а голос дрогнул. — Пожалуйста, не оставляй меня. Не уходи, прошу тебя, я не вынесу нашей разлуки. Да, я боюсь воронов, но еще больше я боюсь, что потеряю тебя. И лучше я пойду с тобой обратно, чем буду в безопасности, но без тебя. Ты говоришь, что это даст тебе свободу, но почему-то у меня так тяжело стало на душе. Я не хочу, чтоб ты к ним возвращался. Не делай этого, пожалуйста. Ведь мы могли бы убежать от них, укрыться где-нибудь с тобой. Быть только вдвоем, чтобы никто нас не нашел.

— Нет, Эйфи, милая. Пойми, я не хочу, чтобы мы повторили судьбу моих родителей. Вороны, они найдут нас рано или поздно, где бы мы не укрылись, как бы далеко не убежали.

Поэтому не удерживай меня.

— Мы будем очень осторожны. Реми, прошу тебя!

— Нет, Эйфи. Не проси. Они придут, когда мы будем счастливы и спокойны, когда поверим, что все плохое уже позади, а впереди только долгая жизнь и счастье, и наша любовь. Это вороны, и они умеют ждать. Они терпеливы, Эйфи, и не знают милосердия и жалости. И я дал клятву, которую нельзя нарушить, иначе проклятие погубит многих, а моя кровь будет сжигать меня заживо, обратившись в яд. Прости. — Он прикоснулся к ее волосам рукой, перебирая пальцами густые, медные пряди, ладонью вытер слезы, беззвучно бегущие по ее щекам, прикоснулся губами к ее глазам, поцеловав мокрые, дрожащие ресницы. И всматривался в ее лицо и не мог насмотреться, стараясь удержать до конца в памяти каждую его черточку, каждую золотую веснушку. — Ты помнишь, как я учил тебя вороньему языку, и ты спросила, как будет звучать на нем «любимая».

Эйфи кивнула:

— И ты сказал, что нет такого слова.

— Мне кажется, теперь я знаю, как оно звучит. И это слово ты, Эйфория. Только с тобой я узнал, что это значит по-настоящему жить, только с тобой одиночество перестало грызть мое сердце...

— Если ты меня любишь, Реми, то не оставляй или позволь следовать за тобой.

— Я люблю тебя, Эйфория. И поэтому хочу, чтобы ты жила, чтобы ты была счастлива, чтобы ничто не угрожало тебе больше. А для этого мне нужно исполнить клятву. Не плачь, прошу тебя.

— Тогда возвращайся поскорее, — произнесла она, не скрывая своих слез. И настойчиво спросила, стараясь заглянуть ему в глаза. — Ты ведь вернешь, Реми? Пообещай мне, что вернешься.

Вместо ответа он снял с шеи тонкую цепочку с небольшой золотой пластиной и бережно надел ее на Эйфи. Цепочка была теплая, словно живая:

— Пусть она будет у тебя до моего возвращения. Только пообещай, что сделаешь как я тебя прошу.

— Я сохраню ее, ты только возвращайся поскорее, — сказала Эйфория и коснулась рукой испещренного письменами прямоугольника, потом спросила с внезапно вспыхнувшим любопытством:

— Ты так и не смог прочесть, что здесь написано? Какое-то заклинание или слова силы?

— Я не прочел, — ответил он. — Я вспомнил, всплыло вдруг в памяти, что видел ее в детстве. Это не заклинание, просто стихи. Хотя, возможно, они имеют какую-то силу, какое-то значение. И если это так, то пусть они хранят тебя, Эйфория, на путях твоей жизни.

— Прочти мне их, — попросила она.

Реми закрыл глаза и произнес немного нараспев:

— Тепло наших тел — это то, что заставляет нас теснее прижиматься друг к другу в холоде осенних ночей. Жар наших сердец — это то, что не дает остыть теплу наших тел.

Закончив говорить Реми открыл ярко заблестевшие глаза, привлек к себе Эйфорию, крепко обнял и поцеловал. И этот его прощальный поцелуй не был похож на те другие, прежние. В нем не было ни страсти, ни упоения, лишь горькая, обжигающая нежность и печаль, соленая от слез. Потом он, не оглядываясь, быстро пошел прочь. Ухватив за узду кобылку, потрусившую за ним вслед, вскочил в седло и прищпорила ее.

— Я буду ждать тебя, Реми, — крикнула Эйфория, но ответом ей был затихающий стук копыт.

Глава 35 Белая птица

Давно стих в ночи стук копыт резвой гнедой лошади, что унесла Реми прочь, а Эйфория все стояла и стояла, замерев в черной тени кривого деревца, не в силах сдвинуться с места. Сердце ее разрывалось от боли, едва обретя друг друга, они вновь расстались, и Эйфория в глубине души предчувствовала непоправимое, но и разум ее, и сердце не хотели принимать этого. Она сильно прикусила зубами большой палец, чтобы не разрыдаться, потому что боялась, что, начав плакать, не сможет остановиться. «Нет-нет, — подумала она, — я не должна, я не буду лить сейчас слезы, будто оплакивая его. Это невозможно, чтобы он не вернулся. Никак невозможно.»

— Я буду ждать тебя, Реми, — прошептала она. — Обязательно возвращайся.

Послышались шаги и на плечо ей участливо легла знакомая рука, осторожно пожала.

— Пойдем, Эйфи, — сказал Джой. — Нам нужно двигаться дальше...

... Рассвет озарил вершины далеких гор нежным, розовым светом, расплескав по их заснеженным склонам золото нового дня. Огненный диск солнца едва показался над горизонтом, когда Реми вновь очутился в густой, мрачной тени Колдовского бора, где под кронами вековых дубов-великанов еще царила ночь, угрюмо поглядывая из-под тронутых старческой, осенней желтизной листьев на неумолимо светлеющее небо. Недалеко от места, назначенного скаргом, он спешил и отпустил уставшую кобылку, перед этим заботливо обтерев ей пучком травы взмыленные бока, потрепал по густой, спутанной гриве, обнял и на мгновение прижался лбом к теплой, упругой шее. Потом звучно хлопнул ее ладонью по крупу и воскликнул, прогоняя:

— Скачи домой! Быстрее! Хой-хой!

И когда кобылка с тонким ржанием умчалась прочь, он, немного помедлив, двинулся вглубь сумрачной чащи, пробираясь меж смыкающихся стволов деревьев, храня на лице суровое, сосредоточенное выражение...

... Эйфория и Джой добрались до Зачарованного озера еще затемно по тропе указанной Королевой, преодолев ее верхом на лошади. И хотя сбылось то, о чем Джой мечтал так часто долгими и жаркими ночами, он не испытывал радости, в душе его царили уныние и печаль. Юта встретила их на берегу, она поспела раньше, используя течение быстрой как горный ручей речки Серебрянки, берущей свое начало среди камней перевала. Изумленная Эйфи увидела, как мьюми склонилась над водой, откинув с лица капюшон плаща, и на темной бурливой поверхности потока засияло ее отражение, которое чуть разогнало мрак ночи. Юта опустила в воду свои тонкие пальцы и в следующее мгновение исчезла, оставив на волнах мерцать голубоватый след.

Королева провела усталых путников к шатру, поручив кобылку заботам одного из мьюми, и предложила Эйфории и Джою отдохнуть и подкрепиться, а когда они немного утолили голод и жажду, но отказались прилечь на устланные мягкими покрывалами кушетки, пригласила провести время на берегу. Мьюми против обыкновения не состязались в эту ночь в дивном своем пении, не слышно было и веселой болтовни, сопровождавшей их в прогулках под луной, беспечного смеха и шуток. Заповедная сторожевая роща едва светилась, казалось тусклой и унылой, не вспыхивали яркие, цветные огни между ветвей, не распускали свои золотые бутоны прекрасные цветы, распространяя дивный аромат. И даже звезды словно потускнели в небе, стараясь приглушить свой неуместно яркий блеск. На

Благословенный край будто набросили покров печали и тишины.

Но Эйфория, поглощенная своими мыслями и тревогами, не замечала ничего вокруг, ее напряженный взгляд был обращен лишь вглубь себя, она искала в себе силы, чтобы не дать отчаянью проникнуть в ее сердце, на котором казалось лежала невыносимая тяжесть. Выйдя из шатра на берег, она опустилась на сочную, зеленую траву, не ощущая ее приветливой мягкости, не видя Джоя, следующего за ней по пятам. Опустив голову, Эйфи задумчиво поглаживала пальцами золотой прямоугольник с округлыми краями на цепочке, что отдал ей Реми, и неслышно шептала при этом строчки, что он прочел ей накануне. Она запомнила каждое их слово и голос Реми еще звучал в ее ушах. Джой сел рядом с ней, поглядывая с грустью на ее застывшее лицо, потом неловко шмыгнув носом, спросил, кивнув на подвеску:

— Значит, он решил отдать ее тебе, на память.

Эйфория замерла, потом нахмутив брови, сердито посмотрела на Джоя и произнесла возмущенно:

— Что ты такое говоришь! Нет, не на память, а лишь до возвращения. Он так сказал мне...

— Он не вернется, Эйфи, — раздался позади голос Юты. — Он обманул тебя, хоть и невольно. Так, что не жди напрасно, прими это сейчас, чтобы не терзаться в бесполезном ожидании.

Эйфория стремительно поднялась, лицо ее от волнения покраснелось, в глазах, устремленных на мьюми, как будто отразились грозовые тучи:

— Неправда. Зачем, ты говоришь неправду, Юта! Он обещал мне, что вернется. Он что-то должен им отдать, чтобы стать свободным, стать навсегда свободным, слышите.

— Ты разве не поняла, Эйфория, — с холодной скорбью в голосе сказала мьюми, лицо ее было скрыто под темной, прозрачной вуалью. — Он ушел, чтобы умереть. Он не вернется.

— Нет! — замотала головой Эйфория. Она смотрела на Королеву широко распахнутыми глазами, пытаясь защититься от страшной правды неверием. — Не говори так, Юта! Как ты можешь!

Но та лишь смотрела на нее блестевшими от слез глазами, потом перевела на Джоя красноречивый взгляд. В ответ он молча покачал головой, не в силах, что-либо вымолвить.

— Ты ведь уже знаешь это, Джой. — произнесла Юта все так же пристально глядя на него. И когда Эйфория подошла к нему очень близко и с мольбой заглянула в глаза, молча отвернулся с мрачным и несчастным видом.

— Скажи ей, Джой, — попросила девушка, положив руки ему на грудь — скажи ей, что это неправда. Ведь ты не отпустил бы его, если бы все было так. Скажи...

— Эйфи... — начал было Джой, но не смог больше ничего сказать, голос изменил ему, и он стоял, судорожно пытаясь сглотнуть застрявший в горле ком. Эйфория опустила руки, отступила от понуро стоявшего Джоя, и огляделась. Рассвет едва начал брезжить и на далеком горизонте, показалась розоватая полоска зари, по Зачарованному озеру прошла легкая рябь от свежего утреннего ветерка, звезды бледнели и гасли, наступал новый день, обещая ясную, теплую погоду. Она вновь обратила свой взгляд на Королеву мьюми, что смотрела на нее сквозь темную вуаль глазами полными скорбной печали и вновь отчаянно замотала головой:

— Я вам не верю.

— Ты хочешь увидеть его в последний раз, — произнесла Юта глухим, безжизненным голосом. — Увидеть, как все будет?

Эйфория, продолжая смотреть на нее неверящим взглядом, только молча кивнула, пытаясь справиться с волнением, охватившем все ее существо, волнением, кружившем голову, лишившим сил, хватавшим ее за горло своей мертвящей хваткой. Ей хотелось кричать от отчаяния, от сознания, что свершается что-то страшное, непоправимое, что она что-то безнадежно упустила, но то же отчаяние сковало ее уста молчанием. Она вновь и вновь гнала от себя черные мысли, пытаясь обратить свой гнев на Юту, с такой холодной уверенностью и беспощадностью, говорящей ей страшные вещи, но в глубине своего сердца знала, что это правда. Но все в ней восставало против этой правды, противилось ей как самой гнусной лжи, способной отравить все, что есть в мире светлого, безмятежного и чистого.

Юта поманила ее за собой. Вслед за ними двинулся нетвердой, запинаящейся походкой Джой, так будто его вели против воли, и он, ступая через силу, все же не мог остановиться. Они обогнули по берегу озеро пока не пришли к небольшой запруде, питал которую подземный родник, делая темные озерные воды светлыми, словно бы насыщенными мельчайшей серебряной пылью, вбирившей свет и отражавшей его дрожащими на ровной, водной глади бликами.

— Это — речное зеркало, — сказала тихо Юта. — Оно не лжет, ведь отражение в нем лишь то, что происходит сейчас и ни минутой позже или раньше. Оно не знает, что ты хочешь видеть, но может показать тебе того, кто занимает в это время твои помыслы. Прикоснись к воде, Эйфория, и ты, Джой.

С этими словами Юта опустила у края запруды и окунула в ее серебристую глубину руки, погрузив их до запястья, и слегка взволновала поверхность воды. Эйфория и Джой сделали то же самое и не почувствовали ни тепла, ни холода, как будто руки их окружило невесомое, блистающее облако. Эйфории показалось, что ладони там, где она чувствовала покалывание знака, вновь начало немного жечь, рука налилась тяжестью и жжение усилилось, но было неожиданно приятным как от живых камней. И это пробудило в ней воспоминания о стране Мечты, Лунной беседке и Реми, что держал в своих ладонях ее руки. Из глаз ее медленно выкатились несколько слезинок и беззвучно упали в светлую воду Зеркальной запруды, мгновенно растворившись в ней. Королева, пристально всматриваясь в воду, начала говорить что-то напевно и тихо, слова звучали незнакомо, но Эйфи поняла внезапно каким-то неведомым ей чувством, что Юта говорит о Реми, о том как он пришел на берег Зачарованного озера в свой первый раз, израненный и умирающий, и как он уходил отсюда в мир людей, чтобы найти свою судьбу и свое место, и как он возвращался вновь, чтобы набраться сил и отдохнуть душой в кругу друзей. Из этого ее рассказа складывалась песня, которая болью отзывалась в душе Эйфории. «А может, — подумала девушка, — это не Юта поет о нем, а я дождливым летним днем стою на крыльце его старого дома и жду, когда раздастся любимый голос и позовет меня по имени, позволив войти не просто в дом, но в свою жизнь». Наконец, закончив петь, Королева подняла руки, стряхнув капли воды, что серебристо блеснули в лучах восходящего солнца, и Эйфория с Джоем замороженные всем происходящим повторили ее движения.

Поверхность запруды, продолжая слегка волноваться, потемнела и Эйфи с удивлением заметила, что потемнела не вода, это в глубине ее появилось изображение погруженной в рассветные сумерки дубовой чащи, среди замшелых, искореженных стволов которой шел человек, шел навстречу своей судьбе Реми...

... Они встретили его на большой лесной опушке, памятной ему с обряда посвящения.

Скарг Моррис и тринадцать вронгов во главе с Фраем, все как тогда, не хватало только Моргота с его угрюмым и недобрим взглядом, с его вечными подозрениями и жестокой усмешкой. Блеск, набирающего силу дня, не мог разогнать окружающую мрачные фигуры тьму, что исходила от их черных, рваных плащей, будто сотканных из смертоносно-острых перьев. Вороны смотрели на него провалами, не отражавших света глаз, застыв в безмолвном ожидании. Лишь Фрай при виде Реми скривился в злорадной ухмылке, да плотоядно пробежал по щели его рта змеиный, раздвоенный язык. Никто из них не проронил ни звука, когда Реми вышел на поляну и приблизился, стояла душная, глухая тишина. От этой плотной и зловещей тишины дышать было невыносимо трудно, сам воздух стал горьким и тяжелым.

— Что ты мне скажешь, изгой, — прокаркал Верховный ворон, резким, жестяным голосом. В руках его блеснул отполированный до гладкости костяной кинжал Обращения, бледного, воскового цвета, но остроты и твердости совсем не восковой. Клинок из кости Перворорона не уступил бы в прочности и самой крепкой стали, знаки заклятья, что были прорезаны на нем чернели запекшейся кровью жертвенных сердец.

Реми приблизился в скаргу и остановился, раскинув руки, на груди его кровоточил незаживающей раной знак черного племени, оставленный Моррисом, лицо было бледным, но спокойным, лишь в глубине темно-зеленых глаз, обращенных в рассветное небо, мелькнуло золотыми искрами воспоминание о дорогом лице, наполнив сердце болью и нежностью.

— Я пришел на рассвете этого дня, как и обещал, скарг, как мы условились. Я пришел без защиты Знака, один и без оружия. И я принес тебе сердце жертвы, чтобы завершить обряд Обращения. Человеческое и дорогое мне сердце, мое собственное. И во исполнение высшей, нерушимой клятвы ты, скарг, должен принять его и сделать то, что суждено. Я все сказал, тебе, так поступи как должно.

— Глупец, — проскрежетал Моррис, приходя в бешенство. — Ты просто глупец... Во исполнение клятвы, я, скарг Моррис, Верховный ворон, принимаю твою жертву, Реми-нарраг, и будь ты проклят!

Он размахнулся и с яростной, нечеловеческой силой всадил в обнаженную грудь юноши длинный, похожий на вороний коготь кинжал, дойдя его острием, через ребра и плоть, до самого сердца. Глаза Реми широко распахнулись от пронзившей его нестерпимой боли, он содрогнулся всем телом, издав короткий, мучительный вскрик сквозь стиснутые зубы, из прокушенной губы побежала тонкая красная струйка. И когда скарг выдернул кинжал таким же резким движением, пожухлую осеннюю траву обагрила ярко-алая кровь, что брызнула из раны на груди Реми. Пошатнувшись, он сделал на слабеющих ногах пару шагов, в последнем мучительном усилии устоять, и опустился на колени, прижав к залитой кровью груди руки, потом хрипло выдохнул и, окруженный воронами, словно стенами темницы, упал. Но перед тем, как свет в его глазах померк, сознание погасло, а мир накрыла тьма, он прошептал негромко: «Я свободен».

...Когда скарг нанес удар, поразивший Реми, Эйфория, не отрывавшая взгляда от страшной картины, что разворачивалась на ее глазах в глубине Зеркальной запруды, горестно, отчаянно вскрикнула, будто клинок пронзил сердце не только юноши, и отшатнувшись от воды, упала, лишившись чувств. Джой тут же бросился к ней на помощь, но Юта, неподвижно замерев у воды, продолжала сидеть, склонившись над мерцающей гладью, наблюдая со стесненным, полным скорби сердцем, как вороны окружили черным кольцом Реми, как из груди его толчками выливалась кровь и темным, блестящим озерцом натекла

вокруг головы, неподвижно лежащей на траве, с лицом, закрытым прядями волос, среди которых выделялась одна-единственная, белая как снег, сверкающий в полуденных лучах на склоне гор.

Вот ее кончики коснулись растущей лужи крови и начали пропитываться ею. И когда белая прядь вся, до последнего волоса пропитавшись кровью, стала ярко-алой, в небе раздался пронзительный, звенящий крик, и с высоты, в сиянии дня, на поляну, плавно кружа, стала опускаться огромная белая птица, прекрасная и грозная одновременно.

С недовольным карканьем вороны опасно отпрыгнули от безжизненного тела Реми, и белая птица, опустив крылья накрыла ими юношу, сомкнув над ним сияющий светом покров. И когда она вновь поднялась в воздух, на поляне там, где было тело, осталась только залитая кровью трава. Со злобным клекотом вороны бросились было вдогонку за белой птицей, но повинуясь знаку Морриса остановились. А душу скарга объял в этот момент неведомый ему дотоле ужас. Кинжал, что он держал в руках, реликвия рода, священный амулет и орудие обращения, испустив черные, призрачные лучи, переломился сам собой на границе, отмеченной кровью изгоя, и почернел, став изъеденной веками старой, обветшалой костью...

...Накануне вечером Город облетела кошмарная, будоражащая новость, заставив досужих сплетников забыть о субботней драке в пивнушке «Соляная пристань», которая вылилась в грандиозное побоище, лишившее питейное заведение немалой части ее мебелировки. Из уст в уста передавали горожане с придыханием, закатыванием глаз в восторженном ужасе, что дочь советника Лэптона похищена бродягой из черного племени. Да-да! Тем самым, вороном, что жил тут среди них, прикидываясь невинной овечкой. «Ох, что же это творится такое на белом свете!» — восклицали они, чувствуя при этом бодрящий, нервный трепет. — Ведь его жертвой мог стать кто угодно. Вы только подумайте! Кто угодно!» И кивая головами, добавляли: «Ведь люди так доверчивы и простодушны, и принимали его как родного, распахивая свои двери и сердца.»

Всю ночь слухи, обрастая подробностями нечеловечески дерзкого, преступного похищения, скакали блохами из дома в дом, катились мутной волной по улицам, рождая справедливое возмущение и жажду мести. Не то, чтобы Лэптона любили в городе, но уважали за твердость характера, родовитость, а более за звонкие монеты, что в изобилии водились в его закромах. К тому же Эйфория была такая прелесть, такая милая девочка, что право слово, заслуживала лучшей доли. Уже к утру сердца горожан настолько переполнились праведным гневом, желудки пивом, а разум хмельными парами, что бездействие стало просто невыносимым. А так сам виновник торжества, то есть происшествия, коварно скрылся от возмездия, то ничего не оставалось, как следуя давней и славной традиции, спалить его дом. И запылал в ночи костер.

Сухие старые доски крыльца вспыхнули сразу, следом занялась стена и вскоре огонь перекинулся на крышу. В разбитые окна полетели факелы, и вот уже в комнатах захозяйничало пламя, лаская горячими языками потолочные балки. И не выдержав этой огненной ласки, они со стоном трещали и рушились. Им вторила, разлетаясь осколками по двору, тусклая, красная черепица на крыше, обретая в пламени пожара на краткий миг, свой молодой оранжевый цвет. Последними сдались огню цветные узорные стеклышки, что украшали дверь. Они почернели и оплавилась, потекли слезами и смешались с углем и золой.

Сгорели и кусты дикого жасмина, что Реми посадил вокруг дома в память о горной

обитатели, колыбели его недолгого счастливого детства. Так, что утреннее солнце осветило своими золотыми лучами только обгорелый остов того, что еще недавно было старым, но уютным домом.

А в особняке Лэптонов, закрывшись в комнате Эйфории, задернув шторы, чтобы не видеть света дня, что в одночасье померк в его душе, сидел сжимая в руке растрепанного, плюшевого зайчонка, первую мягкую игрушку дочери, подаренную ей на самый ее первый день рожденья, Джоэл-старший. Набивка-вата, что торчала из разорванного плюшевого тельца, давно промокла от пролитых на нее в безумном отчаянии слез. Но сейчас усталые покрасневшие глаза отца Эйфории в сети внезапно прорезавшихся морщин были сухи. Он сидел на кровати дочери сгорбившись, опустил на грудь крупную голову и уставившись невидящим взглядом на царящий вокруг хаос. Первый раз в жизни он не знал, что ему делать и как справиться с постигшим его горем, где и в ком искать поддержку и надежду. И было ясно только одно, ничего уже не будет прежним.

Конец первой части.

Больше книг на сайте - Knigoed.net